

ДЕПОРТАЦИЯ АРМЯН

14 июня 1949 года

Сборник документов и материалов

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*
кандидат исторических наук *Г. Харатян*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2016

УДК 325.254.6(479.25)"1949"(060.53)
ББК 63.3(2Арм)631-361я45
Д35

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук *В.И. Исаев*
доктор исторических наук *Н.М. Маркдорф*

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-21-200001*

Д 35 Депортация армян 14 июня 1949 года: сборник документов и материалов / Сост. Н.Н. Аблажей; Отв. ред. Н.Н. Аблажей, Г. Хартян. – Новосибирск: Наука, 2016. – 230 с.
ISBN 978–5–02–038691–4.

Сборник включает документы, воспоминания и исследования по истории депортации 14 июня 1949 г., проведенной на территории советских республик — Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края, в ходе которой в Алтайский край и Нарым были высланы как «дашнаки» и «турецкоподданные» более 16 тыс. этнических армян. Публикуемые материалы призваны показать депортацию как репрессивную акцию, раскрыть ее последствия в пространстве исторической памяти армянского этноса.

Издание предназначено для специалистов в области общественных и гуманитарных дисциплин.

**УДК 325.254.6(479.25)"1949"(060.53)
ББК 63.3(2Арм)631-361я45**

© Фотография на обложке. НА РА (учетное дело В. Овивяна), А. Тер-Арутюнов (фото В. Овивяна, частный архив), 2016

© Редакционно-издательское оформление. Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2016

ISBN 978–5–02–038691–4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня, когда в научном, политическом и информационном пространстве идет дискуссия вокруг фигуры Сталина и политического режима, который он олицетворял, крайне важным становится *знание о советском прошлом*. В 1930–1953 гг. в СССР насильственному переселению подвергли 6,15 млн чел. Депортации выполняли не только репрессивную функцию, но стали инструментом политической и социальной инженерии. При этом власть не особо интересовало то обстоятельство, что насильственное перемещение из привычной в новую, как правило, экстремальную среду обитания неизбежно приводило к трагедиям, потерям, издержкам, ломке жизненных стратегий, долгосрочным деструктивным последствиям для отдельного человека, семьи, группы или даже целого этноса. В итоге депортации не ослабили, как полагала власть, а, напротив, усилили напряженность в советском обществе.

Груз советского «депортационного» прошлого настолько тяжел, что не позволяет и, вероятно, не позволит «отказаться» от такого прошлого или «забыть» о нем. Но его можно попытаться преодолеть, не идя по пути «забвения», а через сохранение и трансляцию знания о советских депортациях в пространстве исторической памяти всех постсоветских стран. Вывод темы государственного террора в СССР из идеологической в сугубо научную плоскость будет способствовать объективной интерпретации советской истории, а единственной гарантией от повторения репрессий может стать только внедрение в массовое сознание знания о терроре и активизация памяти о нем.

Именно этот мотив побудил группу историков и этнологов из России и Армении начать совместную работу по проекту «Армянская депортационная кампания 1949 года и ее отражение в исторической памяти». Перед исследователями стояла задача не только получения объективного знания о малоизвестной депортационной кампании 1949 г., проведенной на территории Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края, но и в персонализации жертв этой депортации, среди которых более 16 тысяч армян, высланных на Алтай и в Нарым. День выселения — 14 июня — стал печальной памятной датой для Армении, с 2006 г. он отмечается в республике как День памяти жертв политических репрессий.

*Наталья Аблажей
Грануш Харатян*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник включает документы, воспоминания и исследования по истории депортации 14 июня 1949 г., проведенной на территории советских республик — Армении, Грузии, Азербайджана и Краснодарского края, в ходе которой были высланы на Алтай и в Нарым как «дашнаки» и «турецкоподданные» более 16 тыс. этнических армян.

Первая часть сборника «Документы» представлена документальным массивом, относящимся к выселению, ссылке, освобождению и реабилитации лиц, попавших в депортационную кампанию 1949 г. Представленные материалы могут служить фактографической основой по истории этой малоизвестной депортации. В основном здесь представлены документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Государственном архиве военно-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Государственном архиве Алтайского края (ГААК), Государственном архиве Томской области (ГАТО), Информационном центре МВД по Алтайскому краю (ИЦ МВД АК) и Национальном архиве Республики Армения (НА РА). Значительная часть документов выявлена в архивах и публикуется впервые, но мы опирались также и на уже существующие документальные издания. В легенде приводятся основные архео- и библиографические признаки документа, но опущены делопроизводственные номера, регистрационные штампы и пометы. Ряд документов приведен в извлечениях. Выявление, отбор и систематизация документов проведены Н.Н. Аблажей. Всего опубликовано 67 документов.

Во втором разделе сборника «Воспоминания» представлены фрагменты из одного дневника и двух воспоминаний очевидцев, повествующие о драматических событиях, связанных с выселением армян в 1949 г. из Армении и Грузии. Воспоминания насыщают историю ссылки персональным содержанием и позволяют нам больше узнать о ней. Тексты воспоминаний снабжены небольшими введениями и комментариями публикаторов. Некоторые воспоминания публикуются впервые.

В третий раздел сборника вошли статьи исследователей — участников российско-армянского проекта «Армянская депортационная кампания 1949 года и ее отражение в исторической памяти». Основу публикаций составили материалы российско-армянского семинара, прошедшего 11 сентября 2016 г. в г. Новосибирске.

Наталья Аблажей

РАЗДЕЛ I. Документы

№ 1

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

Центральный Комитет

ПРОТОКОЛ № 68

Заседания Политбюро ЦК от 4 апреля 1949 г.

Решение от 4 апреля 1949 г.

126. В целях очистки Армянской и Азербайджанской ССР от политически неблагонадежного элемента Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать Министерство Государственной Безопасности СССР (тов. Абакумова) выселить проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР дашнаков на вечное поселение в Алтайский край под надзор органов Министерства внутренних дел.

2. Разрешить выселяемым брать с собой лично принадлежащие им ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь) и запас продовольствия общим весом до 1.000 килограммов на семью.

3. Обязать Министерство внутренних дел СССР (тов. Круглова) обеспечить конвоирование выселяемых, перевозку по железной дороге и надзор за ними в местах нового поселения в Алтайском крае, исключив возможность побегов, а также расселение их на жительство и трудоустройство.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 140 (Копия).

Лубянка: Сталин и МГБ СССР, март 1946 – март 1953 / Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2007. С. 261. № 82.

№ 2

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

Центральный Комитет

ПРОТОКОЛ № 68

Заседания Политбюро ЦК от 4 апреля 1949 г.

Решение от 4 апреля 1949 г.

127. О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и быв. турецких граждан, принятых в советское гражданство, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье

В целях очистки Черноморского побережья и Закавказья от политически неблагонадежного элемента – Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать Министерство государственной безопасности СССР (тов. Абакумова) выселить проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье всех турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывш. турецких граждан, принятых в советское гражданство, на вечное поселение в Томскую область, под надзор органов Министерства внутренних дел.

2. Разрешить выселяемым брать с собой лично принадлежащие им ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь) и запас продовольствия общим весом до 1.000 килограммов на семью.

3. Обязать Министерство внутренних дел СССР (тов. Круглова) обеспечить конвоирование выселяемых, перевозку по железной дороге и надзор за ними в местах нового поселения в Томской области, исключив возможность побегов, а также расселение их на жительство и трудоустройство.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 141 (Копия).

Лубянка: Сталин и МГБ СССР... С. 261–262. № 83.

№ 3

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении дашнаков, проживающих в Грузинской ССР

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

Центральный Комитет

ПРОТОКОЛ № 68

Заседания Политбюро ЦК от 11 апреля 1949 г.

Решение от 11 апреля 1949 г.

180. О выселении дашнаков, проживающих в Грузинской ССР.

В целях очистки Грузинской ССР от политически неблагонадежного элемента, Политбюро ЦК КП(б) Грузии постановляет:

1. Принять предложение ЦК КП(б) Грузии о выселении с территории республики дашнаков, численностью 1950 человек, составляющих 650 семей.

2. Обязать Министерство государственной безопасности СССР (тов. Абакумова) выселить проживающих в Грузинской ССР дашнаков на вечное поселение в Алтайский край под надзор органов Министерства внутренних дел.

3. Разрешить выселяемым брать с собой лично принадлежащие им ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный инвентарь) и запас продовольствия общим весом до 1.000 килограммов на семью.

4. Обязать Министерство внутренних дел СССР (тов. Круглова) обеспечить конвоирование выселяемых, перевозку по железной дороге и надзор за

ними в местах нового вселения в Алтайском крае, исключив возможность побегов, а также расселение их на жительство и трудоустройство.

Выписка послана г. Абакумову.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 144 (Копия).

№ 4

Сопроводительная записка министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова зам. председателя Совета министров СССР Л.П. Берия

< 26 мая 1949 г.>

Сов. секретно

Заместителю председателя Совета Министров Союза ССР

Тов. БЕРИЯ Л.П.

В соответствии с решениями ЦК ВКП/б/ на Министерство Внутренних Дел СССР возложена перевозка и расселение в Алтайском крае, Томской, Джамбульской и Южно-Казахстанской областях выселяемых из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР и Побережья Черного моря турок, греков и дашнаков в количестве около 12500 семей.

Представляя проект постановления Совета Министров СССР по обеспечению перевозок и расселения выселенцев, прошу его утвердить.

Министр внутренних дел Союза ССР

/С. КРУГЛОВ/

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 245. Л. 268 (Копия. Приложение: Постановление Совета Министров СССР «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР» – Л. 269–272)¹. Др. экз.: Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 1 Копия. Приложение: Постановление СМ. Л. 2–5).

№ 5

Приказ министра государственной безопасности СССР № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья»

ПРИКАЗ

Министра Государственной Безопасности Союза ССР за 1949 год

Содержание: О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, гре-

¹ Публикуется ниже.

ческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Черноморского побережья.

28 мая 1949 года

№ 00183

гор. Москва

Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) от 4 и 11 апреля и 17 мая 1949 года о выселении с семьями: турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков, проживающих на территории Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Черноморского побережья –

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Руководство подготовленными мероприятиями и проведение операции по выселению возложить на Заместителя Министра Государственной безопасности СССР генерал-лейтенанта СЕЛИВАНОВСКОГО Н.Н.

2. В республиках, краях и областях ответственность за проведение подготовительных мероприятий и проведение операции по выселению возложить на уполномоченных МГБ СССР, Министров государственной безопасности республик, начальников УМГБ краев и областей.

3. Уполномоченными МГБ СССР назначить:

по МГБ Грузинской ССР – генерал-лейтенанта ВАДИСА, зам. уполномоченного по войскам – зам. нач. Главного Управ. войск МГБ генерал-лейтенанта СЛАДКЕВИЧА;

по МГБ Абхазской ССР – генерал-майора ЛОРЕНТА, зам. уполномоченного по войскам – зам. командира 1 дивизии войск МГБ полковника СОКОЛЕНКО; по МГБ Аджарской ССР – генерал-майора САМЫГИНА, зам. уполномоченного по войскам – командира 287 полка войск МГБ полковника ЕНУКОВИЧА;

по МГБ Армянской ССР – генерал-лейтенанта ЕДУНОВА, зам. уполномоченного по войскам – командира 5 дивизии войск МГБ генерал-майора ЛЕОНТЬЕВА;

по МГБ Азербайджанской ССР – генерал-майора КОЖЕВНИКОВА, зам. уполномоченного по войскам – зам. командира 7 дивизии войск МГБ полковника ПОЛЯКОВА;

по УМГБ Краснодарского края – генерал-майора МИСЮРЕВА, зам. уполномоченного по войскам – заместителя начальника отдела боевой подготовки Главного Управления войск МГБ СССР полковника МИХАЙЛОВА.

4. Руководство операцией по выселению из Херсонской, Николаевской, Одесской и Измаильской областей возложить на Министра государственной безопасности УССР генерал-лейтенанта САВЧЕНКО и Заместителя Министра госбезопасности УССР генерал-майора ПОПЕРЕКА.

5. Руководство операцией по выселению из Крымской области возложить на начальника УМГБ Крымской области генерал-майора КОНДАКОВА.

6. Министрам госбезопасности: Грузинской ССР генерал-лейтенанту РУХАДЗЕ, Абхазской АССР генерал-майору ГАГУА, Аджарской АССР полковнику ПАРЦХАЛАДЗЕ, Армянской ССР полковнику КОРХМАЗЯН, Азербайджанской ССР генерал-майору ЕМЕЛЬЯНОВУ, Украинской ССР генерал-лейтенанту САВЧЕНКО, врио начальника УМГБ Краснодарского края полковнику КОРОТКИХ, начальнику УМГБ Крымской области генерал-майору КОНДАКОВУ и уполномоченным МГБ СССР приступить к подготовительным мероприятиям.

7. Заместителю Министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенанту СЕЛИВАНОВСКОМУ определить на месте потребность дополнительного количества оперативного состава, войск, материально-технических средств для обеспечения операции и предложения представить мне на утверждение.

8. Заместителю Министра госбезопасности СССР по кадрам генерал-майору СВИНЕЛУПОВУ, в соответствии с утвержденной численностью, выделить оперативный состав и обеспечить своевременное его прибытие на место.

9. Начальнику Главного Управления внутренних войск МГБ СССР генерал-лейтенанту БУРМАКУ обеспечить своевременное распределение и прибытие войск для проведения операции и командировать в республики, края и области офицеров связи и автослужбы.

10. Заместителю начальника Главного Управления охраны МГБ СССР на транспорте полковнику ТИХОНОВУ обеспечить передвижение войск и оперативного состава к месту назначения.

11. Ответственность за формирование и своевременное прибытие погрузки железнодорожных эшелонов возложить на исполняющего обязанности начальника I отдела Первого Управления, Главного Управления охраны МГБ СССР на транспорте полковника БЕНЕНСОНА.

12. Организацию и контроль за работой автотранспорта во время операции возложить на заместителя начальника автобронетанковой службы Главного Управления внутренних войск МГБ СССР подполковника СИДОРОВА.

13. Ответственность за организацию связи возложить на начальника Отдела связи Главного Управления внутренних войск МГБ СССР полковника ЗАХАРОВА.

14. Материальное и техническое обеспечение войск и органов МГБ во время операции возложить на начальника УВС МГБ СССР полковника КОРНИЦКОГО.

15. Организационные и другие подготовительные мероприятия проводить с соблюдением строжайшей конспирации. О ходе подготовительных работ по выселению регулярно доносить МГБ СССР. Срок проведения операции будет установлен особым моим указанием.

16. Утвердить прилагаемые при этом инструкции о порядке проведения выселения и оформления дел на выселяемых.

Министр государственной безопасности Союза ССР В. АБАКУМОВ

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2 ч. / Под ред. Г.Ф. Весновской. Курск, 1999. Ч. I. С. 273–276; Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 666–668. № 4.25.

№ 6

Постановление Совета министров СССР № 2214-856 сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря»¹

Совет Министров СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
№ 2214-856 сс

29 мая 1949 г.
Москва, Кремль

Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также Побережья Черного моря

В связи с проводимым Министерством государственной безопасности СССР выселением дашнаков, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, из Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Черноморского побережья на Министерство внутренних дел СССР возложено конвоирование выселяемых, перевозка по железной дороге, трудоустройство и надзор за выселяемыми в местах спецпоселения.

В целях обеспечения перевозок, конвоирования, расселения и трудового устройства выселяемых Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Министерство Внутренних дел СССР (т. КРУГЛОВА) расселить выселяемых дашнаков в Алтайском крае, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, – в Томской области, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, – в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях Казахской ССР, обеспечив конвоирование выселяемых, перевозку по железной дороге и водным путям,

¹ Отменено Постановлением Кабинета министров СССР от 6 июня 1991 г. № 336.

надзор за ними в местах поселения, исключив возможность побегов, а также трудоустройство их.

2. Обязать Министерство путей сообщения (т. БЕЩЕВА) выделить по заявке Министерства Внутренних дел СССР необходимое количество железнодорожных вагонов, оборудованных для людских перевозок, и обеспечить продвижение эшелонов с выселяемыми до места назначения на правах воинских. Эшелоны направлять в распоряжение УМВД Алтайского края, Томской, Джамбульской и Южно-Казахстанской областей, производя разгрузку их на станциях в соответствии с планами УМВД, согласованными с управлениями железных дорог.

3. Обязать Министерство финансов СССР (т. ЗВЕРЕВА) выделить:

а) Министерству Внутренних дел СССР дополнительные средства на 1949 год на содержание спецкомендатур за счет союзного бюджета, а также средства на уплату расходов по железнодорожным и водным перевозкам, по питанию, медобслуживанию выселенцев в пути следования из расчета 5 руб. 50 коп. в день на одного человека;

б) по заявкам Алтайского крайисполкома, Южно-Казахстанского, Джамбульского и Томского облисполкомов необходимые средства на расходы по перевозке выселенцев от железнодорожных станций и пристаней разгрузки до места их расселения, а также денежные ссуды на постройки новых домов и приобретение скота.

4. Обязать Госснаб СССР (т. КАГАНОВИЧА) выделить, а Министерству нефтяной промышленности (т. БАЙБАКОВУ) поставить по заявкам Алтайского крайисполкома, Томского, Южно-Казахстанского и Джамбульского облисполкомов необходимое количество автобензина для перевозки выселенцев от железнодорожных станций и пристаней разгрузки до места их расселения.

5. Обязать Министерство речного флота (т. ШАШКОВА) выделить по заявке Министерства внутренних дел СССР необходимое количество плавучих средств, оборудованных для людских перевозок, обеспечить продвижение эшелонов с выселяемыми до места назначения на правах воинских.

6. Расчеты за перевозку выселяемых по железной дороге и по воде производить по тарифу, установленному для перевозки заключенных.

7. Обязать Министерство торговли СССР (т. ЖАВОРОНКОВА) организовать выдачу через железнодорожные буфеты горячей пищи проходящим эшелонам с выселяемыми в соответствии с графиком движения эшелонов за наличный расчет с начальником эшелонов.

8. Обязать Министерство здравоохранения СССР (т. СМИРНОВА) выделить по заявкам Министерства Внутренних дел СССР на каждый эшелон выселяемых по одному медицинскому врачу и по две медсестры с необходимым количеством медикаментов и перевязочных средств для оказания медицинской помощи выселяемым в пути следования.

9. Обязать Алтайский крайисполком, Южно-Казахстанский, Джамбульский и Томский облисполкомы:

а) обеспечить перевозку выселенцев от железнодорожных станций и пристаней разгрузки до места их расселения путем мобилизации в необходимом количестве автомобильного и гужевого транспорта, принадлежащего учреждениям, предприятиям, совхозам и колхозам, с оплатой этого транспорта, по местным тарифам, за счет выделяемых в соответствии с пунктами 3 и 4 настоящего Постановления ассигнований и автобензина;

б) оказать содействие Министерству Внутренних дел СССР в расселении и хозяйственно-бытовом устройстве выселяемых, а также в случае необходимости организовать дома инвалидов и престарелых для размещения в них одиночек инвалидов и престарелых из числа прибывающих выселенцев.

Председатель Совета Министров Союза ССР И. СТАЛИН
Управляющий делами Совета Министров СССР М. ПОМАЗНЕВ

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 245. Л. 269–272 (Копия); Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 2–5 (Копия).

Сталинские депортации... С. 668–670. № 4.26.

№ 7

Приказ министра внутренних дел СССР № 00525 сс «Об обеспечении перевозок и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря»

ПРИКАЗ

Министра Внутренних дел Союза ССР

Содержание: Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря.

№ 00525

2 июня 1949 г.

г. Москва

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856 сс органами МГБ с территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР и побережья Черного моря будет проводиться выселение дашнаков, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, которые должны быть расселены в местах специального поселения навечно.

Указанным выше Постановлением Совет Министров СССР обязал Министерство внутренних дел СССР обеспечить: конвоирование и перевозку выселяемых из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР и побережья Черного моря по железным дорогам и водным путям к местам поселения; охрану выселяемых в пути следования; расселение и трудоустройство выселяемых в сельском хозяйстве (колхозах и совхозах) и в промышленности;

административный надзор в местах расселения и надлежащий учет выселенцев, установив для них режим, исключая возможность побега.

В целях обеспечения точного и своевременного выполнения указанного Постановления Совета Министров СССР –

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Выселяемых с территории Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Украинской ССР, Краснодарского края и Крымской области направить на вечное поселение:

в Алтайский край	дашнаков	3620 семей	13 000 чел.
в Томскую область	турок	1500 семей	5400 чел.
в Джембульскую область	греков	6000 семей	21600 чел.
в Южно-Казахстанскую область	греков	1500 семей	5400 чел.

2. Министрам внутренних дел Грузинской ССР генерал-лейтенанту КАРАНАДЗЕ, Армянской ССР генерал-майору ГРИГОРЬЯН, Азербайджанской ССР генерал-лейтенанту ЯКУБОВУ, Украинской ССР генерал-лейтенанту СТРОКАЧ, начальникам УМВД по Краснодарскому краю генерал-майору МЕДВЕДЕВУ, по Крымской области генерал-майору ЗАПЕВАЛИНУ:

а) организовать на станциях погрузки прием от органов МГБ выселяемых по семейным справкам;

б) командировать на станции формирования эшелонов уполномоченных МВД – УМВД, с задачей оказания практической помощи начальникам эшелонов и конвоев по организации приема, формирования и отправки эшелонов;

в) выделить и назначить из числа ответственных работников МВД – УМВД на каждый эшелон начальника эшелона, двух заместителей – по оперативной и хозяйственной части, тщательно проинструктировав их (инструкция начальникам эшелонов и конвоя прилагается¹). Назначить по одному врачу и по две медсестры с необходимым количеством медикаментов;

г) выдать начальникам эшелонов под отчет деньги на расходы по питанию и медобслуживанию выселенцев в пути следования, из расчета 5 руб. 50 коп. в сутки на одного человека;

д) обеспечить надлежащий общественный порядок в городах и других населенных пунктах, из которых будет производиться выселение.

3. Начальнику Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту СТАХАНОВУ на период проведения выселения принять необходимые меры к усилению охраны государственной границы в районах выселения.

4. Зам. начальникам Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР подполковнику ЩЕРБИНИНУ:

а) согласовать с МГБ СССР вопросы оборудования и подачи вагонов и проследить за своевременным выполнением этого мероприятия.

¹ Публикуется ниже.

Обеспечить выделение тоннажа для перевозки выселенцев по водным путям;

б) сформировать эшелоны строго по контингентам, обеспечив отправку эшелонов: с выселенцами дашнаками – в Алтайский край, греками – в Джамбульскую и Южно-Казахстанскую области Казахской ССР и турками – в Томскую область;

в) разработать специальный план по обеспечению перевозки эшелонов с выселенцами, определить маршруты следования эшелонов, питательные пункты и пункты санобработки выселенцев в пути следования.

5. Начальнику Управления конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенанту БОЧКОВУ:

а) выделить необходимое количество конвоя для организации конвоирования выселяемых до места расселения, приняв необходимые меры, исключающие возможность побегов выселяемых в пути следования.

Для конвоирования выселяемых использовать личный состав 432 Минского орденов Кутузова и Александра Невского конвойного полка;

б) на каждый эшелон выделить конвой в количестве 30 солдат и сержантов, во главе с офицером;

в) для оказания практической помощи по организации охраны на станциях разгрузки, формирования и конвоирования в пути следования командировать в Грузинскую, Армянскую, Азербайджанскую, Украинскую ССР, Краснодарский край и Крымскую область оперативные группы офицеров Управления конвойных войск МВД СССР.

6. Начальнику Отдела спецпоселений МВД СССР полковнику ШИЯН обеспечить:

а) своевременное выделение и направление из числа ответственных работников МВД республик и УМДВ краев и областей для назначения их начальниками эшелонов и их заместителей;

б) своевременное выделение Министерством здравоохранения СССР на каждый эшелон с выселяемыми по одному медицинскому врачу и по две медицинские сестры, с необходимым количеством медикаментов и перевязочных средств для оказания медицинской помощи в пути следования выселенцам.

7. Начальнику Главного управления Военного снабжения МВД СССР генерал-майору интендантской службы ГОРНОСТАЕВУ организовать через железнодорожные рестораны и буфеты выдачу питания выселенцам в пути следования к местам поселения.

8. Начальнику центрального финансового отдела МВД СССР полковнику интендантской службы КАРМАНОВУ своевременно финансировать расходы МВД Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Украинской ССР, УМВД по Краснодарскому краю и Крымской области, связанные с перевозкой выселенцев по железнодорожным и водным путям сообщения.

9. В целях оперативного решения вопросов, связанных с организацией приема, конвоирования и своевременного отправления эшелонов с выселяемыми командировать:

в МВД Грузинской ССР начальника управления конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенанта БОЧКОВА, начальника Юго-Западного окружного отдела спецперевозок МВД подполковника ГОВОЗОВА, начальника отделения ОСП МВД СССР подполковника КОВРЕЙН; в МВД Армянской и МВД Азербайджанской ССР заместителя начальника отделения ОСП МВД СССР майора АБРАМОВА; в УМВД по Краснодарскому краю инспектора ОСП МВД СССР подполковника ВАЛДАЕВА.

10. Министрам внутренних дел Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Украинской ССР, начальнику УМВД по Краснодарскому краю и уполномоченным МВД обеспечить посадку выселенцев в вагоны строго по контингентам, раздельно греков, турок и дашнаков, не допуская смешения контингентов в одном вагоне.

11. Министру внутренних дел Казахской ССР генерал-лейтенанту ДОЛГИХ, начальникам УМВД по Южно-Казахстанской области полковнику МИРОШНИКОВУ, УМВД по Джамбульской области подполковнику РУПАСОВУ, УМВД по Томской области полковнику БРОВЧЕНКО и УМВД по Алтайскому краю полковнику ФЕДОРОВУ:

а) совместно с местными партийными и советскими органами разработать конкретный план приема и расселения прибывающих выселенцев. В плане предусмотреть обеспечение выселенцев жильем, их трудовое устройство, а также выделение перевозочных средств для перевозки выселенцев от железнодорожных станций и пристаней к местам их поселения;

б) провести обследование намеченных мест расселения выселенцев путем направления в эти места ответственных сотрудников УМВД совместно с работниками советских органов и хозяйственных организаций, а также принять меры к своевременной и полной подготовке к приему и размещению выселенцев;

в) по прибытии эшелонов с выселенцами на станциях и пристанях разгрузки организовать прием выселенцев от начальников эшелонов по эшелонным и вагонным спискам и по семейным справкам МГБ СССР, о чем составлять соответствующие акты. Прием выселенцев возложить на начальников Райотделов МВД, на территории которых будут расселены выселенцы, на комендантов соответствующих спецкомендатур и на специально назначенных уполномоченных УМВД;

г) до прибытия эшелонов в месте расселения выселенцев организовать спецкомендатуры МВД, а в имеющихся спецкомендатурах соответственно увеличить штатную численность.

К 5 июня 1949 года подобрать и назначить работников во вновь организованные спецкомендатуры и к моменту прибытия выселенцев тщательно их проинструктировать, в соответствии с приказами и директивами МВД СССР о работе среди выселенцев. К тому же сроку представить в МВД СССР дислокацию и штатную численность вновь организованных спецкомендатур;

д) прибывших в места расселения выселенцев взять на учет, объявить им правовое положение выселенцев, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года об уголовной ответственности за побег с места

обязательного поселения, организовать строгий режим и установить административный надзор в соответствии с приказом МВД СССР № 001445 от 7 декабря 1948 года.

12. Для оказания практической помощи местным органам МВД в подготовке, организации приема, расселении и трудоустройстве выселенцев, точного учета, режима и административного надзора за выселенцами командировать: в Алтайский край заместителя начальника отделения ОСП МВД СССР капитана НЕЧАЕВА; в Томскую область ст. оперуполномоченного ОСП МВД СССР ст. лейтенанта ЖАРКОВА; в Джамбульскую область ст. оперуполномоченного ОСП МВД СССР капитана ФАНГИНА; в Южно-Казахстанскую область инспектора ОСП МВД СССР подполковника ЕГОРОВА.

Наблюдение за выполнением настоящего приказа возложить на заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника СЕРОВА.

Министр внутренних дел Союза ССР
генерал-полковник С. КРУГЛОВ

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 10. Л. 46–54 (Подлинник). Др. экз.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 42. Л. 101–115 (Заверенная копия, без п. 11д).

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Материалы к сер.: Народы и культуры. Выр. XII / Сост. О.Л. Милова; Предисл. Т.В. Павловой. М., 1992. С. 59–72; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : Собр. док.: 6 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 526–529. № 185; Сталинские депортации... С. 670–673. № 4.27.

№ 8

Инструкция Начальника Конвойных войск МВД СССР В.М. Бочкова и Начальника Отдела спецпоселений МВД В.В. Шияна начальникам эшелона и конвоя по конвоированию выселенцев

2 июня 1949 г.

Секретно

«Утверждаю»

Министр внутренних дел СССР
генерал-полковник С. КРУГЛОВ

ИНСТРУКЦИЯ

начальникам эшелона и конвоя по конвоированию выселенцев

1. Общее положение

1. Для сопровождения выселяемых по железным дорогам до пункта разгрузки, организации охраны, недопущения побегов при конвоировании в

каждый эшелон назначаются: начальник эшелона, заместитель начальника по оперативной части, заместитель начальника по снабжению, медперсонал в составе одного врача и двух медсестер и конвоя 2 разряда в составе 30 человек во главе с 2 офицерами конвойных войск.

2. Каждому эшелону присваивается особый номер, сохраняемый на весь путь следования.

3. Охрана эшелона на остановках и в пути следования осуществляется личным составом конвоя путем выставления постов.

4. Для поддержания порядка в вагоне из числа выселяемых назначаются старшие в каждом вагоне.

II. Обязанности начальника эшелона и его заместителей

5. Начальник эшелона назначается министром внутренних дел республики из лиц офицерского состава. Ему подчиняются: заместитель начальника по оперативной части, заместитель начальника по снабжению, врач, медсестры и личный состав конвоя.

6. Начальник эшелона обязан:

а) до приема выселяемых принять и тщательно проверить исправность вагонов, наличие съемного вагонного оборудования (нары, окна, унитазы, ведра и стремянки), в соответствии с приказом Министерства путей сообщения и министра внутренних дел СССР № с-80ц/0116 от 5 марта 1949 года;

б) выделить в составе эшелона два-три вагона для конвоя, один вагон под изолятор для заболевших в пути, в котором следует выделенный медперсонал с необходимым количеством медикаментов, начальник эшелона следует в вагоне совместно с конвоем;

в) дать указания начальнику конвоя об организации охраны выселяемых и принятого в вагонах оборудования (фонари, доски, стремянки и т.д.);

г) по мере подвоза выселенцев к эшелону принять их от оперативного состава МГБ по семейным карточкам в двух экземплярах.

Один экземпляр посемейной карточки с распиской начальника эшелона сдать лицу, сдавшему выселенцев.

О разрозненных семьях указывать на обороте посемейной карточки, с указанием, кто не доставлен в эшелон.

7. Посадку выселяемых производить из расчета: в двухосный вагон по 22–24 человека и четырехосный 44–48 человек, с учетом обеспечения каждого вагона необходимым количеством бочек для воды и ведер для получения горячей пищи (1 ведро на 10 человек), за счет средств МВД – УМВД.

Посадку выселенцев в вагоны производить строго по контингентам: отдельно греков, турок и дашнаков. Категорически запрещается смешение контингентов в одном вагоне.

8. Каждой семье выселяемых разрешить погрузку личного багажа до 1000 килограммов. К упакованным вещам должны быть прикреплены бирки с указанием фамилии, имени и отчества владельца. Все остро режущие предметы: топоры, пилы и т.д. упаковывать отдельно, прикреплять к ним бирки и поместить в отдельный вагон эшелона.

9. После посадки выселяемых в вагоны составить повагонные списки с перечислением всех посаженных в вагон, в том числе и детей. Кроме этого в пути следования составить в трех экземплярах общий эшелонный список по форме: номер по порядку, фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, отношение к главе семьи, местожительство до переселения, примечание.

Составление эшелонного списка должно быть произведено чернилами и в крайнем случае химическим карандашом. По окончании приема МВД – УМВД по телеграфу докладывает в МВД СССР о количестве принятого контингента, с указанием: семей, человек, из них: мужчин, женщин и детей до 16 лет. Одновременно с этим указывать количество разрозненных семей.

10. Начальник эшелона один экземпляр эшелонного списка представляет МВД – УМВД, в распоряжение которых прибыл эшелон, а остальные два экземпляра списков высылают в Отдел спецпоселений МВД СССР.

11. Через представителей Отдела перевозок МВД на дорогах и железнодорожную администрацию добивается быстрейшего продвижения эшелона к месту назначения.

12. Ежедневно производить проверку людей в эшелоне, следить за поддержанием порядка и чистоты в вагонах, обязывая выселяемых производить уборку в вагонах.

13. Организовать питание выселяемых и их семей в пути следования через железнодорожные буфеты, оплачивая стоимость питания из расчета 5 рублей на каждого человека. Для получения горячей пищи через железнодорожные буфеты не позднее 12 часов до прибытия эшелона на станцию, где будет выдаваться питание, делать заявку начальнику станции по телефону или телеграфу.

14. Для получения горячей пищи из буфетов из каждого вагона выделять по 2 человека из числа семейных выселенцев под охраной конвоя.

15. Все расходные документы должны быть заверены по местам расходования средств органами МВД или МГБ. Выдача денег на руки выселяемым запрещается, за исключением денег матерям на приобретение молока для детей. Деньги на молоко должны выдаваться по раздаточным ведомостям под расписку получателей-матерей.

16. О случае задержки эшелона в пути немедленно донести в Отдел перевозок МВД СССР и отделы перевозок соответствующих железных дорог, о происшествии донести в Отдел спецпереселений МВД СССР, Управление конвойных войск МВД, а о перебоях в снабжении сообщить в ГУВС МВД СССР.

17. Запретить выселяемым нарушать правила железнодорожного порядка (ходить по путям, разводить костры на путях, брать самовольно топливо и другое железнодорожное имущество, выбрасывать и выливать остатки пищи на станциях) и продавать собственное имущество.

18. В пути следования эшелона через каждые 10–15 дней проводить санобработку выселяемых, подавая заявку об этом начальнику станции, на ко-

торой намечена санобработка. Санитарную обработку согласно приказа МПС и МВД СССР № С-80ц/0116 от 5.III-1949 года производить на изопропунктах бесплатно; по эпидпоказаниям отдельным группам выселенцев производить санобработку в санпропускниках также без оплаты. На медицинское обслуживание выселяемых в пути следования расходовать из расчета не выше 50 копеек в сутки на человека.

19. Отставших в пути следования от других эшелонов выселяемых принимать в свой эшелон и сдавать органам МВД–УМВД по месту сдачи эшелона по отдельному акту.

20. Об отставших от своего эшелона сообщать ближайшим органам МВД–УМВД с указанием установочных данных об отставших. В случае тяжелого заболевания выселяемых в пути сдавать их через местные органы МВД в ближайшие медсанпункты, а в случае смерти – для погребения, в каждом случае составляя акт.

21. По прибытии эшелона на станцию разгрузки выселяемых сдать представителям местных органов МВД по эшелонному списку. О сдаче составляется акт. В акте указывается: место сдачи, в чье распоряжение прибыли выселяемые, номер эшелона, численность выселенных (мужчин, женщин, детей). Один экземпляр акта начальник эшелона вместе с отчетными денежными документами направляет фельдсвязью МВД–УМВД, отправлявшим эшелон. Остаток денежных средств после сдачи эшелонов сдается в кассу финотделов МВД–УМВД, в распоряжение которых прибыл эшелон. Квитанция о сдаче денег направляется МВД–УМВД, выдавшим денежный аванс.

22. Сдать подвижной состав и съемное оборудование вагонов железнодорожной администрации станции выгрузки по железнодорожным описям, а инвентарь, полученный в МВД–УМВД, сдавать МВД–УМВД по месту разгрузки прибывших выселенцев.

III. Обязанности начальника конвоя

23. Для организации охраны и недопущения побегов в каждый эшелон назначается от конвойных войск МВД конвой 2 разряда численностью 30 человек во главе с 2 офицерами.

24. Начальник конвоя подчиняется начальнику эшелона и выполняет все его требования. Начальнику конвоя подчиняется весь личный состав конвоя, который выполняет только его приказания.

25. Начальник конвоя обязан:

- перед началом посадки выставить наружную охрану эшелона;
- для приема и посадки выселяемых назначить необходимое количество старших;
- организовать охрану эшелона на станциях и в пути следования, которая бы исключила всякую возможность побегов выселяемых;
- обеспечить телефонную связь конвоя с головным и хвостовым постами, а также с машинистом;

– для отражения возможных нападений на эшелон извне, а также предотвращения групповых и одиночных побегов выселяемых иметь постоянную резервную группу во главе с зам. начальника конвоя;

– разрешать выселяемым в дневное время на больших остановках открывать двери вагонов, ежедневно организовывать прогулки в непосредственной близости от вагонов, усиливая охрану путем выставления дополнительных постов.

За 10 минут до отправления эшелона выселяемые должны быть посажены в вагон:

– не допускать к эшелону посторонних граждан;

– контролировать несение службы личным составом конвоя;

– не допускать, чтобы лица из состава конвоя принимали и отбирали вещи от выселяемых;

– обеспечить охрану ценностей и документов, находящихся у начальника эшелона;

– о всех чрезвычайных происшествиях в пути немедленно доносить в Управление конвойных войск МВД СССР.

IV. О мерах борьбы с побегами в пути следования

26. Одной из основных задач начальника эшелона, его заместителя по оперативной части и начальника конвоя является предупреждение и ликвидация побегов.

27. При приеме на станции формирования выселяемых начальнику эшелона и его заместителю по оперативной части требовать от сдающих данные о лицах, склонных к побегам.

28. Лиц, склонных к побегам, и одиночек, следуемых без семей, размещать в головных вагонах эшелона, устанавливая за ними особое наблюдение.

29. В случае группового побега во время движения эшелона или во время стоянок на железнодорожных станциях, начальник эшелона или конвой задерживает движение эшелона на время немедленного задержания бежавших силами конвоя. В случае невозможности немедленного задержания начальник эшелона уведомляет ближайшие органы МВД с указанием полных установочных данных и примет бежавших и адресата, кому следует сообщать о результатах преследования и принятых мер розыска.

30. При обнаружении одиночного побега выселяемых как во время движения эшелона, так и на станциях начальник эшелона не задерживает, принимает меры розыска и задержания бежавших через ближайшие органы МВД.

31. Составу конвоя запрещается применять оружие против выселяемых, кроме случаев самозащиты при нападении со стороны выселяемых и при преследовании убегающих.

Против беременных женщин и детей ни при каких обстоятельствах оружие не применять.

О каждом случае побега выселяемых составлять акт по установленной форме и немедленно доносить телеграфно начальнику конвойных войск МВД СССР и начальнику Отдела спецпоселений МВД СССР.

Начальник конвойных войск МВД СССР
генерал-лейтенант БОЧКОВ
Нач. отдела спецпоселений МВД СССР
полковник ШИЯН
«Согласен» зам. министра внутренних дел СССР
генерал-полковник ЧЕРНЫШЕВ

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 10. Л. 55–62 (Подлинник). Др. экз.: Там же. Д. 42. Л. 101–115 (Заверенная копия).

Депортации народов СССР, 1992. № 14. С. 59–72; Сталинские депортации... С. 74–678. №. 4.28.

№ 9

Памятка начальнику оперативной группы¹

< июнь 1949 >

Совершенно секретно

ПАМЯТКА

Начальнику оперативной группы

Начальник оперативной группы, производящий выселение семей спецконтингента, обязан:

1. Получить у начальника горрайотдела МГБ выписку из списка семей, которые он должен поднять. В выписке должны быть указаны полные установочные данные на всех подлежащих выселению членов семей и точный адрес местожительства.

2. Перед началом операции тщательно ознакомиться по карте-схеме района или по плану города с местонахождением населенного пункта (а в городе – улицы, дома), где проживают семьи, подлежащие подъему, изучить маршрут движения от места сосредоточения опергруппы к этому населенному пункту и от него – к станции погрузки.

3. По получении приказа начальник оперативной группы должен со своей группой своевременно прибыть на место, выяснить фамилию главы семьи и другие данные и, если они соответствуют выписке, приступить к операции.

4. Перед началом операции начальник опергруппы объявляет, что данная семья подлежит выселению из пределов Молдавии в отдаленные районы Советского Союза ({...}). Если члены семьи не говорят по-русски, объявление делается на молдавском языке.

5. После предупреждения об ответственности за сопротивление или попытку укрыться от выселения, предложить приступить к сбору вещей. Прояснить, чтобы выселяемые взяли с собой ведра, а при наличии пилы и топоры.

¹ Этот и следующий документ представляют собой типовые инструкции, адаптированные под выселение из Молдавии, проведенное месяцем позднее.

6. Остающееся движимое и недвижимое имущество, а также скот выселяемого описывается привлеченными к проведению выселения представителями органов местной власти, которые обеспечивают его сохранность.

7. Во время сбора выселяемых заполняется в одном экземпляре опросный лист на главу семьи, с подробным перечислением в § 16 сведений об установочных данных каждого члена семьи и близких родственников.

Сообщаемые членами выселяемой семьи данные должны сверяться с документами, имеющимися на руках у выселяемых.

Каждый взрослый член семьи от 15 лет и выше должен быть обязательно опрошен о его установочных данных, с учинением личной подписи в опросном листе.

Одновременно на каждую семью заполняется в 2-х экземплярах справка-расписка установленной формы.

Опросный лист и справки-расписки заполняются чернилами. Подписи на этих документах должны быть разборчивы.

Если выселяется одиночка, т.е. член семьи, установленный в другом районе, на него также заполняется опросный лист и справка, но на этих документах делается отметка «одиночка», и в справку он заносится не как глава, а как член семьи.

8. В случае отсутствия в момент операции кого-либо из членов семьи, подлежащего выселению, начальник опергруппы выясняет местонахождение отсутствующего и, если он находится в пределах досягаемости (в поле, у соседей и т.д.), принимает меры к его изъятию и отправке на пункт погрузки.

Если включенный в список на выселение глава или член семьи к моменту операции бежал, скрылся, умер, тяжело болен и т.д., начальник опергруппы делает об этом соответствующую отметку в опросном листе и справке.

В случаях, когда в процессе операции в выселяемой семье обнаружатся дополнительные члены, не включенные в список на выселение (отец, мать, сын, брат, дочь, сестра и т.п.), начальник опергруппы тщательно проверяет их личность и, если они действительно входят в данную семью и экономически с ней неразрывно связаны, включает их в состав выселяемой семьи и заносит в опросный лист и справку.

О всех изменениях в количественном составе выселяемой семьи, а также об уточнениях в установочных данных выселяемых (фамилия, имя, отчество, год рождения и т.п.) начальник опергруппы доносит отдельно по каждой семье подробным рапортом произвольной формы на имя начальника горрайотдела МГБ.

9. Если в составе выселяемой семьи, за исключением семей, в отношении которых в оперативном листке имеется указание о согласовании выселения с инстанциями, обнаружатся лица, принимавшие активное участие в защите Родины в период Отечественной войны с оружием в руках в рядах Советской Армии и партизанских отрядах, а также находящиеся на службе в Советской Армии, либо награжденные орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета, Отечественной войны, Суворова, Нахимова, Александра Невского, Кутузова, Богдана

Хмельницкого, Славы и медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», имеющие особые заслуги перед государством (заслуженные деятели, лауреаты, депутаты Верховных Советов, депутаты краевых и областных советов), и при отсутствии в семье трудоспособных – немедленно ставить в известность начальника райгоротдела и ждать его указаний, не прекращая выселение других семей.

10. Для перевозки выселяемых к пунктам сбора, там, где это потребуется, при отсутствии автомашин использовать гужтранспорт населения.

11. Не допускать сбора посторонних лиц около домов выселяемых.

В случае вооруженного сопротивления или возникновения эксцессов принимать меры к их ликвидации

12. Выселяемые семьи сдаются на станции погрузки коменданту станции под расписку на рапорте о выполнении задания.

Вместе с семьей коменданту станции сдается документация (справки-расписки, опросные листы и рапорты об изменениях в составе семьи или установочных данных). Акты и протоколы обысков вместе с возможно изъятыми антисоветскими документами, оружие и т.д. сдают в горрайотдел.

После сдачи поднятых семей коменданту станции погрузки начальник оперативной группы с разрешения заместителя коменданта от своего района направляется в райгоротдел.

13. Начальники опергрупп докладывают о ходе операции начальникам соответствующих горрайотделов МГБ всеми имеющимися в их распоряжении средствами – по телефону, через связников и т.д. – методы связи для каждой опергруппы устанавливаются на месте горрайотделами МГБ.

14. О всех случаях вооруженного сопротивления при выселении, банд-проявлений, антисоветских выступлений и других важных происшествиях в ходе операции и о принятых мерах начальник опергруппы обязан немедленно доносить в горрайотдел МГБ.

15. По окончании операции начальник опергруппы докладывает рапортом о проделанной работе начальнику горрайотдела и возвращает паспорта о сдаче поднятых семей, список-задание по подъему спецконтингента, памятку, тексты объявлений о выселении, протоколы обысков и т.д.

Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950-е гг. М., 1994. С. 423–425. № 23 (Со ссылкой: АМНБРМ. Дело по операции).

№ 10

Памятка комендантам станций погрузки

<... >

Совершенно секретно

ПАМЯТКА

Комендантам станций погрузки

Комендатуры создаются для организации быстрой и правильной погрузки выселяемых в вагоны, охраны выселяемых до сдачи конвойным войскам

МГБ, обеспечения должного порядка на станции и четкой работы железнодорожной администрации во время проведения операции.

В состав комендатуры входят: комендант, заместитель коменданта по железнодорожному транспорту (выделяемый Управлением охраны МГБ ж.д.), зам. коменданта от районов, производящих погрузку выселяемых на данной станции погрузки, 2–3 оперативных работника и две-три машинистки.

Комендант станции погрузки обязан:

1. Вместе со своим заместителем по транспорту заблаговременно осмотреть станцию погрузки для определения места остановки под погрузку вагонов с учетом имеющихся подъездных путей и возможности подъема автомашин к вагонам.

2. Осмотреть прилегающую к станции погрузки территорию для определения места размещения комендатуры и расстановки постов охраны выселяемых при погрузке их в вагоны.

Охрана производится и усиливается по мере прибытия спецконтингента на станцию погрузки за счет высвобождающегося оперативного состава и войск.

3. Накануне дня операции комендант должен получить в МГБ данные, сколько семей, из какого района подлежат выселению и сколько вагонов должно быть подано на станцию под погрузку выселяемых.

Комендант станции перед погрузкой должен произвести подробный инструктаж всех работников комендатуры и разъяснить каждому из них его обязанности.

4. При поступлении на станцию семей комендант и его заместители путем опроса и сличения документов выселяемых определяют правильность заполнения опросных листов, справок и выясняют, нет ли в составе выселяемых семей лиц, принимавших активное участие в защите Родины в дни Отечественной войны с оружием в руках, в рядах Советской Армии и партизанских отрядах, а также находящихся на службе в Советской Армии, либо награжденных орденами: Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета, Отечественной войны, Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Славы и медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», имеющих особые заслуги перед государством.

Если будут выявлены такие семьи, за исключением семей, в отношении которых в оперативном листке имеется указание о согласованности выселения с ЦК, а также при отсутствии в выселяемых семьях трудоспособных лиц, погрузку приостановить и запросить указаний руководства.

Неправильно заполненные опросные листы и справки-расписки переписываются начальником оперативной группы, доставившим семью.

5. Комендант и его заместитель принимают устные и письменные заявления от выселяемых, немедленно проверяют их и докладывают руководству для получения указаний.

6. Комендант станции погрузки (или его заместитель) расписывается о приеме каждой доставленной семьи в рапортах начальников опергрупп, которые сдаются последними по окончании операции в соответствующий горрайотдел МГБ, как отчет о выполнении задания.

При приеме семьи комендант отбирает у начальника оперативной группы оба экземпляра справок-расписок, опросные листы и рапорта о выявленных изменениях в составе семьи или установочных данных.

О приеме спецконтингента от опергрупп комендант станции погрузки делает отметку в имеющихся у него порайонных списках семей и одиночек, подлежащих подъему. Списки эти вручаются коменданту погрузпункта соответствующим РО МГБ перед началом операции.

7. После проверки личности выселяемых и правильности заполненных на них документов комендант или его заместитель сдает выселяемую семью начальнику эшелона конвойных войск для погрузки в вагоны.

Начальник эшелона расписывается в приеме семьи на обоих экземплярах справки, один экземпляр ее оставляет себе, а второй возвращает оперработнику, сдавшему семью в эшелон. В расписке должна быть обязательно указана станция, край, область, куда этапируется семья. Подписи, должности и звания начальника эшелона, принявшего семью, и оперработника, сдавшего ее, должны быть написаны в расписке четко и разборчиво.

8. По мере заполнения вагонов семьями спецконтингента, составляется повагонно-эшелонный список <...>, который печатается в 3-х экземплярах и подписывается комендантом и начальником эшелона. Первый и второй экземпляры этого списка комендант станции погрузки передает в МГБ МССР, а третий начальнику эшелона.

9. Доставленные на погрузпункт одиночки, т. е. члены семей, выселяемых по другим районам, сдаются комендатуре в таком же порядке, как и семьи, т.е. с опросными листами и справками-расписками, но на этих документах должна быть отметка «одиночки», и в справку они вписываются не как главы, а как члены семьи.

Все одиночки грузятся в отдельный вагон и заносятся в повагонно-эшелонный список после семей, под рубрикой «одиночки».

10. В целях быстрого и бесперебойного приема семей, доставленных на погрузочный пункт, комендатура проводит прием одновременно в 4–5 вагонах (порайонно) и в соответствии с этим организует подход прибывающих к эшелону автомашин.

11. Если на станции производится погрузка не целого эшелона, а группы вагонов, комендант производит погрузку выселяемых в вагоны, организует охрану и сопровождение вместе со всеми документами до станции формирования эшелона, где производит их сдачу начальнику конвойных войск МГБ.

12. В случае возникновения на станции погрузки или в прилегающей к ней местности каких-либо эксцессов или волынок, комендант принимает меры к их устранению и немедленно доносит об этом руководству.

13. Отчетные сведения о ходе погрузки комендант докладывает руководству через каждые 2 часа, нарастающим итогом по установленной форме в разрезе района.

14. При получении указания о прекращении работы комендант всю документацию вместе с рапортом о результатах проведенной работы докладывает руководству.

Пасат, 1994. С. 425–427. № 24 (Со ссылкой: АМНБРМ. Дело по операции «Юг». Л. 128–130. Подлинник).

№ 11

Материалы учетного дела о выселении семьи В.М. Овивяна (заключение МГБ АрмССР, опросный лист, справка-расписка на высылаемую семью, заключение Особого Совещания при МГБ СССР)

«Утверждаю»
Министр госбезопасности
Армянской ССР
полковник (М. Корхмазян)
подпись
26 апреля 1949 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

25 апреля 1949 г.

Я, начальник 5-го отделения 2-го Отдела МГБ Армянской ССР майор АЙВАЗЯН В.А.

Рассмотрев дело о выселении семьи ОВИВЯНА Вагана Мартиросовича, 1903 года рождения, уроженца Турции, прибывшего по репатриации из Франции в 1947 году вместе с семьей, беспартийного, гражданина СССР, проживающего в гор. Ереване на III участке СК «Совитен» в 56 корпусе 1 этаж кв. 9, работающего на заводе № 447 шофером

НАШЕЛ:

Что ОВИВЯН Ваган Мартиросович с 1919 г. член партии «дашнакцунтун». Проживая до репатриации в г. Виене (Франция) и был дашнакским террористом, сотрудничал в дашнакской газете «Арач» («Вперед»), где выступал с антисоветскими статьями.

Среди своего окружения ведет антисоветскую дашнакскую агитацию.

Среди членов семьи ОВИВЯНА В.М. награжденных, участников Отечественной войны в рядах Советской армии или партизанских отрядах, а также имеющих особые заслуги перед Советским государством – нет.

ПОЛАГАЛ БЫ:

Семью ОВИВЯНА Вагана Мартиросовича, проживающего в г. Ереване на III участке СК «Совитен» в 56 корпусе 1 этаж кв. 9

В составе:

1. Глава семьи сам высылаемый ОВИВЯН Ваган Мартиросович – 1903 года рождения
 2. жена – ОВИВЯН Шнорик Карапетовна, 1911 года рождения
 3. сын – ОВИВЯН Рне Ваганович, 1930 года рождения
 4. дочь – ОВИВЯН Зейнаб Ваганович, 1936 года рождения
- выселить из пределов Армянской ССР в отдаленные районы Советского Союза на спецпоселение, ~~имущество конфисковать~~.

Учетное дело направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР.

Начальник 5-го отд-я 2 отдела МГБ Армянской ССР
майор (АЙВАЗЯН В.А.) подпись
Согласен: Начальник 2-го отдела МГБ Армянской ССР
подполковник (ГРИГОРЯН) подпись

НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273. Л. 9–9 об. (Подлинник на типовом бланке. Автографы. Примечание – Зачеркнутому «имущество конфисковать» верить /Айвазян/).

Опросный лист выселяемой семьи Овивяна В.М.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1. Фамилия *Овивян*
2. Имя и отчество *Ваган Мартиросович*
3. Год и месяц рождения *1903 года, Турция город Кемарек*
4. Место жительства и с какого времени проживает г. *Ереван, сентября 1947 года*
5. Место работы, должность или род занятий *Завод № 447, шофер*
6. Национальность, гражданство *Армянин, СССР*
7. Если ранее состоял в другом гражданстве, указать в каком и когда принял Советское гражданство *Ранее проживал во Франции, но подданство не имел, советское подданство принял Х.1947 г.*
8. Соц. происхождение *[из] крестьян*
9. Партийность *б/п*
10. Отношение к воинской службе (категория военного учета) *рядовой, но воинский билет находится в военном столе завода*
11. Имеет ли кто-то в семье награды (ордена, медали, грамоты) *нет не имеет*
12. Не является ли кто-либо из членов семьи в данное время лицом выборным (депутатом краевого, городского, районного советов) *не является*
13. Кто из членов семьи служил в период Отечественной войны в Советской Армии или в партизанских отрядах, кто служит в Советской армии в настоящее время *нет не служили*
14. Кто из членов семьи репрессирован (когда, кем, за что был судим и мера наказания) *репрессированных нет*

15. Кто из членов семьи служил у немцев, в какой должности и где сейчас находится *нет никто не служил*

16. Состав семьи высылаемого

№	Степень родства	Фамилия, имя и отчество (полностью)	Год рожд.	Место рождения	Место работы и должность	национальность	партийность	личная подпись
1	жена	Овивян Шнорик Каранетовна	1911	Турция, гор. (Горум) Чорум	домохозяйка	армянка	б/п	подпись
2	сын	Овивян Рне Ваганович	1930	Франция, гор. Виен	Завод № 447 Электромонтер	армянин	б/п	подпись
3	дочь	Овивян Алис Вагановна	1931	Франция, гор. Виен	Завод № 447 рабочая	армянка	б/п	подпись
4	сын	Овивян Зограб Ваганович	1934	Франция, гор. Виен	учащийся 31 шк.	армянин	б/п	подпись

17. Прочие сведения, сообщаемые о себе или семье *нет*

Личная подпись главы семьи _____ подпись
 Опрос произвел
 опер. уполн. МГБ в/ч № 62069 капитан Тер-Багдасарян _____ подпись
 14 июня 1949 г.

НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273. Л. 10–10 об. (Подлинник на типовом бланке. Автографы).

Справка-расписка на высылаемую семью Овивяна В.М.

СПРАВКА

Совершенно секретно

Семья проживающая по адресу: г. Ереван 3-й уч. СК. Корпус № 56, кв. 9. изъята согласно заключению МГБ Арм ССР от 25 апреля 1949 года
ДЛЯ ВЫСЕЛЕНИЯ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ.

Состав семьи:

1. Глава семьи Овивян Ваган Мартиросович 1903 г.
2. Члены семьи: Овивян Шнорик Мартиросовна 1911 г.
3. Овивян Рне Ваганович, 1930 г. рожд.
4. Овивян Алис Вагановна 1931 г. рожд.
5. Овивян Зограб Ваганович 1934 г. рожд.

СПРАВКА

Указанную семью, для этапирования до станции Барнаул Томской ж.д. в распоряжение УМВД Алтайского края

Принял начальник эшелона № 97108
нач. Щелковского РОВД
Сдал сотрудник МГБ в/ч 62060
капитан Тер-Багдасарян

подпись

подпись
14 июня 1949 г.

НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273. Л. 11 (Подлинник на типовом бланке. Автографы).

Выписка из протокола Особого совещания при МГБ СССР

Выписка из протокола № 4-а
Особого Совещания
при Министре Государственной Безопасности Союза ССР
от «1» февраля 1950 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
810. Дело о высылении № 57 МГБ Армянской ССР. ОВИВЯН Ваган Мартиросович, 1903 г.р., урож. Турции, армянин, гр-н СССР, беспартийный. Совместно с ним проживает: жена ОВИВЯН Шнорик Карапетовна, 1911 г.р., сын ОВИВЯН Рне Ваганович, 1930 г.р., дочь ОВИВЯН Алис Вагановна, 1931 г.р., сын ОВИВЯН Зограб Ваганович, 1934 г.р.	ОВИВЯН Рне Вагановича ОВИВЯН Вагана Мартиросовича ОВИВЯН Шнорик Карапетовну ОВИВЯН Алис Вагановну ОВИВЯН Зограб Вагановича, как семью дашнака-националиста – выслать на спецпоселение в Алтайский край, под надзор органов МВД.

Нач. Секретариата Особого Совещания подпись

НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273. Л. 15 (Подлинник на типовом бланке. Автограф).

№ 12

Расписка начальника конвоя эшелона № 97114 в принятии спецконтингента на ст. Тихорецкая

18 июня 49 г.
ст. Тихорецкая

РАСПИСКА

Дана начальнику конвоя войсковой части 7555¹ лейтенанту тов. Яковенко Н.Н. в том, что от него принято спецконтингента двести семьдесят два (272) человека по национальности дашнаки, вместе со справками и повагонными списками в чем и расписываюсь.

Нач. эшелона 97114 майор подпись (Коротов)

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4 (Рукописный подлинник. Автограф).

¹ В/ч № 7555 – условный номер 432 полка Конвойных войск МВД СССР.

№ 13

Акт о высадке семьи на ст. Кафан

АКТ

14 июня 1949 года, ст. Кафан

Мы, нижеподписавшиеся, начальник эшелона 97107 – начальник отделения УМВД Астраханской обл., майор АКИНШИН и Начальник Конвой в/ч 7555 – зам. командира батальона по п/части капитан ПОЛИВЦЕВ и зам. начальника эшелона по оперчасти инженер-майор МАГЛЯМЯН составили настоящий акт о нижеследующем:

По окончании погрузки контингент спецпереселенцев в эшелон начальником горотдела МГБ гор. Кафана предъявлено постановление о высадке из эшелона семьи ИОРАЕЛЯНА Гургена Осиповича в составе:

жены АСАТРЯН Ануш Гевондовны 1913 года рожд.

дочь –"– Карлетты Андрониковны 1933 г.р.

сына –"– Левы Андрониковича 1937 г.р.

–"– –"– Лерник Андрониковича 1939 г.р.

дочери ИСРАЕЛЯН-СЕВАЧЕРЯН Мирцы Гургеновны 1940 г.р.

по мотивам ошибочного включения в состав высылаемых.

На основании выше указанного постановления члены семьи перечисленной выше в количестве 5 чел. из эшелона высажены на ст. Кафан Азербайджанской ж.д.

Нач. эшелона

майор

подпись

/Акиншин/

Нач. конвоя в/ч 7555

капитан

подпись

/Поливцев/

Зам. нач. эшелона по оперчасти

капитан

подпись

/Маглямян/

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4. Л. 11 (Подлинник. Автографы).

№ 14

Акт о рождении в пути следования

Акт

1949 июня 18 дня

Мы ниже подписавшиеся врач эшелона майор м/с Меграбян А.В. Нач. Эшелона № 97107 Акишин Н.И. составили ниже следующее 18/VI-49 г. в пути следования в вагоне № 6-7 жена гражданина Казарян Агарона, Саркисян Вартитер родила дочь: Назвали именем Анаит.

Врач эшелона

подпись

/--/

Нач. эшелона

подпись

/--/

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4. Л. 118 (Рукописный подлинник. Автографы).

№ 15**Акт о смерти спецпереселенца в пути следования**

АКТ

20 июня

ст. Котельниково

Мы нижеподписавшиеся нач-к конвоя л-т Литвинов, ст. врач эшелона Татаринов и представитель ДТО МВД мл-лейт. Коньков составил акт в том, что спецпереселенка Чилехлян Шаке Погосовна значащаяся в эшелонном списке за порядковым № и следовавшая в адрес ст. Неверовская из поселка Октемберян, родившаяся в 1949 г. апреле м-це умерла 20 июня 1949 г. вследствие резкой дистрофии (истощение). Труп умершей сдан в ж/д больницу ст. Котельникова для погребения.

Нач-к эш. конвоя л-т	подпись	/Литвинов/
Врач эшелона	подпись	/Татаринов/
Представитель ДТО МГБ ст. Котельниково	подпись	/Коньков/

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4. Л. 147 (Рукописный подлинник. Автографы).

№ 16**Телефонограмма о снятии семьи с эшелона**

ТЕЛЕФОНОГРАММА

<22 июня 1949 г.>

Нач. ОО МГБ ст. Абдулино К[уй]б[ы]ш[евской]
подполковнику т. Сорокину

На основании указания МГБ Армянской ССР тов. Корхмазьян из эшелона № 97107, следуемого поездом № 502 следует снять семью Хантазьян Николая Аракеловича, рождения 1888 г., его жену Хантазьян Вартуи, рождения 1896, дочерей Розу, 1927 г. рождения, Веру, 1931 г. рождения, как ошибочно высланных. После снятия направить их к прежнему месту жительства на общих основаниях.

Нач. Управления охраны МГБ на жел. дороге им. Куйбышева полковник		Хромых
Верно: Зам. нач. ОО МГБ ст. Абдулино подполковник	/Немов/	подпись

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4. Л. 120 (Рукописный подлинник. Автограф).

№ 17**Записка министра лесной и бумажной промышленности СССР Г.М. Орлова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову**

Секретно
18 июня 1949 г.

№ 2719 с
Министру внутренних дел Союза ССР
товарищу Круглову С.Н.

Лесозаготовительные предприятия треста «Томлес» должны в 1949 году вывезти 3 миллиона куб. м. древесины, в том числе 505 тыс. куб. м. рудстройкой для Кузнецкого угольного бассейна.

Выполнение такой большой и ответственной производственной программы осложняется в связи с значительным недостатком рабочей силы на предприятиях треста «Томлес».

Убедительно прошу Вас, согласно договоренности, дать указание о передаче лесозаготовительным предприятиям треста «Томлес» 1500 семей спецпереселенцев, направляемых в Томскую область.

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 23 (Подлинник. На бланке министерства. Автограф).

№ 18

Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного в УМВД по Томской области А.Н. Бровченко

Секретно
Передать по «ВЧ»
<21 июня 1949 года>

ТОМСК УМВД тов. БРОВЧЕНКО

В Томскую область направлено четыре эшелона: № 97110 семей 397 человек 1706, № 97115 семей 405 человек 1231, № 97116 семей 238 человек 864, № 97126 семей 333 человек 826.

Постановлением Совета Министров СССР № 2214-856 сс от 29 мая 1949 года Томский облисполком обязан обеспечить перевозку выселенцев от жел. дор. станций и пристаней до места расселения путем мобилизации необходимого количества автогужтранспорта, принадлежащего учреждениям, предприятиям, совхозам и колхозам, оплатой этого транспорта по местным тарифам за счет выделяемых денежных средств и автобензина по заявкам облисполкома, также обязан оказать содействие УМВД в расселении и хозяйственно-бытовом устройстве выселенцев.

Для обслуживания вновь прибывающих выселенцев Вам намечены дополнительные штаты в количестве комендантов 5, пом. комендантов 5 и надзирателей 20. По утверждении штатов Вам будет сообщено.

НР/ 1/8987

Заместитель министра внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенант

РЯСНОЙ
(В. РЯСНОЙ)

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 16 (Заверенная копия).

№ 19

Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного в УМВД по Алтайскому краю Д.Ф. Федорову

Секретно

Передать по «ВЧ»
<21 июня 1949 года>

БАРНАУЛ УМВД тов. ФЕДОРОВУ

Алтайский край направлено всего 13 эшелонов: № 97103 семей 228 человек 1026, № 97104 семей 314 человек 1463, № 97105 семей 290 человек 1268, № 97106 семей 288 человек 1316, № 97107 семей 224 человек 1041, № 97108 семей 442 человек 1485, № 97109 семей 327 человек 1265, № 97110 семей 248 человек 943, № 97111 семей 334 человек 1262, № 97112 семей 318 человек 1328, № 97113 семей 326 человек 1415, № 97114 семей 160 человек 517, № 97140 семей 292 человек 1269.

Постановлением Совета Министров СССР № 2214-856 сс от 29 мая 1949 года Алтайский крайисполком обязан обеспечить перевозку выселенцев от жел. дор. станций до места расселения путем мобилизации необходимого количества автогужтранспорта, принадлежащего учреждениям, предприятиям, совхозам и колхозам, оплатой этого транспорта по местным тарифам за счет выделяемых денежных средств и автобензина по заявкам крайисполкома, также обязан оказать содействие УМВД расселению и хозяйственно-бытовом устройстве выселенцев.

Для обслуживания вновь прибывших выселенцев Вам намечены дополнительные штаты в количестве комендантов 23, помкомандантов 23 и надзирателей 70, также некоторое увеличение аппарата ОСП УМВД и райорганов. По утверждении штатов Вам будет сообщено.

НР /1/8985

РЯСНОЙ

Заместитель министра внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенант

(В. РЯСНОЙ)

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1 Д. 476. Л. 14–15 (Заверенная копия).

№ 20

Распоряжение Алтайского крайисполкома № 501 сс

Исполнительный комитет

Алтайского краевого совета депутатов трудящихся

Распоряжение № 501 сс

гор. Барнаул

21 июня 1949 года

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 221-856 сс для размещения, трудового и бытового устройства прибывающих в край специальных контингентов утвердить краевую комиссию в следующем составе:

1. Начальника УМВД по Алтайскому краю тов. ФЕДОРОВА (председателем комиссии), начальника ОСП УМВД по Алтайскому краю тов. МАКСИМОВА, военпреда ОУВС МВД ЗСО тов. РАФИКОВА, начальника Переселенческого отдела Крайисполкома тов. ЛОБАЧЕВА, зам. начальника Крайсельхозуправления тов. ЗЕРОВА, управляющего Крайсельхозбанком тов. РЯЗАНОВА, заведующего Крайторготдела тов. ДВОРЦОВА, председателя Крайпотребсоюза тов. Кузнецова.

2. Обязать председателя комиссии тов. ФЕДОРОВА систематически информировать Исполком Крайсовета о ходе работы по размещению, трудовому и бытовому устройству прибывших в край специальных контингентов. Комиссии приступить к работе немедленно.

Настоящее распоряжение вручить тов. ФЕДОРОВУ и ознакомить членов комиссии.

Председатель Алтайского крайисполкома подпись (К. ПЫСИН)

ГААК. Ф.Р-1сч. Оп. 1с. Д. 64. Ф. Л. 2 (Подлинник ка бланке исполкома. Автограф).

№ 21

Распоряжение Алтайского крайисполкома № 512 сс

Исполнительный комитет

Алтайского краевого совета депутатов трудящихся

Распоряжение № 512 сс

гор. Барнаул

23 июня 1949 года

1. В целях обеспечения расселения выселенцев на территории Алтайского края в соответствии с постановлением Совета министров Союза ССР № 1290-467 сс от 6 апреля 1949 года и № 2214-856 сс от 29 мая 1949 года предоставленный УМВД список пунктов размещения выселенцев – утвердить.

2. Обязать председателей указанных в списках районов:

а) в суточный срок по прибытии обеспечить прием и расселение выселенцев внутри районов по утвержденной дислокации;

б) обеспечить временное размещение выселенцев на пунктах прибытия эшелонов, их медицинское обслуживание и питание.

3. В целях обеспечения своевременного расселения выселенцев внутри районов, разрешить исполкомам городских и районных Советов мобилизовать необходимое количество авто-гужевого транспорта и людей на период транспортировки выселенцев к месту проживания с последующей оплатой перевозок по государственным расценкам и нормам из специальных средств Крайисполкома.

4. Обязать председателей районных и городских исполкомов организовать обеспечение выселенцев жильем в местах постоянного их поселения, в соответствии с утвержденной дислокацией и проследить за организацией трудоустройства выселенцев руководителями колхозов, совхозов и предприятий.

5. Учитывая, что прибывшие контингенты остаются в Алтайском крае навечно, обязать районные и городские исполкомы депутатов трудящихся создать необходимые материальные условия выселенцам, для чего закрепить за каждой семьей на общих основаниях приусадебный участок и выдать ссуды на индивидуальное строительство, приобретение скота и оказать практическую помощь строительными материалами и транспортом.

Расходование средств на оказание помощи выселенцам производить по их поступлению от Крайисполкома.

6. В целях обеспечения оперативного руководства по приему и расселению выселенцев, обязать аэропорт – тов. БРУХАНСКОГО выделить в распоряжение краевой комиссии по расселению один самолет на период размещения выселенцев.

7. Обязать УМВД – т. ФЕДОРОВА командировать на пункты прибытия и расселения выселенцев ответственных работников по проведению мероприятия, обеспечивающих выполнение настоящего решения.

Председатель Алтайского крайисполкома подпись (К. ПЫСИН)

ГААК. Ф.Р-Исч. Оп. 1с. Д. 64. Ф. Л. 3–4 (Подлинник на бланке исполкома. Автограф).

№ 22

Приказ начальника УМВД по Алтайскому краю Д.Ф. Федорова № 0080 об обеспечении приема, расселения и трудоустройства выселенцев

ПРИКАЗ

Содержание

Об обеспечении приема, расселения и трудоустройства выселенцев
№ 0080 23.06.1949 г. Барнаул

В целях выполнения постановления Совета Министров Союза ССР от 29 мая 1949 г. и приказа Министра Внутренних Дел СССР № 00525 от 2/VI-1949 по приему, расселению и трудоустройству специальных контингентов в колхозах, совхозах и предприятиях Алтайского края, –

Приказываю:

1. Представленные планы Отделом Специальных поселений УМВД по организации приема, охраны, транспортировке, расселению и трудоустройству прибывших выселенцев утвердить.

2. Для обеспечения выполнения мероприятий, предусмотренных планом, и оказания практической помощи начальникам ГО/РО МВД, командировать на станции разгрузки и в районы расселения выселенцев оперативных работников УМВД, согласно утвержденному мною плану.

3. Нач-м гор. райотделов МВД и уполномоченным УМВД по приему и расселению выселенцев обеспечить:

а) прием выселенцев от начальников эшелонов и оформление документов согласно приказа МВД СССР за № 00525 от 2/VI-1949;

б) мобилизовать необходимое количество авто- гужевого транспорта для транспортировки выселенцев к месту поселения;

в) совместно с представителями советских и партийных органов организовать санобработку и питание выселенцев на пунктах разгрузки и размещение их в местах поселений.

г) объявить выселенцам под расписку пункт № 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от ответственности за побег с места поселения;

д) обеспечить охрану и агентурно-оперативное обслуживание выселенцев на пунктах разгрузки при транспортировке их к месту поселения, не допуская случаев побегов;

е) лиц, склонных к побегам и одиночек взять под усиленную охрану как на месте разгрузки эшелона, так и при транспортировке к месту расселения.

4. Начальникам городских отделов и райотделов МВД в месячный срок с момента расселения выселенцев в районе закончить оформление личных дел и организацию персонального учета всех взрослых выселенцев, согласно приказов МВД СССР № 0067 и 00165.

5. Составу конвоя ЗАПРЕЩАЕТСЯ применять оружие против выселенцев, кроме случаев самозащиты при нападении со стороны выселенцев. Против беременных женщин и детей ни при каких обстоятельствах оружие не применять.

6. ТРЕБУЮ от начальников гор. райотделов и всех органов качественно выполнения государственного задания по приему и расселению выселенцев.

Нач. УМВД СССР по АК

полк

Федоров

ИЦ МВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 52. Л. 244–244 об. (Копия).

№ 23

Записка начальника УМВД по Краснодарскому краю генерал-майора А.П. Медведева зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному

Совершенно секретно

Заместителю министра внутренних дел СССР

Генерал-лейтенанту тов. РЯСНОМУ В.С.

Москва.

на № 1/9276 от 25.VI-49 года

29 июня 1949 г.

гор. Краснодар

Приказ Министра Внутренних дел Союза ССР – генерал-полковника товарища КРУГЛОВА С.Н. от 2 июня за № 00525 «По приему и отправке выселенцев», Управлением МВД получен 6 июня 1949 года.

6 июня 1949 года в город Краснодар прибыли конвойные войска, 8 июня медицинский персонал в числе 15 человек, который на вокзале был встречен, доставлен и размещен в подготовленном помещении в соответствии с телеграммой зам. Министра внутренних дел СССР генерал-полковника тов. ЧЕРНЫШОВА от 7 июня 1949 года за № 2133.

9 июня 1949 года прибыли: представитель Отдела Спецпоселений МВД СССР капитан САМУСЕНКО, представитель Главного Управления конвойных войск МВД СССР майор ТРУБИН и командир Конвойного полка подполковник МИТЬКОВ.

Оперативный состав в числе 8 человек из УМВД Ростовской области прибыл 10 июня 1949 года.

11 июня 1949 года с оперативным составом и представителями МВД СССР было проведено специальное инструктивное совещание о порядке выполнения этого приказа, на котором были назначены начальники эшелонов и по два заместителя; один по оперативной работе и один по хозяйственному обеспечению.

В течение 12 и 13 июня 1949 года начальники эшелонов со своими заместителями, медицинским персоналом и начальниками конвоев с войсками, автотранспортом были доставлены в места формирования эшелонов.

Начальники эшелонов были обеспечены денежными средствами для питания и санитарного обслуживания спецконтингента в пути следования, а также обеспечены специально изготовленными ящиками для хранения денежных средств и документов и необходимыми канцелярскими принадлежностями.

В соответствии с разработанным планом погрузки, всего было организовано 5 пунктов формирования по приему спецконтингента и к исходу дня 14 июня 1949 года 5 эшелонов с пунктов формирования были стянуты на станцию Тихорецкая С.К.ж.д., где было произведено окончательное формирование эшелонов и после сформирования, эшелоны 15 июня 1949 года были отправлены со станции Тихорецкая в места спецпоселения.

Всего принято, погружено и отправлено из Краснодарского края 5 эшелонов со следующим спецконтингентом

№№ эшелонов	Всего погружено		Дашнаки		Греки		Турки	
	Сем.	Чел.	Сем.	Чел.	Сем.	Чел.	Сем.	Чел.
117	363	1213	–	–	362	1212	1	1
118	356	881	20	65	243	605	93	211
119	363	1063	–	–	336	985	27	78
126	370	998	24	70	220	623	126	305
139	352	1078	10	29	306	971	36	78
ИТОГО:	1804	5233	54	164	1467	4396	283	673

Питанием спецконтингент был обеспечен в соответствии с имевшимся на этот счет указанием по линии Министерства торговли и недочетов в этой области не зафиксировано.

В период приема спецконтингента в местах формирования эшелонов и отправки их к местам специального поселения каких-либо происшествий, побегов или эксцессов не зафиксировано.

Начальник УМВД по Краснодарскому краю
Генерал-лейтенант подпись (МЕДВЕДЕВ)

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 28–29 (Подлинник. Автограф).
История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 533 –534. № 187.

№ 24

Докладная записка инспектора для особых поручений ОСП МВД СССР майора Самусенко зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному

<1 июля 1949 г.>

Совершенно секретно

Заместителю министра внутренних дел СССР
генерал-лейтенанту
товарищу РЯСНОМУ В.С.

Докладываю, по распоряжению Заместителя Министра Внутренних Дел СССР генерал-полковника товарища СЕРОВА И.А. за УД 426 от 3 июня 1949 г. я был командирован в УМВД Краснодарского края для организации и оказания практической помощи в деле выполнения приказа Министра № 00525 от 2/VI-49 г. по приему от органов МГБ выселенцев греков, турок, дашнаков и сопровождению их в места расселения.

За время пребывания в командировке с 6 по 25 июня с/г. мною, совместно с начальником УМВД по Краснодарскому краю генерал-майором МЕДВЕДЕВЫМ, проведена следующая работа.

1) Подобраны начальники эшелонов и их заместители по оперативной части и хоз. обслуживанию, прибывшие по указанию МВД СССР из Ростовской области, а также выделенные начальником УМВД генерал-майором тов. МЕДВЕДЕВЫМ из аппарата Управления УМВ Краснодарского края.

Начальники эшелонов и их заместители назначены, главным образом, из числа старшего офицерского состава, занимающие должности от зам. нач. отделений до начальников отделов УМВД, положительно зарекомендовавшие себя на работе. Три начальника эшелонов из пяти имеют опыт по сопровождению эшелонов.

2) Проведено совещание с командами сопровождения эшелонов, на котором зачитан приказ Министра, а также изучена инструкция по сопровождению эшелонов с выселенцами.

3) Проведены индивидуальные беседы с каждым офицером в отдельности, назначенным по сопровождению эшелонов, в процессе которых было проверено знание ими своих обязанностей и дано строгое предупреждение

об особой ответственности по сопровождению выселенцев и точном выполнении требований приказа Министра по этому вопросу.

4) Проинструктирован медицинский персонал, командированный в Краснодарский край из Москвы Министерством Здравоохранения СССР для сопровождения эшелонов.

Все команды по сопровождению выселенцев за два дня до операции были направлены в пункты погрузки контингента, где проверили состояние эшелонов, их оборудование и тщательно подготовились к приему выселенцев от органов МГБ.

Операция органами МГБ в Краснодарском крае была проведена в ночь с 13 по 14 июня с/г., и 14 числа был закончен прием контингента в строго установленном инструкцией порядке.

Всего начальниками эшелонов было принято от органов МГБ по Краснодарскому краю 1804 семей, 5233 человек,

из которых	греков – 1467 семей, 4396 человек,
	турок – 283 семьи, 673 человека,
	дашнаков – 54 семьи, 164 человека.

Принятые от органов МГБ выселенцы были погружены в пять эшелонов за №№ 97117, 97118, 97126, 97119, 97139 и в течение 14–15 июня отправлены на ст. Тихорецкая для переформирования по категориям согласно требования приказа Министра и дачи им станции назначения.

Каких-либо ненормальностей в период приема и погрузки выселенцев из Краснодарского края, а также при отправке их на ст. Тихорецкая не было.

На ст. Тихорецкая мною совместно с зам. нач. окружного отдела жел. дор. перевозок МВД Сев. Кавказской жел. дороги капитаном КИЦЕЛО и представителем управления конвойных войск МВД СССР полковником КОРОЛЕВЫМ были переформированы 19 эшелонов, следующих через ст. Тихорецкая из Грузии и Армении, составлены строго по категориям и отправлены к местам спецпоселений: эшелоны № 97117, 97118, 97119, 97121, 97122, 97127, 97128, 97129 и 97139, 97141, 97142, 97143 с контингентом по национальности греками с назначением в Казахскую ССР, эшелоны 97115, 97116 и 97126 с контингентом по национальности турками с назначением в Томскую область и эшелоны № 97103, 97110, 97114 с дашнаками с назначением в Алтайский край.

Переформирование эшелонов производилось на основании докладов нач. эшелонов и имеющихся у них посемейных справок, составленных органами МГБ.

Необходимо отметить, что в эшелоне № 97143 в хвостовом вагоне, в котором следовали греки, была обнаружена ошибочно погруженная одна семья дашнаков, о чем было известно также начальнику эшелона майору КРАСИЛОВУ. На ст. Тихорецкая эта семья была перемещена в эшелон с дашнаками.

По заявлению нач. эшелона майора КРАСИЛОВА эта семья была доставлена на станцию органами МГБ перед отправкой эшелона, и другого выхода, как погрузить ее в хвостовой вагон вместе с греками, не было.

Эшелоны № 97103 и 97116, следующие из Грузинской ССР, по просьбе генерал-лейтенанта БОЧКОВА и Министра Внутренних Дел Грузинской ССР генерал-лейтенанта тов. КАРАНАДЗЕ были задержаны на ст. Кавказской и Тихорецкой на 30 часов в связи с тем, что в этих эшелонах следовали лица, ошибочно выселенные из Грузинской ССР.

Прибывшие 19 июня с/н. на ст. Тихорецкая представители МГБ Грузинской ССР были допущены в эшелоны для снятия оттуда ошибочно выселенных граждан. В результате проведенной комиссией проверки было снято из эшелона № 97103 27 чел., а из эшелона № 97116 – 140 чел., передача которых была соответственно оформлена актом. Снятые с эшелонов выселенцы отправлены обратно в Грузию.

Снятие с эшелонов ошибочно выселенных граждан из Грузинской ССР по ходатайству МГБ Грузии производилось органами МВД также на станциях Прохладная и даже после отправки из Тихорецкой на ст. Сальск.

Кроме того, 18 июня 1949 г. к нам обратился прилетевший на самолете сотрудник МГБ Армянской ССР майор АВETИСЯН с отношением МВД и МГБ Грузинской ССР о снятии с эшелона его родной матери и двух братьев, ошибочно выселенных из гор. Тбилиси. Семья майора АВETИСЯНА была снята с эшелона и передана органам МГБ для отправки в Тбилиси.

Начальники эшелонов № 97127 подполковник ГОДЕРДЗШВИЛИ и № 97129 майор СТОНОСОВ по прибытии на ст. Тихорецкую нарушили инструкцию по сопровождению эшелонов – разрешили выселенцам свободное хождение без сопровождения конвоя, на что им было своевременно указано, и эти ненормальности устранены. Представителем Управления конвойных войск МВД СССР даны начальникам конвоев соответствующие указания.

Инспектор для особых поручений ОСП МВД СССР
майор

подпись

/САМУСЕНКО/

*ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 37–41 (Подлинник. Автограф).
История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 534–536. № 188.*

№ 25

Рапорт начальника отдела перевозок МВД СССР генерал-майора Д.В. Аркадьева зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному

<2 июля 1949 г.>

Сов. секретно

Заместителю министра внутренних дел Союза ССР

Генерал-лейтенанту

товарищу РЯСНОМУ В.С.

РАПОРТ

Доношу, что перевозка спецконтингента, согласно приказа МВД СССР № 00525 от 2 июня 1949 года закончена.

Всего было запланировано к перевозке 45 эшелонов, погружено, отправлено и доставлено по назначению – 42 эшелона.

Последний эшелон № 97113 доставлен в пункт выгрузки 1 июня 1949 года в 12 час. 10 мин.

Начальник отдела перевозок МВД СССР
Генерал-майор подпись /АРКАДЬЕВ/

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 17 (Подлинник. Автограф).

№ 26

**Записка зам. министра внутренних дел Грузинской ССР К.П. Бзиявы
зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясному**

№ 1/00479

8 июля 1949 г. Тбилиси

Совершенно секретно

Зам. министра внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенанту тов. РЯСНОВУ В.С.

На № 1/9276 от 25.VI-49 г.

Операция по приему, погрузке и отправлению эшелонов со спец.контингентом, согласно приказу МВД СССР № 00525-49 г. была полностью закончена 18 июня с.г.

Вся подготовительная работа прошла в обстановке полного порядка и организованности.

Для обеспечения операцией нам было придано 44 офицера из других областей и краев, при мобилизации наших офицеров в числе 32 человек.

Таким образом всего для операции было использовано 76 человек.

В целом операция прошла удовлетворительно, при чем в процессе приема, погрузки и отправки эшелонов случаев нарушения общественного порядка или антисоветских действий, а также иных эксцессов не зафиксировано.

работа по приему и отправке эшелонов со спец. контингентом, несмотря на ряд технических трудностей, как то: прием в вагоны по национальности, создание дополнительных эшелонов, прошла удовлетворительно и в этом отношении задача поставленная перед нами приказом МВД СССР № 00525 от 2.VI-49 г. выполнена качественно.

Ряд недочетов фиксировался нашими прикрепленными в связи с не всегда четкой работой органов МГБ, которые сводились к следующему:

а) вопреки указанию Инструкции о том, что эшелонные списки должны были составляться после приемки контингента по справкам МГБ, представители последнего в целях уточнения контингента сами стали составлять списки в результате чего эшелоны простаивали до 1 суток;

б) по причине недостаточно четко проведенной работы по определению и учету контингента, численность последнего оказалась больше запланированной, вследствие чего вне плана пришлось комплектовать дополнительно 5 эшелонов со всеми вытекающими из этого последствиями.

№ 28

Докладная записка министра внутренних дел Азербайджанской ССР генерал-лейтенанта М.Т. Якубова зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному

<16 июля 1949 г. >

Строго секретно

Заместителю внутренних дел СССР
генерал-лейтенанту
тов. РЯСНОМУ В.С.

Докладываю о проведении мероприятий МВД Азерб.ССР по приему и отправке выселенцев в соответствии с приказом МВД СССР № 00525.

По получении письма №1/6663 от 14.V-49 г. Заместителя Министра Внутренних Дел Союза СССР генерал-полковника тов. Серова, были даны указания нашим периферийным органам об усилении общественного порядка и оказании необходимой помощи органам МГБ на местах.

Все пограничные части Азерб. округа были переведены на усиленную охрану границы.

9-го июня в районы республики было направлено 8 руководящих работников МВД /начальники и зам. нач. отделов/ для обеспечения надлежащего общественного порядка в районах, из которых производилось выселение, и на границу выехали нач. штаба и нач.5 отдела УПВ Азерб. округа.

По договоренности с МГБ Азерб. ССР выселяемый контингент принимался нами на 2-х пунктах – на ст. Кировабад и ст. Аляты. К этим пунктам выселенцы доставлялись силами органов и войск МГБ.

Для оказания практической помощи начальникам эшелонов и конвоев в организации приема, формировании и отправке эшелонов, были командированы в Кировабад – начальник ОКР МВД майор ЗЫКОВ, а на ст. Аляты нач. 1-го Спецотдела полковник САВЧЕНКО и представитель Управления конвойных войск МВД СССР подполковник БАТЛУК.

На два эшелона формировавшихся на территории республики были назначены начальниками эшелонов: Нач. Бакинской пересыльной тюрьмы ст. лейтенант КОРОВИН и режима лагеря № 444 для военнопленных майор ГОРБАТЮК, имеющие большой опыт в этой работе.

Были выделены также 2 опытных оперативных работника и 2 снабженца из системы УИТЛК и ОПВИ. Врачебный персонал в составе 2-х врачей и 4-х медсестер прибыл из ОСП МВД СССР.

Эшелоны были полностью оборудованы, снабжены 140 бочками и 340 ведрами, а также обеспечены денежными средствами по 200 тыс. рублей.

Выделенные для сопровождения эшелонов работники были проинструктированы моим заместителем.

От органов МГБ было принято 750 семей выселенцев в составе 3058 человек, в том числе греков – 323, дашнаков – 1045 и турок – 1690.

Посадка выселенцев в вагоны была произведена раздельно греки, турки и дашнаки.

ляемого контингента, выделению нужного числа работников для обслуживания и сопровождения эшелонов и другие – полностью и точно выполнены.

Всего выселено из Армянской ССР 11.561 человек.

Каких-либо нежелательных эксцессов и заслуживающих внимание происшествий во время операции не было.

О результатах выполнения приказа № 00525 нашим № 01/194 сс от 30 июня 1949 года подробно доложено товарищу Рясному.

{...}

НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 53. Л. 5–7 (Копия, с купюрами).

№ 30

Справка зам. начальника 1 отделения ОСП МВД СССР капитана В.М. Акопяна

<8 июля 49 г.>

СПРАВКА

Начальник УМВД по Томской области тов. БРОВЧЕНКО 1 июня 1949 г. № 734 на имя тов. КРУГЛОВА (на № 212) донес, что 1500 семей 5400 человек будут разгружены на станции Черемошники, от Черемошников до места расселения – баржами.

в районах:

Верхне-Кетском	150 семей, пристани Белый Яр, Палочка, Мохово
Бакчарском	300 семей, пристань Усть-Галка
Александровск.	300 семей, пристани Ново-Никольск, Назино-Вартовск, Лукашино, Александрово, Колтогорск, Медведево
Васюганском	300 семей, пристани п. Новый Васюган, Шмаковка, Мурманка
Чаинском	150 семей, пристани Коломино, Усть-Бакчар
Парбигском	300 семей, пристани Парбиг, Кругловка, Новая жизнь

Будут трудоустроены в колхозах.

Зам. Нач. 1 отделения ОСП МВД СССР
капитан подпись (Акопян)

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 24 (Подлинник. Автограф).

№ 31

Акт о приеме эшелона № 97107 на ст. Славгород

Акт

1949 года июня 28 дня

Секретно

Мы, нижеподписавшиеся начальник эшелона 97107 – начальник отделения УМВД Астраханской обл., майор АКИНШИН и Начальник Конвоя в/ч 7555 – зам. командира батальона по п/части капитан ПОЛИВЦЕВ с одной

стороны и уполномоченный УМВД по Алтайскому краю подполковник ЯКОВЛЕВ – с другой, составили настоящий акт в нижеследующем:

Начальником эшелона доставлен на ст. Славгород спецконтингент погруженный в эшелон 14–15 июня 1949 г. на ст. КАФАНЬ и МИНЖЕВАЛЬ Азерб. ж.д. При формировании эшелона № 97107 погружено 1064 человека, в том числе: мужчин 313, женщин 352 и детей 399.

На ст. Махач-Кала 16 июня 1949 г. по распоряжению представителя Упр. конв. войск МВД СССР полковника ПАРФИЛОВА отцеплен от эшелона один вагон с выселенцами в количестве 18 человек.

17 июня 1949 г. на ст. Невинномысск Ордж. ж.д. по телеграфному распоряжению Министра Госбезопасности АрмССР из эшелона высажена семья в составе 5 человек и 22 июня 1949 г. на ст. Абдулино Куйбышевской ж.д. по аналогичному распоряжению высажена семья из 3-х человек.

18 июня 1949 г. в пути следования эшелона родилась дочь в семье выселенца КАЗАНИЯ А.Г.

Вследствие изложенного на станцию назначения Славгород доставлен спецконтингент 1039 /одна тысяча тридцать девять/ человек, из них: мужчин 307, женщин 342 и детей до 16-летнего возраста – 300.

Указанный контингент в количестве 1039 человек начальником эшелона сдан, а уполномоченным УМВД по Алтайскому краю принят согласно прилагаемого эшелонно-посемейного списка. На сданные семьи имеются семейные списки-справки, за исключением семьи БАГДАСАРЯНА Саркиса Хуршудовича. Но вместо справки сдан акт о принятии семьи в эшелон.

Отставших и бежавших в пути следования эшелона не было. Санитарное состояние эшелона удовлетворительное, санобработка контингента произведена на ст. Татарская Омской ж/д, эпидемических заболеваний не имелось. Жалоб от спецконтингента при сдаче-приемке не поступило.

Сдали:	Нач. эшелона		
	майор	подпись	/Акиншин/
	Нач. конвоя в/ч 7555		
	капитан	подпись	/Поливцев/
Принял:	Представитель УМВД по Алтайск. кр.		
	подполковник	подпись	/Яковлев/

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4. Л. 115 (Подлинник. Автографы).

№ 32

Акт приема эшелона № 97110 на ст. Чесноковка

Сов. секретно

гор. Чесноковка Алтайского края

1949 года июня 30 – июля 1-го

Акт

Мы нижеподписавшиеся: начальник эшелона № 97110 майор САПАЕВ А.И., начальник конвоя – ст. лейтенант ЧЕРНОИВАНОВ М.К. и

Уполномоченный по выгрузке спецпоселенцев подполковник милиции т. БРЮХАНОВ И.И. составили настоящий акт в сдаче и приеме спецвыселенцев группы «Д» из Армянской ССР в эшелоне № 97110.

Эшелон 97110 прибыл на ст. Алтайская Томской жел. дор. 29/VI – 49 г. в 20 часов в количестве 42 вагонов.

Выгрузка производилась на ст. Зоринская (в 70 килом. от ст. Алтайская).

При сдаче и приеме по семейным справкам оказалось: 242 семьи, 953 человек, в том числе: мужчин – 313, женщин – 322 и детей 318 человек.

Количество семей по данным Начальника эшелона числилось 248. Уменьшение их произошло вследствие объединения некоторых семей, которые ехали раздельно.

В отдельные справки не были вписаны члены семьи, что выполнено при выгрузке и приеме /вписаны МКРТЫЧЯН Азатуи 1947, ПЕТРОСЯН Мелания Оганесовна 1883, ПЕТРОСЯН Мара 1943 г., ХАЧАТУРЯН Азнив Карапетовна и КАРАПЕТЯН Мано Мушк[амбарович] 1943 г./

На 4 человека не представлено семейных справок /БАГДАСАРЯН Ася Акоповна 1910, САГАЯН Багдасар Милькунович 1883, АБРАМЯН Сереген Степановна 1885, АБРАМЯН Елена Аршаковна 1896/.

В пути следования из эшелона на ст. Уфа сдан в эшелон 97109 САРКИСЯН Еранос Бегларович 1911 г., т. к семья следовала в указанном эшелоне.

Принято в эшелон № 97110 на ст. Татарской три человека АБРАМЯН Сероган 1885, Абрамян Елена 1896 и СААКЯН Багдасар 1882 их эшелона № 97106, т.к. их семья следовала в эшелоне 97110.

В пути следования снято больных 6 человек, что подтверждено справками /список прилагается/.

Санитарное состояние прибывшего эшелона удовлетворительное. О мед. осмотре прибывших спецвыселенцев составлен отдельный акт.

Приложение: 1. Список выселенцев снятых с эшелона в пути следования

2. Семейный справки 247.

3. Эшелонный список на 953 чел.

Сдал: Нач-к эшелона № 97110
майор подпись /САПАЕВ/
Начальник конвоя эшелона № 97110
лейтенант подпись /ЧЕРНОИВАНОВ/

Принял: Уполномоченный УМВД по Алтайскому краю
подполковник милиции подпись /БРЮХАНОВ/

РГВА. Ф. 38165. Оп. 2. Д. 4. Л. 102 (Рукописный подлинник. Автографы). Др. экз.: ИЦ УМВД АК. Ф. 8. Д. 2. Л. 73 (Рукописный подлинник. Автографы).

№ 33

Акт медосмотра эшелона № 97108 на ст. Заринская

АКТ

29.07.49 ст. Заринская Сорокинского р-на

Я, врач объединенной поликлиники и больницы Сорокинского Облздравотдела т. Бургер А.А. с бригадой медработников Райздравотдела врачей Эшанинина, Смарантова сего числа произвели осмотр людского контингента. В эшелоне № 97108 осмотром установлено санитарное состояние эшелона удовлетворительное. Обнаружено: больных требующих госпитализации 2 чел., один больной туберкулезом легких и второй с недостаточной сердечной деятельностью (2–3 степени). Диарическим расстройством 8 чел. Единичные случаи завшивленности. Контингент неблагополучен в отношении малярии, так как прибыл из местности малярийной. Некоторым была оказана медицинская помощь.

Врач поликлиники Сорокинского р-на

подпись

Врач эшелона № 97108

подпись

При медосмотре присутствовал начальник эшелона Севастьянов.

ИЦ УМВД АК. Ф. 8. Д. 2. Л. 381 (Подлинник. Автографы).

№ 34

Из отчета облздрави Томского облисполкома министру здравоохранения РСФСР о санитарном состоянии эшелонов со спецпереселенцами, прибывшими в Томскую область в июне 1949 г.

29 июля 1949 г.

г. Томск

<Секретно>

Министру здравоохранения РСФСР тов. Белецкому Г.Н.

копия: секретарю обкома ВКП(б) тов. Лукьяненко Н.В.
заместителю председателя облисполкома тов. Баранову Н.Г.

Отчет о проведении санитарно-эпидемических мероприятий среди выселенцев, прибывших в Томскую область

а) Санитарно-эпидемическое состояние эшелонов.

В течение 27, 29 и 30 июня 1949 года в Томскую область прибыли для расселения четыре эшелона людей в количестве 4663 человека.

Все эшелоны базировались на Томскую городскую тюрьму. Прибывшие эшелоны встречали выделенные облздравом врачи.

Эшелон № 97115 формировался на ст. Тамыш, он вышел с места 14 июня, в Томск прибыл 29 июня, таким образом, в пути находился 15 суток. В эше-

лоне следовало 1290 человек. На месте формирования санобработка людей не производилась. В пути следования санобработка была произведена только на станции Сызрань.

Эшелон сопровождал врач Шишкин В.П. Теплушки эшелона были оборудованы нарами, имелся вагон-изолятор. Санчасть эшелона обеспечивалась медикаментами. Санпаспорта на месте оформлено не было.

Больных и умерших от болезней в пути следования не было. Однако по дороге был снят один труп, оказавшийся в результате несчастного случая. По прибытии эшелона в Томск врачами было обнаружено 5 больных корью. Помимо этого, на медпункте к тюрьме были выявлены соматические больные гриппом и ангиной. Среди выселенцев в значительном проценте был обнаружен педикулез.

Эшелон № 97126 формировался на ст. Тихорецкой, включал в себя 808 человек выселенцев семьями, кроме того, по дороге в Сибирь родилось 2 младенца.

С места формирования эшелон был отправлен 15 июня, в Томск прибыл 27 июня, т.е. в пути находился 12 дней.

Как и предыдущий эшелон, этот также состоял из вагонов-теплушек, имелся вагон-изолятор и вагон для ослабленных детей. Эшелон сопровождал врач Ханович Я.Н. и двое фельдшеров. По словам врача эшелон был обеспечен медикаментами. Больных в изоляторе и ослабленных детей обслуживали медработники.

Санпаспорта не оформляли. Медработники перед отправкой инструктаж не проходили. Об эпидконъюнктуре районов, из которых поступали выселенцы, ничего не знают. Санобработки на месте люди не проходили. В пути следования люди эшелона подвергались осмотру ж.д. санитарными комиссиями. За 12 дней следования до Томска был снят больной один с диагнозом туберкулеза легких в возрасте 25 лет.

При первом осмотре людей, прибывших с этим эшелонном в Томск, были обнаружены в незначительном количестве завшивленные и больные малярией.

Эшелон № 97116 формировался на ст. Найвлуш (Грузинская ССР). В пути следования до Томска эшелон находился 16 дней, в Томск прибыл 30 июня с.г. в числе 858 человек, в вагонах-теплушках обычного типа с нарами, с вагоном-изолятором.

Эшелон сопровождал врач Антоньев и двое фельдшер[ов]. Санпаспорта эшелон не имел. Инструктажи медработники не проходила. Медикаментами были обеспечены. По дороге санобработке люди не подверглась. На станции Адтокабул был снят труп человека 54 лет умершего от туберкулеза легких. В Томске среди выселенцев была обнаружена значительная завшивленность, обнаружено некоторое количество температурающих, по-видимому, соматических больных.

Эшелон № 97101 в составе 1705 человек (в том числе 200 детей до 3-х лет) формировался на ст. Кировобад Азербайджанская ССР) 14 июня 1949 г. в дороге находился 14 дней, в Томск прибыл 30 июня. Эшелон состоял из

вагонов-теплушек с нарами и вагоном изолятором. Выселенцев сопровождал врач Калмыков и две медсестры. По словам врача санпаспорт на месте не составлялся. Санобработка выселенцев не производилась. Медработники прошли санинструктаж. Санобработка была проведена только на изосанпропускнике в Новосибирске.

В пути было снято 3 больных (рак, аборт и дистрофик-ребенок). Умерших не было.

Дети в пути следования к Томску подверглись фагированию в целях профилактики кишечных инфекций.

В Томске выселенцы подверглись медосмотру. Педикулез был обнаружен только у отдельных лиц.

Такова санитарная характеристика прибывших в Томск выселенцев на этот раз.

б) Подготовительные мероприятия в Томске и в районах области.

Как только Облздравотделу стало известно о возможном прибытии новых эшелонов в Томск, было вынесено решение О.З. Облисполкома, утверждены планы мероприятий Облздравотдела по медико-санитарному обслуживанию выселенцев.

План предусматривал:

1) подготовку территории для временного размещения выселенцев – период обсервации. Совместно с работниками облуправления МВД /полковником Граковым и подполковником Толстых/ облздрав в лице товарищей Федотова Н.П. /ст. облгоссанинспектора/, Рачковского П.К. /нач. ОБЛСЭС/, старшего горгоссанинспектора Фридман Е.Ю., нач. сектора эпидемслужбы облздравотдела Жучок М.М. и др. были осмотрены и приняты территории и помещения для размещения выселенцев. Было решено временно разместить выселенцев на территории тюрьмы и на стадионе, принадлежащем тресту Томлес в Черемошниках около н. Томска. В тюрьме имеются необходимые приспособления санитарной обработки людей, помещение под медпункт, изолированные от городских жителей помещения и т.д.

Для возможной госпитализации больных предусматривалось:

1/ 50 коек в помещении Онкологического института,

2/ 40 коек в помещении кожно-венерической больницы,

3/ 100 коек в помещении детского санатория, освободившегося в связи с выездом детей на дачи,

4/ на всякий случай предусматривалось помещение еще кожно-туберкулезного санатория, также вывезшего своих больных на дачи,

5/ часть палат были приготовлены в городской инфекционной больнице и в инфекционной клинике ТМИ,

6/ для реализации противоэпидемических мероприятий была составлена смета на 50000 руб.,

7/ по линии областного и городского отделов дезинфекции были созданы резервы дезосредств, прививочного материала, заброшенного в районы области, в которые направлялись выселенцы и на территорию тюрьмы,

8/ по линии облсанэпидемстанции были выделены бригады и прививочные средства для иммунизации выселенцев,

9/ при тюрьме был открыт медпункт амбулаторного типа,

10/ были подобраны и расставлены медкадры в районах области для встречи выселенцев,

11/ даны инструктивные указания райгоссанинспекторам и равздравотделами /Бакчарского, Верх-Кетского, Васюганского, Каргасокского, Парабельского, Чаинского и Колпашевского районов/ о тех мероприятиях, какие надо было предпринять в связи с прибытием в их районы выселенцев,

12/ был решен вопрос о том, что выселенцы могут быть отправлены в районы из Томска спустя 4–5 дней после прибытия, поскольку они 12 дней находились в пути и, таким образом, при благоприятной эпидемической конъюнктуре эшелонов, с известным риском можно было ограничиться указанным сроком 16–17 дней наблюдения.

До места окончательного расселения выселенцев сопровождали медработники эшелонов.

Для встречи выселенцев облздравотделом были посланы в районы врачи: Бикмулина, Гаврилова и др.

в) О проведении лечебных и сан-эпидмероприятий.

Как уже указывалось выше, в Томскую область на этот раз прибыло 4663 выселенца. В целях профилактики инфекционных заболеваний медикосанитарной организацией Томска были проведены следующие мероприятия:

1) в целях ликвидации педикулеза были обработаны дустом все 4663 чел.,

2) прошли однократную санитарную обработку в санпропускнике тюрьмы 2888 чел. (эшелон № 97101 санобработку прошел в Новосибирске),

3) дважды в день производится хлорирование уборных на территории тюрьмы,

4) через амбулаторию медпункта с 28 по 30 июня прошло соматических больных: взрослых 479 чел., детей 187 чел.,

5) за это время на стационарное лечение была направлена одна родильница, которая вскоре возвратилась в свою семью,

6) на месте временного размещения было изолировано в изоляторе 11 больных, в том числе 6 детей с вульгарными поносами, один малярик, 2 больных с явлениями расстройства сердечной деятельности и 2 с температурой неопределенного характера,

7) имел место 1 случай смерти 82 летней женщины страдающей декомпенсированным пороком сердца и атеросклерозом,

8) за ненадобностью резервное помещение на ст. Черемошники не использовалось,

9) за ненадобностью развернутые 50 коек в Онкологическом институте не были использованы.

О санитарном состоянии прибывших на место окончательного расселения и более отдаленные результаты проведенных санитарно-противоэпидемических мероприятий будет доложен в отчетах.

Зам. зав. облздравотделом подпись (П. Зимин)

ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 47. Л. 359–361 (Подлинник на бланке областной санитарной инспекции. Автографы).

Из истории земли Томской 1940–1956. Невольные сибиряки. Сб. документов и материалов. Томск: Изд-во «Водолей», 2001. С. 106–108 (*Подлинник, с купюрами*).

№ 35

Акт о приеме выселенцев Алейским РО МВД от УМВД по Алтайскому краю

АКТ

2 июля 1949 г. г. Алейск Алт. края

Согласно разнарядке Алтайского крайисполкома Алейский р-н должен был принять выселенцев-армян 214 семей, фактически нами принято из эшелона № 97113 в Алейский р-н 144 семьи, в кол-ве 633 человек из них мужчин – 166, женщин – 202, детей – 265.

Весь принятый контингент расселен по 2 комендатурам.

Комендатура № 19 – принято 83 семьи (376 чел.)

семей	чел.	мужчин	женщин	детей
83	376	99	116	161

Комендатура № 21 – принято 61 семья (257 чел.)

семей	чел.	мужчин	женщин	детей
61	257	67	86	104

В т.ч.

Расселено по населенным пунктам

	семей	чел.	мужчин	женщин	детей
1-е Алейское отделение сах. комбината (комендатура № 19)	30	124	42	36	46
1-во Майское отделение сах. комбината (комендатура № 19)	17	86	20	27	39
Алейский зерносовхоз (комендатура № 19)	36	166	37	53	76
Мамонтовское отделение сах. комбината (комендатура № 21)	26	110	30	34	46
Платовское отделение сах. комбината (комендатура № 21)	35	147	37	52	58

По справкам числилось 144 семьи и фактически принято 144 семьи. Числилось 631 чел., фактически принято 633 чел., 2 родилось в пути следования.

ИЦ МВД АК. Ф. 8. Д. 3. Л. 1 (Подлинник).

№ 36

Акт об учете выселенцев по спецкомендатуре № 58 Краюшкинского района Алтайского края

АКТ
7.07.1949 с. Краюшкино

С 30/VI – по 6/VII – учет дашнаков на спецкомендатуре № 58 Кр[аюшкинского] р-на.

Охвачено 279 чел. (мужчин – 110, женщин – 109, детей – 60)

	семей	чел.	мужчин	женщин	детей
Райцентр с. Краюшкино	22	93	33	34	26
с. Акулово	28	94	36	38	20
Белоярский совхоз	31	92	41	37	14

№ 224

Все выселенцы-армяне трудоустроены: в колхозах – 175 чел., в Белоярском с-зе – 92 чел., райкомбинат – 12 чел.

Все выселенцы-армяне размещены в жилые помещения колхозов, совхозов и промкомбината, индивидуально, и в помещении барачного типа приспособленное под жилые квартиры. В Белоярском совхозе выселенцы размещены временно в здании бывшей школы, конторе совхоза и в помещении бывшего телятника, которое приготовлено для жилья в летний период, произведена надлежащая дезинфекция и побелка всего помещения, территория хорошо очищена от мусора, а также обеспечено необходимой твердой мебелью.

Для дальнейшего размещения выселенцев-армян совхоз строит жилой многоквартирный барак, который вполне обеспечит размещение всех выселенцев к 20.08.1949.

Со стороны райторготдела организована продажа продуктов питания, печеного хлеба и горячих блюд из столовой для выселенцев-армян.

В с. Акулово проведено общее собрание колхозников в присутствии выселенцев-армян, на котором все выселенцы-армяне приняты в колхоз и закреплены за рабочими бригадами. Кроме этого собрание вынесло решение выделить необходимый приусадебный участок земли, при чем засаженный картофелем из расчета 10-15 соток на каждую семью.

ИЦ МВД АК. Ф. 8. Д. 4. Л. 173–173 об. (Подлинник).

Акт

8 июля 1949 года

село Залесово

Мы нижеподписавшиеся, отв. регистратор – оперуполномоченный ОСП УМВД по АК лейтенант Пергач, комендант спецкомендатуры № 46 Залесовского РО МВД АК ст. сержант Чуйков, регистраторы: пом. коменданта спецкомендатуры № 46 Михеев, пом. оперуполномоченного Залесовского РО МВД Караваев, уч. уполномоченный Агалаков, составили настоящий акт в нижеследующем:

В период с 3 июля по 8 июля 1949 года нами произведен переучет выселенцев прибывших с Кавказа, расселенных на участке спецкомендатуры № 46 Залесовского района Алтайского края РСФСР.

Переучетом было охвачено 433 человека, из них мужчин – 152, женщин – 144, детей до 16-ти летнего возраста – 137 человек.

а) во время переучета выявлено не состоявших на учете в спецкомендатуре нет, из них: мужчин нет, женщин нет, детей до 16-ти летнего возраста нет.

в том числе не взятых на учет при расселении нет, прибывших из других мест поселения нет, по другим причинам нет.

б) Из числа состоящих на учете установлено отсутствующих нет, из них: мужчин нет, женщин нет, детей до 16-летнего возраста нет.

В том числе бежало из мест поселения нет, умерших нет, временно отсутствующих нет.

Это количество выселенцев поселено в Каменском леспромхозе и в 3-х колхозах Залесовского района Алтайского края.

В виду того, что Каменский леспромхоз организован недавно и за неимением жилых помещений, выселенцы размещены в 48 палатках и частично в общежитиях. Выселенцы поселенные в колхозы размещены в амбарах колхозов и на квартиры колхозников.

Рабочие из числа выселенцев, проживающие в Каменском леспромхозе и в колхозах, работой обеспечены, однако остаются не трудоустроенными специалисты, списки специалистов прилагаются к акту.

Учет проведен:

1.	подпись	Пергач
2.	подпись	Чуйков
3.	подпись	Караваев
4.	подпись	Агалаков

ИЦ УМВД АК. Ф. 8. Д. 3. Л. 85 (Подлинник. Автографы).

№ 38

Сообщение УМВД по Томской области в Томский облисполком о прибытии в районы области спецпереселенцев-турок

Совершенно секретно

8 июля 1949 г.

г. Томск

Прибывшие на поселение в Томскую область выселенцы-турки – 1391 семья, 4606 человек в июле 1949 г. направлены для трудоустройства:

в Верхне-Кетский район	328 семей	804 человек
в Васюганский -"-	405 -"-	1281 человек
Парбигский -"-	264 -"-	855 человек
Бакчарский -"-	394 -"-	1666 человек

Эти выселенцы прибыли из южных районов страны и почти все они совершенно не имеют теплой одежды и обуви, необходимые в условиях Сибири.

В связи с этим, прошу Вас дать указание облторготделу о выделении для этих выселенцев теплой одежды, обуви, хлеба и других продуктов питания.

Начальник управления МВД

по Томской области

полковник

подпись

(Бровченко)

ГАТО. Ф.Р-829. Оп. 4. Д. 37. Л. 130 (Подлинник).

Из истории земли Томской... С. 103–104.

№ 39

Докладная записка начальника УМВД по Томской области полковника А.Н. Бровченко зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному о приеме и расселении на территории Томской области выселенцев турок

Заместителю министра внутренних дел Союза ССР

Генерал-лейтенанту тов. РЯСНОМУ В.С.

гор. Москва

27 июля 1949 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

**О приеме и расселении на территории
Томской области выселенцев турок**

В соответствии с приказом МВД СССР № 00525-1949 г., в период с 27 июня по 1 июля с.г. для расселения на территории Томской области прибыло четыре эшелона с выселенцами-турками.

№№ эшелона	всего	в том числе		
		мужчин	женщин	детей
97101	1666	597	503	566
97115	1281	433	386	462
97116	855	296	295	264
97126	804	334	246	224
Всего:	4606	1660	1430	1516

В числе прибывших 2496 чел. граждан ССР, турецких подданных – 335, греческий подданный – 1, иранский – 1, без гражданства – 257 чел.

По национальному признаку турок 1256 чел. В составе турецких семей 149 чел. других национальностей русских – 23, азербайджанцев – 24 и т.п.).

В числе других национальностей, выселенных вместе с турками, но не входящих в состав турецких семей, числится ассирийцев – 1192, армян – 642, лазы – 344, азербайджанцев – 331, греков – 248, грузин 132, абхазов – 50, курдов – 42, айсор – 39, евреев – 38, изидов – 41, русских – 36, прочих – 66. В числе прочих: персов – 18, арабов – 6, татар – 15, немцев – 5, албанцев – 2, поляков – 1, лезгин – 2, украинцев – 3, черкесов – 1, дагестанцев – 1, карачаевцев – 1, осетин – 3, аджарцев – 8.

Следует отметить, что начальники эшелонов эшелонных списков не имели, поэтому прием выселенцев в районах расселения, а также анкетирование их производилось по вагонным спискам и справкам МГБ. Причем, справки МГБ составлялись небрежно, имеются подчистки, в некоторых случаях из справок отсутствуют года рождения выселенцев. На 14 человек отсутствуют справки МГБ /список прилагается/.

При просмотре справок МГБ установлено: в эшелоне № 97116 /начальник эшелона подполковник БОГДАСАРОВ/ в справке № 2917 числящийся в составе семьи БДЕЯН Георгий Гурганович, 1930 г. рождения, вычеркнут с пометкой «оставлен в Тбилиси».

Оставлен в гор. Тбилиси числящийся по справке № 2849 АРАБОВ Арфут Абазович, 1940 г. рождения.

В пути следования с эшелона по различного рода указаниям МГБ и МВД Грузинской ССР снято 110 турецко-подданных граждан /документы прилагаются/.

Отсутствие эшелонных списков, а также различные пометки в справках МГБ /оставлен в гор. Тбилиси/ не дало возможности установить какое точное количество выселенцев следовало с эшелонами и были ли в пути следования побег.

По заявлению начальников эшелонов, побегов не было. В пути следования потери среди выселенцев составили 5 человек, умерло 4 /два утонуло/ и снят по болезни 1.

По прибытии эшелонов с выселенцами в город Томск, проведено анкетирование их, каждому выселенцу, достигшему 16-летнего возраста, объявили под расписку Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26/XI-48 г. и Постановление СНК СССР № 35-45 г.

По согласованию с обкомом ВКП(б) и облисполкомом выселенцы – турки расселены и трудоустроены в отделенных северных районах области: Ваюганском, Верхне-Кетском, Парбигском и Бакчарском.

В пути следования в места расселения никаких эксцессов не произошло.

Одиночки, иноподданные и лица без гражданства переданы леспромхозам и другим организациям /промкооперации, райкомхозам и т.д./. Всего в лесную промышленность передано 442 чел., 118 взрослых, детей – 211.

Передано в райкомхозы, промкооперации и другие организации 189 взрослых и 117 детей.

Остальные 2341 человек взрослых и 1188 детей, трудоустроены в сельском хозяйстве.

Приняты меры по обеспечению надлежащего режима и агентурно-оперативной работы среди выселенцев-турок.

- ПРИЛОЖЕНИЕ:
1. Статистические сведения.
 2. Список на выселенцев турок, на которых нет справок МГБ – на 1 лист.
 3. Справки МГБ и различного рода переписка на освобожденных с эшелона № 97110 110 выселенцев – на 113 листах

Начальник УМВД Томской обл. подполковник	подпись	/БРОВЧЕНКО/
Уполномоченный МВД СССР ст. лейтенант	подпись	/ЖАРКОВ/
Начальник ОСП Томской обл. полковник	подпись	/ГРАКОВ/

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 42–43 а (Подлинник. Автографы).

№ 40

Докладная МВД Алтайского края о приеме и расселении в Алтайском крае выселенцев-дашнаков министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С.Н. Круглову

13 июля 1949 г.

О приеме и расселении в Алтайском крае выселенцев-дашнаков

Докладываем, что в период с 27 июня по 1-е июля сего года в Алтайский край прибыли 13 эшелонов с выселенцами-дашнаками в количестве 3848 семей 15701 человек, из них: мужчин 4767, женщин 5366 человек и детей 5586 человек.

Указанный контингент расселен и трудоустроен: в колхозах – 1797 семей 7669 человек, в том числе: мужчин 2271 человек, женщин 2556 человек и детей – 2842 человека;

В совхозах 1265 семей, 5035 человек, в том числе: мужчин 1551 человек, женщин 1790 человек и детей 1694 человека.

В предприятиях лесной промышленности – 672 семьи, 2510 человек, в том числе: мужчин 809 человек, женщин 863 человека и детей 838 человек.

В прочих промышленных предприятиях – 114 семей, 487 человек, в том числе: мужчин 136 человек, женщин 157 человек и детей 194 человека.

До прибытия в Алтайский край этих контингентов, Управлением МВД, с целью проверки подготовленности жилого фонда, в места предполагаемого расселения, был командирован оперативный состав, который совместно с представителями местных Исполкомов, секретарями Райкомов партии и Начальниками Горрайорганов МВД произвели обследование подготовленного для выселенцев жилья и определили какое количество семей выселенцев может быть расселено в каждом намеченном пункте.

Наряду с этим, Исполком Алтайского Краевого Совета Депутатов трудящихся вынес решение, которым обязал председателей Горрайисполкомов обеспечить прием, расселение и трудовое устройство прибывающего контингента выселенцев.

К моменту подхода эшелонов на станции разгрузки был стянут мобилизованный автогужевой транспорт, организованы медицинские и дезинфекционные пункты, развернута торгующими организациями продажа хлебобулочных и кондитерских изделий, гастрономии и промышленных товаров.

Для приема выселенцев от Начальников эшелонов и передачи их Начальникам Горрайорганов МВД, на каждую станцию разгрузки были командированы ответственные сотрудники УМВД и кроме этого в каждый район Края, принимающий выселенцев, были направлены оперативные работники для оказания практической помощи по приему и расселению, а также оформлению учетной документации.

При транспортировке выселенцев со станции разгрузки имел место один несчастный случай со смертельным исходом, который произошел вследствие неосторожности самого потерпевшего, а именно: во время перевозки семей на тракторных санях в Тягунский Леспромхоз выселенец АТАЛЯН, несмотря на предупреждение тракториста об опасности стоять на передке саней, продолжал это делать и на опасном месте при толчке свалился под сани, получив травму головы, в результате которой через два часа умер.

По прибытии выселенцев в пункты расселения им было объявлено постановлением СНК СССР № 35-1945 года и отобраны расписки об ознакомлении с этим постановлением и об уголовной ответственности за побег с места обязательного поселения по пункту 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

Основным недостатком при приеме выселенцев являлась массовая завшивленность последних, достигавшая 75 % к общему количеству прибывших. Это обстоятельство было вызвано тем, что проходившие эшелоны через крупные станции, располагающими мощными сандезузами, не обрабатывались.

В основном в Алтайский край прибыл работоспособный, физически здоровый контингент, имеющий трудовые навыки в сельском хозяйстве. Руководители сельскохозяйственных органов и предприятий довольны принятым контингентом, как рабочей силой. Наряду с этим в Край прибыло некоторое количество городской интеллигенции и лиц, перемещенных в 1946 году из Турции, Сирии, Ирана, Египта и Америки. Эта прослойка настроена антисоветски.

Например: выселенец Ваган ПЕТРОСЯН, прибывший в колхоз «Новый быт», Краюшкинского района, заявил среди выселенцев, что если будет вспышка на границе, то мы себя и здесь сумеем показать.

В колхозе имени Буденного, этого же района, группа прибывших выселенцев вела себя вызывающе, сложила ироническую песню про колхоз и распевала ее проходя по деревне.

Также среди некоторых выселенцев этой категории имеются побеговые намерения.

Следует отметить, что из эшелонов, прибывших в Алтайский край не было передано ни одного человека агентуры, что естественно затрудняет освещение прибывшего контингента.

Для выправления этого недочета Горрайорганам МВД в местах расселения, прибывшего контингента на его освещение нацелена вся имеющаяся агентура, приобретаются доверенные лица из окружающего населения и создаются группы содействия.

Начальник УМВД по Алтайскому краю		
полковник	/Д. ФЕДОРОВ/	подпись
Уполномоченный МВД Союза ССР		
капитан	/НЕЧАЕВ/	подпись

ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 44–48 (Подлинник. Автографы. На бланке УМВД по АК).

№ 41

Справка о расселении в районах Алтайского края выселенцев «дашнаков» и выселенных из Молдавии

Сов. Секретно
29/VII-49 г.

Район	«Дашнаки»		Из Молдавии		Всего	
	семей	Человек	семей	человек	семей	человек
Парфеновский	16	50	–	–	16	50
Косихинский	63	211	–	–	63	211
Троицкий	122	487	–	–	122	487
Алейский	144	633	–	–	144	633
Краюшкинский	98	315	–	–	98	315

Рубцовский	151	605	–	–	151	605
Павловский	29	135	–	–	29	135
Усть-Калманский	172	668	75	276	247	944
Шипуновский	62	233	–	–	62	233
Третьяковский	24	129	–	–	24	129
Топчихинский	47	168	–	–	47	168
Зональный	125	490	78	263	197	753
Локтевский	54	271	–	–	54	271
Баевский	236	991	–	–	236	991
Залесовский	145	493	–	–	145	493
Угловский	305	1325	–	–	305	1325
Поспелихинский	155	703	–	–	155	703
Знаменский	223	1 041	–	–	223	1041
Яминский	70	280	–	–	70	280
Суетский	61	274	56	169	117	443
Благовещенский	124	441	–	–	124	441
Калманский	187	608	–	–	187	608
Родинский	174	585	–	–	174	585
Змеиногорский	59	297	–	–	59	297
Славгородский	321	1479	–	–	321	1479
Сорокинский	359	1470	–	–	359	1470
Бурлинский	302	1313	–	–	302	1313
Хабарский			146	488	146	488
Табунский			19	81	19	81
Завьяловский			46	125	46	125
Каменский			35	171	35	171
Усть-Пристанский			56	159	57	189
Чарышский			131	460	131	460
Турочакский			61	177	61	177
Б-Истокский			202	741	202	741
Алтайский			116	408	116	408
Солонешинский			140	565	140	565
Итого	3897	15700	1161	4073	4498	19808

Нач. 4 отд. ОСП УМВД по АК

ст. лейт.

подпись

(Гордиенко)

ГААК. Ф.Р-Исч. Оп. 1с. Д. 64. Л. 86–86 об. (Подлинник. Автограф).

№ 42

Из докладной записки начальника УМВД по Алтайскому краю А.В. Шахова в Отдел спецпоселений МВД СССР о приеме и расселении выселенцев дашнаков и из Молдавии

20 августа 1949 г.
Совершенно секретно

Расселение выселенцев

В июне, июле месяцах 1949 г, в Алтайский край прибыли вновь на поселение выселенцы-дашнаки и из Молдавии, всего 4 999 семей – 19 770 чел., из них: мужчин – 5 698, женщин – 6 907 и детей – 7 165 чел., в том числе:

выселенцев-дашнаков – 3848 семей – 15 700 чел., из них: мужчин – 4757, женщин – 5354 и детей – 5589 чел.;

выселенцев из Молдавии – 1172 семьи – 4070 чел., из них: мужчин – 941, женщин – 1553 и детей – 1576 чел.

Указанный контингент расселен и трудоустроен в 37 районах края:

а) в колхозах – 2354 семьи – 9679 чел., из них: мужчин – 2743, женщин – 3253 и детей – 3683 чел.;

б) в совхозах – 1878 семей – 7272 чел., из них: мужчин – 2031, женщин – 2650 и детей – 2591 чел.;

в) в лесной промышленности – 707 семей – 2642 чел., из них: мужчин – 859, женщин – 916 и детей – 867 чел.;

г) в тресте «Горноалтайзолото» Главцветмета МВД СССР – 60 семей – 177 чел., из них мужчин – 65, женщин – 88 и детей – 24 чел.

Дислокация расселения выселенцев-дашнаков и из Молдавии в районах края прилагается.

Трудовое устройство

Их числа взрослых выселенцев указанного контингента учтено всего трудоспособных 11315 чел., из них: используются на работах повседневно – 10162 чел и 753 чел. – в основном домохозяйки, заняты на работе не полный день или не полную неделю по причине многосемейности и наличия малолетних детей.

Кроме того, на уборке хлеба в колхозах и совхозах работают 983 чел. подростков до 16-летнего возраста и 762 чел., годных к легкому физическому труду. Таким образом, в настоящее время из числа выселенцев-дашнаков и из Молдавии всего занято на работах, включая работающих неполный день и неполную неделю, 12 660 чел.

Большая часть выселенцев по прибытии в места расселения на второй, третий день потребовали от руководства хозорганов предоставления им работы и в настоящее время работают, выполняя производственные нормы.

Наряду с этим часть городской интеллигенции, имеющей специальности и профессии, выполняют производственные нормы на 30–60 %, а некоторые вовсе отказываются работать, требуя использования их по специальности.

Всех выселенцев, имеющих специальности и профессии, в местах расселения трудоустроить по специальности в настоящее время не представляется возможным, особенно преподавателей, бухгалтеров, инженеров.

Эти лица и выселенцы, перемещенные в 1946 г. из-за границы, явно недовольны переселением в Сибирь, высказывают недовольство мероприятиями, проводимыми партией и правительством, клеветают на существующий в СССР политический строй.

Отдельные выселенцы, имеющие высшее образование, честно работают на полях колхозов, совхозов и в лесной промышленности. Так, выселенец Аракьян Варканян Степанович по специальности преподаватель, работающий в колхозе им. Буденного Краюшкинского района, перевыполняет производственные нормы и призывает к этому других выселенцев. Такие специалисты, как комбайнеры, трактористы, шоферы, слесари, токари, плотники, кузнецы трудоустроены по специальности.

Жалоб на неправильное начисление или несвоевременную задачу заработной платы выселенцам, трудоустроенным в совхозах и предприятиях лесной промышленности, не поступало.

Следует отметить, что в некоторые районы края прибыли семьи выселенцев, в которых нет ни одного человека трудоспособных. Так, в Калманском районе выселены 2 семьи выселенцев в возрасте от 68 лет и старше, в Знаменском районе поселен выселенец-дашнак душевнобольной и т.д.

Мотивы выселения этих лиц из республик Кавказа для нас неясны.

Эти выселенцы совершенно не имеют средств к существованию и живут за счет родственников и знакомых. Вследствие отсутствия мест в домах инвалидов, которые имеются на территории края, устроить нормально этот контингент не представляется возможным.

Жилищно-бытовое устройство

Из всего количества семей выселенцев-дашнаков и из Молдавии в отдельных квартирах и домах проживают 2223 семьи, в порядке уплотнения местного населения – 1413 и в помещениях, непригодных для жилья в зимних условиях, проживают 1363 семьи, в том числе 113 семей проживают в палатках.

Особенно плохо обеспечены жильем, пригодным для жизни в зимних условиях, выселенцы-дашнаки, расселенные в Сорокинском и Залесовском районах, трудоустроенные в леспромхозах треста «Алтайлес» Министерства лесобумажной промышленности. Так, в Сорокинском районе в отдельных домах и квартирах проживают 20 семей, в порядке уплотнения – 264 семьи и в помещениях, непригодных для жизни в зимних условиях, – 100 семей, из коих 75 размещены в палатках.

В период приема выселенцев руководство треста «Алтайлес» представило в УМВД по Алтайскому краю заверительное письмо с обязательством всех принятых выселенцев до 15 августа разместить в квартирах, пригодных для жизни в зимних условиях. Это обязательство в настоящее время не выполнено.

Произведенным обследованием жилищно-бытовых условий выселенцев, расселенных в этих районах, установлено, что строящиеся для расквартирования выселенцев дома барачного типа до 1 сентября с.г. строительством закончены не будут за недостатком стройматериалов.

Строительство выселенцами собственных домов производится медленно также по причине недостатка строительных материалов, как-то: пиломатериал, стекло, гвозди.

Руководство треста предупреждено, что, если до 1 сентября прибывший контингент не будет полностью обеспечен жильем, пригодным для жизни в зимних условиях, часть выселенцев будет передана для трудового устройства другим хозорганам.

Наряду с этим в ряде районов: Солонешенском, Табунском и др. все выселенцы размещены в квартиры, пригодные для жизни в зимних условиях; в других районах производится постройка собственных домов силами самих выселенцев, которым руководство хозорганов оказывает помощь в закупке и транспортировке строительных материалов. Так, в двух отцесовхозах Родинского района для выселенцев построено 54 дома.

Необходимо отметить, что многие выселенцы прибыли на поселение, не имея денег, продуктов, предметов домашнего обихода и теплой одежды, в результате чего в настоящее время испытывают материальные затруднения.

Кредитов по линии сельхозбанка, выделенных согласно постановлению Совета Министров № 3229-1341 от 24 июля 1949 г. для выдачи ссуд выселенцам-дашнакам и из Молдавии на строительство домов и приобретение домашнего скота, фактически не имеется. Эти ассигнования предусматривается произвести в лимите плана кредитования на 1949 г, а фактически потребных сумм на эту цель Алтайская краевая контора сельхозбанка не имеет.

Особенно плохо обстоит положение со снабжением продуктами питания выселенцев, трудоустроенных в Тягунском леспромхозе «Алтайлес», где по причине бездорожья выселенцы не получают хлеб от 3 до 8 суток. Выселенцы, трудоустроенные в совхозе, имеют возможность покупать хлеб только по 500 г в сутки на работающего, другим членам семьи хлеб не продается. В результате выселенцы вынуждены продавать привезенные с собой носильные вещи и предметы домашнего обихода, чтобы покупать продукты питания у местных жителей.

В настоящее время в горрайотделы МВД и ОСП УМВД от выселенцев поступают заявления с просьбой разъяснить, будут ли оплачено движимое или недвижимое имущество, оставленное ими в местах прежнего жительства, которое они не успели продать или взять с собой по причине ограниченного времени при выселении. Многие выселенцы по специальности: преподаватели, юристы, инженеры, профессора обращаются в УМВД и Алтайский крайисполком с жалобами на не предоставленные им местными советскими органами работы по специальности.

Указаний от ОСП МВД СССР по этим вопросам не имеем.

Оперативно-чекистское обслуживание

От начальников эшелонов агентуры из числа прибывшего контингента не принято ни одного человека, вербовок в действующую агентурно-осведомительную сеть из среды выселенцев-дашнаков и из Молдавии не производилось.

В настоящее время производится проверка и изучение кандидатур на вербовку из числа выселенцев прибывшего контингента.

На выявление политических настроений, уголовно-бандитского элемента, побеговых намерений среди выселенцев-дашнаков и из Молдавии, особенно лица из числа городской интеллигенции и перемещенные в 1946 г. из-за границы, высказывают недовольство выселением в Сибирь и созданных для них в местах расселения режимом. Некоторые из них пытаются разложить трудовую дисциплину в колхозах, совхозах и предприятиях лесной промышленности, ведут пропаганду о неизбежности новой мировой войны между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой – с другой, при этом высказывают уверенность в победе лагеря империализма над лагерем демократии. Так, Григорян Ашот, поселенный в Залесовском районе, в беседе с выселенцем заявил: «...нас переселили сюда сразу после окончившегося неудачей парижского совещания министров иностранных дел. Это значит, что война неизбежна, так как капиталистические страны не могут допустить, чтобы Советский Союз продолжал завоевывать симпатии народов колониальных и полуколониальных стран».

Выселенец Маркосян Араш, поселенный в Завьяловском районе, в беседе с русскими рабочими говорил: «...Война неизбежна, если она не начнется нынче, то обязательно – в будущем году, потому что Трумэн сказал, что чем позже они начнут войну, тем раньше они (т.е. США) будут побеждены. Будущая война продлится не более двух месяцев и закончиться победой Америки».

Бывший следователь районной прокуратуры г. Ереван Чалоян, поселенный в Калманском районе, в беседе с выселенцами заявил: «...Нас выселили неправильно, а дирекция леспромхоза незаконно заставляет нас работать в лесу. Мы равноправные граждане Советского Союза, и никто не имеет права нас притеснять...».

В колхозе им. Орджоникидзе Краюшкинского района поселен священник, выселенный из Армении, у которого часто собираются выселенцы. При исполнении религиозных обрядов этот священник агитирует выселенцев, чтобы они не подавали заявлений в колхоз, где они якобы ничего не зарабатывают и будут обречены на голодную смерть.

Некоторые выселенцы обвиняют в выселении их из мест прежнего жительства представителей местных советских органов. Так, выселенец, Ованесов Ирано, поселенный в Краюшкинском районе, в беседах с колхозниками заявил: «...Я имел хороший дом в центре села. Сельский совет попросил, чтобы я продал им свой дом, а когда я отказал, то меня сослали в Сибирь. Я считаю своим врагом местную власть». Эти и аналогичные им донесения предаются для реализации горорганам МГБ.

По обсуждению выселенцев-дашнаков и из Молдавии на ближайший период времени нами намечены следующие ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ:

Для организации и создания требуемого режима в местах расселения назначить старших десятидворок, приобрести доверенных лиц, установить с руководством хозорганов взаимоотношения, способствующие предупреждению нарушений режима и трудовой дисциплины выселенцами.

В целях недопущения побегов выселенцев, розыска от преследования бежавших приобрести группы содействия и агентурные заслоны в наиболее вероятных местах побегов и путях следования бежавших.

Развернуть агентурную работу по подбору и вербовке осведомления из числа выселенцев, вновь прибывших на поселение. При этом уделить особое внимание выявлению выселенцев-дашнаков и из Молдавии, пользующихся авторитетом среди указанных контингентов [...]¹.

Начальник УМВД по Алтайскому краю,
полковник

Шахов

Начальник ОСП УМВД Алтайского края,
майор

Максимов

*ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 505. Л. 5 –65 (Подлинник).
История сталинского ГУЛАГа. Т. 5. С. 617–621. № 184.*

№ 43

Записка зам. министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенанта Н.Н. Селивановского зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясному

Сов. секретно

<5 августа 1949 г.>

Зам министра внутренних дел ССР
генерал-лейтенанту
тов. РЯСНОМУ В.С.

После проведения операции в Грузинской ССР осталось невыселенными по разным причинам 71 человек одиночек, изъявивших добровольное желание выехать к местам поселения своих семей.

О выселении такого же спецконтингента дано указание МГБ Армянской ССР.

Целесообразно указанные семьи поднять одним эшелоном, который будет следовать из Армении через Грузию.

Прошу Вашего указания МВД Грузинской и Армянской ССР.

Зам. министра государственной безопасности
генерал-лейтенант

(СЕЛИВАНОВСКИЙ)

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 102 (Подлинник на бланке МГБ СССР. Автограф).

¹ Опущен перечень мероприятий по агентурной работе среди этой группы спецпереселенцев.

№ 44

Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясного министру внутренних дел Грузинской ССР Г.Т. Каранадзе

В. Срочно. Секретно
Передать по «ВЧ»
<14 сентября 1949 г.>

ТБИЛИСИ МВД тов. КАРАНАДЗЕ

Для отправки из Грузинской ССР 65 человек выселенцев выделяются 4 вагона, подачей 16 сентября на станции: Батуми 1 вагон, Ахалцых 2 вагона, Навтлуги 1 вагон, назначением станцию Барнаул Томской ж.д.

Прием выселенцев произвести по семейным справкам.

Погруженные вагоны на станции Навтлуги присоединить эшелону № 97248, отправляемому МВД Армянской ССР со станции Улуханлу. Выселенцев вместе семейными справками сдать начальнику эшелона по списку.

Железнодорожные документы на вагоны оформить до станции Барнаул.

Об отправке выселенцев немедленно донести, указав количество отправленных отдельно выехавших добровольно

НЗ/1/14013

Заместитель Министра внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенант

РЯСНОЙ

/В. РЯСНОЙ/

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 103 (Заверенная копия).

№ 45

Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясного министру внутренних дел Армянской ССР Х.И. Григорьяну

В. Срочно. Секретно
Передать по «ВЧ»
<14 сентября 1949 г.>

ЕРЕВАН МВД тов. Григорьян

Для отправки из Армянской ССР 280 человек выселенцев выделяются эшелоны № 97248-97249-97250, составе 16 вагонов, подачей 16 сентября станцию Улуханлу, назначением:

№ 97248 станция Алтайская 2 вагона Барнаул 1 вагон, Бийск 2 вагона;

№ 97249 станцию Неверовская 3 вагона, Рубцовка 2 вагона;

№ 97250 станцию Бурла 1 вагон, Славгород 5 вагонов.

Кроме того станции Навтлуги эшелону 97248 будет присоединено 4 вагона выселяемых из Грузинской ССР назначением Барнаул.

Все эшелоны до места назначения пойдут объединенным в один эшелон.

ПРЕДЛАГАЮ:

Прием выселенцев от органов МГБ, отправку и обслуживание эшелона пути следования и сдачу места назначения производить соответствии приказом МВД СССР № 525-1949 года.

Маршрут следования эшелона: Улуханлу, Ленинанкан, Навтлуги, Акстафа, Кировабад, Баладжары, Дербент, Махач-Кала, Гудермес, Кизляр, Трусово, Урбах, Уральск, Илецк, Оренбург, Киналь, Айдырля, Челябинск, Курган, Петропавловск, Омск, Татарская, Барабинск, Новосибирск, Черепаново, Барнаул, Бийск, Рубцовка, Татарская-Славгород.

Железнодорожные документы на вагоны оформить согласно станций назначения. Вагоны оборудовать соответствии приказом МВД и МПС № с-80ц/0116 от 6.III.49 г.

Конвой выделяется распоряжением Управления Конвойных войск МВД СССР.

Об отправке эшелона немедленно донести, указав количество отправленных семей человек, том числе мужчин, женщин, детей, отдельно количество выехавших добровольно.

НП 1/14012

В. РЯСНОЙ

Заместитель министра внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенант

/В.РЯСНОЙ/

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 104 (Заверенная копия).

№ 46

Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного в УМВД по Алтайскому краю

секретно
передать по «ВЧ»
<22 сентября 1949 г.>

Барнаул УМВД тов. ШАХОВУ

18 сентября эшелон № 97248-97249-97250 из Армянской и Грузинской ССР отправлено 315 выселенцев для расселения Алтайском крае, назначением следующие станции:

№ 97248	Алтайская	2 вагона
	Барнаул	5 вагонов
№ 97249	Рубцовка	2 вагона
	Неверовская	3 вагона
	Бийск	2 вагона
№ 97250	Бурла	1 вагон
	Славгород	5 вагонов

Для приема от начальника эшелона и сопровождения выселенцев до станции Славгород вышлите Татарскую Омской ж.д. оперативного работника УМВД. Выделите работников УМВД для сопровождения вагонов выселенцами до станций Бийск, Рубцовка и Неверовская.

Выселенцев от начальника эшелона принимайте по списку и по семейным справкам МГБ.

Возьмите их на учет спецпоселения. Объявите Указ от 26 ноября 1948 года и постановление Совета Министров № 35-1945 года.

Добровольно прибывших выселенцами членов семей на учет брать не следует.

О прибытии эшелона и расселении выселенцев донести, указанием количества прибывших, в том числе количество прибывших добровольно.

НР/1/14511

РЯСНОЙ

Заместитель министра внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенант

/В. Рясной/

ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 106–107 (Заверенная копия).

№ 47

Из Отчетного доклада о работе органов МВД Армянской ССР за 3-й квартал 1949 г.

<...>

совершенно секретно

Министру Внутренних дел Союза ССР товарищу Круглову С.П.

{...}

Выполнение Распоряжения МВД СССР №1/14012 от 15 сентября 1949 года

Во исполнение задания МВД СССР №1/14012 от 15-го сентября 1949 года оборудовано 16 вагонов 3-х эшелонов, которые обеспечены необходимым вещевым довольствием и денежными средствами. В соответствии с требованием приказа МВД СССР № 00525-1949 года, от органов МГБ Армянской ССР принят и отправлен по назначению контингент выселенцев из Армянской ССР в количестве 148 семей, 203 человека.

Для сопровождения этого контингента выделено необходимое число начальствующего состава и охраны.

Происшествий и нежелательных эксцессов при выполнении этого задания не было.

{...}

НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 54. Л. 5–6 (Копия, с купюрами).

№ 48

Шифротелеграмма зам. начальника УМВД по Алтайскому краю зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному

<11 октября 1949 г.>

Выселенцы-дашнаки прибывшие в Алтайский край эшелонами № 97248, 97249, 97250 в соответствии с Вашим указанием № 1/14511 от начальников эшелонов приняты 7 октября 1949 года.

Эшелон № 97248 прибыло 99 чел., в том числе мужчин – 55, женщин – 26, детей – 18.

Эшелон № 97249 прибыло 51 чел., в том числе мужчин – 51, женщин –

Эшелон № 97250 прибыло 87 чел., в том числе мужчин – 34, женщин – 13, детей – 16.

Всего принято 237 чел., из них: мужчин – 137, женщин – 62, детей – 38.

Прибывших добровольно нет.

Расселение произведено по районам местожительства родственников прибывших.

Указ от 26 ноября 1948 года и Постановление Совета Министров № 35 объявлено в местах расселения.

Зам. начальника УМВД по Алтайскому краю
полковник

Баранников

ИЦ УМВД АК. Ф. 8. Д. 4. Л. 1 (Копия).

№ 49

Распоряжение Алтайского исполкома № 933 с об устранении недостатков по трудовому и бытовому устройству выселенцев в районах края

Секретно

РЕШЕНИЕ № 933 с

Гор. Барнаул

1/ХІІ 1949 года

Об устранении недостатков по трудовому и бытовому устройству выселенцев в районах края

Рассмотрев материалы, предоставленные начальником УМВД по Алтайскому краю тов. ШАХОВЫМ о состоянии бытового и трудового устройства спецвыселенцев в районах края, исполком краевого Совета депутатов трудящихся отмечает, что вследствие отсутствия должного внимания со стороны ряда райисполкомов и особенно отдельных руководителей хозяйственных органов, куда переданы выселенцы для трудового использования, они до настоящего времени должным образом не устроены. На 1-е октября 1949 года продолжают жить в непригодных помещениях 186 семей выселенцев в количестве 744 человека.

Особенно в тяжелых бытовых условиях находятся выселенцы в предприятиях треста «Алтайлес» (управляющий тов. Чичерин). В Тягунском леспромхозе Сорокинского района в непригодных для жилья помещениях находятся 110 семей в составе 370 человек, однако строительство новых жилых домов и капитальный ремонт наличного жилого фонда не организованы. В леспромхозе систематически срывается нормальная торговля продуктами питания, отсутствует медицинское обслуживание выселенцев и около 150 детей школьного возраста из этих семей не охвачены обучением.

До сих пор в леспромхозе не трудоустроено 135 человек.

В Мартыновском молсвинсовхозе Яминского района 17 семей выселенцев размещены в непригодных помещениях. В этом же совхозе для выселенцев совершенно не организована торговля хлебом.

Аналогичные факты невнимательного отношения к насущным нуждам выселенцев имеют место в Торочакском, Знаменском, Слагородском, Баевском, Хабаровском, Чарышском, Быстро-Истокском, Косихинском, Усть-Калманском, Алейском и Тапчихинском районах.

Исполком краевого Совета депутатов трудящихся РЕШИЛ:

1. Обязать председателей райисполкомов, руководителей трестов и хозяйственных органов, где размещены для трудового использования выселенцы, немедленно устранить все имеющиеся недостатки в бытовом и трудовом их устройстве. Создать необходимые жилищно-бытовые условия и обеспечить трудовое использование всех выселенцев.

2. Обязать председателей райисполкомов совместно с районными отделами МВД в срок до 25 декабря 1949 года проверить в местах расселения выселенцев их жилищно-бытовые условия и трудоустройство. Результаты проверки обсудить в исполкомах райсоветов и разработать практические мероприятия по улучшению бытовых условий выселенцев. Пресекать факты нарушений правового положения выселенцев, установленных постановлением Совета Министров Союза ССР № 35 от 8 января 1945 года.

3. Предложить управляющему трестом «Алтайлес» тов. Чичерину командировать своих представителей в Тягунский, Аламбаевский и Каменский леспромхозы и принять на месте необходимые меры по устранению всех недостатков в устройстве выселенцев.

4. Обязать заведующего КрайОНО тов. Чекалкина принять необходимые меры к полному охвату обучением в школах детей выселенцев.

5. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на начальника Краевого Управления МВД тов. Шахова.

Председатель крайисполкома

подпись

(К. Пысин)

Секретарь крайисполкома

(И. Карабаев)

ГА АК. Ф. Р-1сч. Оп. 1с. Д. 63. Л.269 –271 (Проект. Подлинник на бланке исполкома с рукописными пометами Пысина. Автограф).

№ 50

Докладная записка зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясного и зам. начальника 9-го управления МГБ СССР В.В. Шияна С.Н. Круглову о необходимости возбудить ходатайство перед Советом министров СССР о распространении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. на лиц, выселенных из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря

< 10 февраля 1950 г.>

Министру внутренних дел Союза ССР
генерал-полковнику
товарищу Круглову С.Н.

Согласно Вашему телеграфному распоряжению от 20 июня 1949 года № 262-266 лица выселенные по Постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856 сс из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря предупреждены об ответственности за побег с места поселения по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

Зам. Генерального Прокурора СССР тов. ВАВИЛИН дал прокурорам Отдела по надзору за органами милиции устное указание о привлечении упомянутых выселенцев к уголовной ответственности за побег с места поселения по ст. 16-82 ч. 1 УК РСФСР на том основании, что Постановлением Совета Министров СССР от 29.V.49 г. № 2214-856 сс на них действие Указа Президиума Верховного Совета ССР от 26.XI.48 года не распространено.

Поскольку эти лица, выселены навечно, считаем необходимым возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о распространении на них Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

подпись
подпись

РЯСНОЙ
ШИЯН

Учитывая изложенное и что лица перечисленные в Постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856 сс выселены навечно, Министерство внутренних дел ССР ходатайствует о распространении на них Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

Проект постановления по этому вопросу прилагаю.

Министр внутренних дел Союза ССР

(С. КРУГЛОВ)

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 273. Л. 173–174 (Подлинник. Автографы, с резолюцией: «Обсудить. [Круглов]»).

№ 51

Проект Постановления Совета министров СССР

февраль 1950 г.

г. Москва, Кремль

О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на лиц, выселенных согласно постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. за № 2214-856 сс.

Совет Министров Союза ССР – ПОСТАНОВЛЯЕТ:

распространить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы

Советского Союза в период Отечественной войны» на выселенных по Постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года – за № 2214-856 сс из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР и с побережья Черного моря дашнаков, турецких и греческих граждан, турок и греков, не имеющих гражданства, бывших турецких и греческих подданных, принятых в советское гражданство.

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 273. Л. 172 (Копия).

№ 52

Сопроводительная записка С.Н. Круглова к проекту постановления Совета министров СССР «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на лиц, выселенных согласно постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. за № 2214-856 сс»

3 марта 1950 г.

Заместителю председателя Совета Министров Союза ССР
товарищу БЕРИЯ Л.П.

Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856 сс о выселении из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР и с побережья Черного моря дашнаков, турецких и греческих граждан, турок и греков, не имеющих гражданства, бывших турецких и греческих подданных, принятых в Советское подданства, не предусмотрено распространение на них действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

В связи с этим указанные выше лица, в случае задержания их после побега из мест поселения не могут привлекаться к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, срок наказания которым предусмотрен 20 лет каторжных работ.

Между тем, действие этого Указа ранее было распространено Постановлением Совета Министров СССР от 29 января 1949 года № 390-138 сс на лиц, выселенных навечно в отдаленные районы Советского Союза из Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, а также Постановлением Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 г. № 1290-367 сс на лиц, выселенных из Молдавской ССР.

Учитывая изложенное и то, что лица, перечисленные в постановлении Совета Министров СССР от 29 1949 года № 2214-856 сс выселены также навечно, Министерство внутренних дел СССР ходатайствует о распростра-

нении на них действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ: проект постановления Совета Министров СССР на 1 листе.

Министр внутренних дел СССР (С. КРУГЛОВ)

*ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 273. Л. 170 (Заверенная копия).
История сталинского ГУЛАГа. Т. 5. С. 627–628. № 191.*

№ 53

Указ Президиума Верховного Совета «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1949 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на лиц, выселенных согласно постановлению Совета Министров СССР № 2214-856 сс от 29 мая 1949 г.»

6 апреля 1950 г.
Без публикации

УКАЗ

Президиума Верховного Совета Союза ССР
«О распространении действия Указа
Президиума Верховного Совета ССР
от 26 ноября 1948 г.

«Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на лиц, выселенных согласно Постановлению Совета Министров СССР № 2214-856 сс от 29 мая 1949 г.»

Распространить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на выселенных по постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856 из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря, дашнаков, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 692. Л. 8 (Подлинник).

Сборник законодательных и нормативных актов... Ч. I. С. 277; Сталинские депортации... С. 678. № 4. 29.

№ 54

Приказ министра внутренних дел СССР № 00266 о распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. на выселение с Черноморского побережья

Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Министра Внутренних Дел Союза ССР

№ 00266 за 1950 год

«25» апреля 1950

г. Москва

Содержание:

**О распространении действия Указа Президиума
Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.
на выселение с Черноморского побережья**

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1950 года на выселенных по постановлению Совета Министров СССР № 2214-856 от 29.05-1949 года из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря дашнаков, турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, распространено действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения, выселенных в отделенные районы Советского Союза в период Отечественной войны.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Министерству внутренних дел Казахской ССР генерал-лейтенанту ДОЛГИХ, начальнику УМВД по Алтайскому краю полковнику ШАХОВУ и начальнику УМВД по Томской области – полковнику БРОВЧЕНКО проверить от всех ли выселенных из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР и с Черноморского побережья греков, турок и дашнаков взяты расписки об объявлении им Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

Выселенцам указанных категорий, в учетных делах которых не окажется расписок, немедленно объявить Указ от 26 ноября 1948 года и взять у них соответствующие расписки.

Об исполнении донести МВД СССР докладной запиской.

Министр Внутренних Дел СССР

генерал-полковник

подпись

(С.Круглов)

Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М, 1999. С. 115. № 45 (со ссылкой на «личный архив авторов»).

№ 55

Распоряжение Совета министров № 14133 рс о довыселении иранцев, греков, турок и дашнаков из Грузинской ССР

Сов. секретно

Совет министров СССР
РАСПОРЯЖЕНИЕ
от 10 августа 1951 № 14133 рс

Москва, Кремль

1. Принять предложение МГБ СССР о выселении с территории Грузинской ССР, выявленных органами МГБ 69 человек – иранцев, греков, турок и дашнаков, которые в момент выселения из Грузии указанных контингентов в соответствии с Постановлениями Совета Министров СССР № 2214-856 от 29 мая 1949 г. и № 727-269 от 21 мая 1950 г. отсутствовали по месту их жительства.

2. Обязать МГБ СССР (т. ИГНАТЬЕВА) произвести в течение августа 1951 года выселение из Грузинской ССР лиц, указанных в п. 1 настоящего распоряжения, согласовав персональный список выселяемых с Первым Секретарем ЦК КП(б) Грузии т. ЧАРКВИАНИ К.Н.

Председатель Совета Министров Союза ССР

И. СТАЛИН

Бугай, Коцонис, 1994. С. 115. № 46 (со ссылкой на «личный архив авторов»).

№ 56

Записка Р.А. Руденко, С.Н. Круглова, И.А. Серова и К.П. Горшенина в ЦК КПСС от 9 сентября 1954 г. с предложением поручить армянской Центральной республиканской комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за к.р. преступления, пересмотр дел выселенных в 1949 г. из Армянской ССР в Алтайский край дашнаков и членов их семей

9 сентября 1954 г.

Совершенно секретно

ЦК КПСС

Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856 сс из Армянской ССР по решениям Особого Совещания выселено на спецпоселение в Алтайский край 3017 семей дашнаков.

При проведении выселения органами бывшего Министерства Госбезопасности СССР к категории дашнаков без достаточных оснований отнесено свыше 3 тысяч человек. В настоящее время от этой категории лиц в партийные и советские органы, в МВД и Прокуратуру СССР поступает большое количество заявлений и жалоб на необоснованное выселение.

После соответствующей проверки заявлений, при отсутствии оснований к содержанию на спецпоселении, МВД и Прокуратура СССР дела на

этих лиц представляет в Верховный Суд СССР для отмены постановлений особого Сопещения о их выселении.

Учитывая, что материалы, послужившие основанием к выселению на спецпоселение дашнаков и членов их семей, оформлялись в МВД Армянской ССР и что существующий порядок рассмотрения дел на эту категорию в Верховном Суде СССР осложняет работу по пересмотру дел. Комиссия вносит предложение поручить Армянской республиканской комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, рассматривать по поступающим жалобам и заявлениям дела на выселенных в 1949 году из Армянской ССР дашнаков и членов их семей и необоснованно выселенных из спецпоселения освобождать.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Р. РУДЕНКО
С. КРУГЛОВ
И. СЕРОВ
К. ГОРШЕНИН

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 167 (Заверенная копия). Др. экз.: Там же. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 169 (Заверенная копия).

№ 57

Приказ Генерального прокурора Союза, председателя КГБ при Совете министров СССР, министра внутренних дел СССР и министра юстиции СССР о порядке рассмотрения жалоб и заявлений дашнаков и членов их семей, выселенных в 1949 году из Армянской ССР

168сс/00615/00761/025

Совершенно секретно

21 сентября 1954 г.

Москва

Во исполнение решения директивных органов

ПРИКАЗЫВАЕМ:

1. Поступившие жалобы и заявления от дашнаков и членов их семей, выселенных на спецпоселение в 1949 году из Армянской ССР, направлять на рассмотрение в комиссию в составе: Прокурора Армянской ССР (председатель), Председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров Армянской ССР, Министра внутренних дел и Министра Юстиции Армянской ССР.

2. Комиссии пересмотр дел производить на основании жалоб и заявлений, поступающих от выселенных, проводя в необходимых случаях проверку материалов, послуживших основанием к выселению. В отношении лиц, необоснованно выселенных, принимать решения об освобождении от спецпоселения.

3. Выписки из решений Комиссии об освобождении от спецпоселения направлять через Первый спецотдел МВД Армянской ССР и УМВД по месту нахождения спецпоселенцев для исполнения.

Всех лиц, освобожденных от спецпоселения, как необоснованно выселенных, снимать с оперативного учета в первых спецотделах МВД-УМВД.

И.о. Генерального Прокурора СССР
Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР
Министр Внутренних дел СССР
Министр юстиции СССР

П. БАРАНОВ
И. СЕРОВ
С. КРУГЛОВ
К. ГОРШЕНИН

НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 96. Л. 33–34 (Копия).

№ 58

Проект Постановления ЦК КПСС «О пересмотре дел на выселенных в 1949 году из Армянской ССР дашнаков и членов их семей»

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

от « » сентября 1954 года

О пересмотре дел на выселенных в 1949 году
из Армянской ССР дашнаков и членов их семей

Учитывая, что материалы, послужившие основанием к выселению на спецпоселение дашнаков и членов их семей, хранятся в МВД Армянской ССР и что существующий ныне порядок рассмотрения дел на эту категорию в Верховном Суде СССР осложняет работу по рассмотрению их жалоб и заявлений, –

ЦК КПСС ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Поручить Комиссии в составе Прокурора Армянской ССР /председатель/, Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров Армянской ССР, Министра внутренних дел и Министра юстиции Армянской ССР по поступающим жалобам и заявлениям рассматривать дела на дашнаков и членов их семей, выселенных на спецпоселение в 1949 году из Армянской ССР, и лиц, необоснованно выселенных, из спецпоселения освобождать.

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 168 (Копия). Др. экз.: Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 169 (Копия).

Сборник законодательных и нормативных актов... Ч. II. 1999. С. 73–75.

№ 59

Распоряжение УМВД по Алтайскому краю № 8 сс с бланками справки об освобождении и расписки

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 8 сс

17 марта 1955 г.

За последнее время имеют место случаи, когда некоторые коменданты спецкомендатур УМВД АК знакомят спецпоселенцев с полным текстом решений Республиканской комиссии по пересмотру дел АрмССР, тем самым разглашают перед спецпоселенцами существование этой комиссии, мотивы, на основании которых принимаются решения и фамилии докладчиков.

В расписках об объявлении решений комиссии и в справках на получение паспортов указывают наименование органа, вынесшего решение и когда оно состоялось.

В целях недопущения этих данных перед спецпоселенцами

Предлагаю:

1. Спецпоселенцам, при объявлении решений Республиканской комиссии по пересмотру дел АрмССР, объявлять, что они сняты с учета спецпоселения или оставлены на поселении на основании решения МВД, КГБ и Прокуратуры АрмССР.

2. Объявление решений производить под расписку и выдавать справки на получение паспортов, освобождения из спецпоселения по прилагаемым формам.

3. Лицам, освобожденным из спецпоселения, кроме справок на получение паспортов, других документов не выдавать.

Нач. УМВД АК подпись

М. Белов

СПРАВКА

Видом на жительство не служит

Выдана гр-н _____ ФИО _____ года рождения, уроженца _____, по национальности _____ в том, что он (она) из спецпоселения освобожден _____ 195.. года.

Справка выдана для предъявления в паспортный стол на право получения паспорта.

(_____)

_____ должность

_____ звание

РАСПИСКА

Мне, _____ ФИО _____ года рождения _____, прожив. _____ в р-не, Алт. кр. «_____» _____ 195.. года объявлено, что я из спецпоселения освобожден _____ и справку об освобождении на предмет получения паспорта, получил.

Роспись _____

расписку отобрал _____ (должность)
(звание и фамилия)

ИЦ МВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 22–24 (Подлинник. Автограф. Приложение – бланки справки и расписки).

№ 60

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Москва, Кремль

17 сентября 1955 г.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ добился новых больших успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего укрепления своего социалистического государства.

Учитывая это, а также прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до десяти лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные статьями 58–1, 58–3, 58–4, 58–6, 58–10, 58–12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик.

2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше десяти лет за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4. Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о преступлениях, совершенных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., предусмотренных статьями 58–1, 58–3, 58–4, 58–6, 58–10, 58–12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими стать-

ями Уголовных кодексов других союзных республик, за исключением дел о лицах, указанных в статье четвертой настоящего Указа.

6. Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

Снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех, ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 522. Л. 110–112 (Подлинник. Автографы).

№ 61

Указание УМВД по Алтайскому краю № 39 сс об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев

УКАЗАНИЕ № 39 сс

30 ноября 1955 г.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 17.09.55 «Об амнистии [советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны]» МВД РСФСР директивой № 110 сс от 21.11.1955 г. снять с учета спецпоселения лиц:

а) выселенных в 1949–50 гг. из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР и Краснодарского края за службу в нац. легионах немецкой армии и членов их семей.

{...}

ИЦ МВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 108 (Копия, с купюрами).

№ 62

Записка Р.А. Руденко, К.П. Горшенина, С.Н. Круглова, К.Ф. Лунева в ЦК КПСС от 3 декабря 1955 г. о результатах рассмотрения записки секретаря ЦК КП Армении С.А. Товмасына о нарушениях закона, допущенных при выселении дашнаков из Армянской ССР в 1949 г.

Совершенно секретно

3 декабря 1955 г.

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Секретариата ЦК от 19 ноября 1955 года нами рассмотрена записка секретаря ЦК КП Армении тов. ТОВМАСЯНА С.А. о нарушении закона, допущенном при выселении дашнаков из Армянской ССР.

Выселение дашнаков и членов их семей из Армянской ССР производилось на основании Постановления СМ СССР от 29 мая 1949 № 2214-856 сс. В связи с тем, что при выселении часть лиц к категории дашнаков была отнесена без достаточных оснований, решением Президиума ЦК КПСС от 11 сентября 1954 года поручено комиссии в составе: Прокурора Армянской ССР (председатель), Председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров Армянской ССР, Министра внутренних дел Армянской ССР и Министра юстиции Армянской ССР дела на выселенных в 1949 году дашнаков и членов их семей рассматривать по поступающим жалобам и заявлениям и необоснованно высланных из спецпоселения освобождать.

Изменять этот порядок пересмотра дел в отношении выселенных дашнаков и членов их семей считаем нецелесообразным.

Из числа лиц, служивших в национальных легионах немецкой армии по состоянию на 1 ноября сего года на спецпоселении в Алтайском крае и Казахской ССР находилось 941 человек и 1720 человек членов их семей, выселенных по решениям бывшего особого Совещания при МГБ СССР в 1949–1950 годах из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР. Выселение лиц, служивших в специальных немецких формированиях, постановлениями Правительства не предусматривалось.

В Соответствии с Указам Президиума ВС СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии светских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» МВД Казахской ССР и УМВД Алтайского края даны указания лиц выселенных в 1949–1950 гг. из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР, за службу в национальных легионах немецкой армии и членов их семей с учета спецпоселения снять и освободить из-под административного надзора органов МВД.

Учитывая изложенное, считаем, что поставленные в записке тов. Товмасына С.А. вопросы разрешены.

Р. РУДЕНКО
К. ГОРШЕНИН
С. КРУГЛОВ
К. ЛУНЕВ

№ 63

Указание УМВД по Алтайскому краю № 3 с об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев

УКАЗАНИЕ № 3 с

25.01.56

В дополнении к письму УМВД АК № 45 с от 26.12.55

Разъясняем:

1) Женщины, высланные в 1949 г. из Армянской, Грузинской, Азербайджанской ССР и Краснодарского края, как члены семьи дашнаков-националистов, но находясь на спецпоселении, вступили в брак с лицами, служившими в армянском нац[иональном] легионе нем[ецкой] армии, которые в настоящее время освобождены, подлежат освобождению из спецпоселения в соответствии с приказом МВД СССР № 0580 от 2.12.55.

2) Женщины, высланные в 1949 г. из АрмССР и МолдССР и находясь на спецпоселении вступили в брак с НЕ спецпоселенцами, не являющимися местными жителями, а прибывшими из других областей или демобилизованными из СА, подлежат освобождению из спецпоселения в соответствии с приказом МВД СССР № 0580 от 2.12.55.

{...}

И.о. Нач. УМВД

Максимов

ИЦ МВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 97. Л. 3 (Подлинник, с купюрами).

№ 64

Распоряжение УМВД по Алтайскому краю № 10 с

22 марта 1956 г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 10 с

За последнее время участились случаи самовольных выездов (побегов) спецпоселенцев за пределы края, особенно из числа лиц армянской национальности.

Самовольные выезды (побеги) стали возможными вследствие ослабления комендантами надзора за спецпоселенцами.

После снятия с учета спецпоселенцев немцев большинство оставшегося спецконтингента в десятидворки не сведено и ст. десятидворок не назначены, в связи с чем коменданты лишились информации о нарушениях режима и самовольных выездах с мест поселений.

При расследовании обстоятельств допущенных побегов установлено, что отдельные председатели сельсоветов и колхозов выдают спецпоселенцам справки на право выезда за пределы края. Так, например, председатель колхоза им. Хрущева Суетского р-на 29.01.56 выдал справку спецпоселенцу армянину МКРТЫЧАН Монасу с правом выезда в Узбекскую ССР на 20 дней. Председатель Ситниковского сельсоветата Баевского района в феврале 1956 г. выдал спецпоселенке ЯРИДЖАНЯН Майрал справку, дающую ей

право выезда за пределы края. В результате чего она 27 февраля 56 г. совершила самовольный выезд (побег) в АрмССР.

Аналогичные факты имеются и по др. р-нам края. Коменданты спецкомендатур, зная о таких фактах не ставят о них в известность советские-партийные органы р-ов для принятия мер к этим руководителям.

Кроме того операт.-коменд. состав, располагая данными о настроениях и самовольных выездах, и допуская побег, не принимают реальных мер к предотвращению побегов и розыску беглецов по свежим следам. Вокзалы и проходящие поезда не проверяют, доверенных лиц из числа кассиров и др. работников вокзала не приобретают и действительного контакта с работниками транспортной милиции по этому вопросу не имеют.

В целях выявления

Предлагаю:

1) Оставшихся спецпоселенцев свести в 10-дворки, назначить старших десятидворок, которых тщательно проинструктировать на выявление и предупреждение самов. выездов (побегов) с мест поселения. Для чего разработать с ними схему связей, где предусмотреть связь старшего 10-ки с комендантом не только лично, но через руководителей хоз. органов.

2) В течение марта-апреля с.г. провести регистрацию спецпоселенцев. При чем не допускать фактов, чтобы за неявившихся расписывались др. лица.

3) На ж.д. станциях, через которые спецпоселенцы могут совершить побег, из числа работников вокзалов (дежурных, кассиров) приобрести доверенных лиц. {...}

4) Через райисполкомы провести работу среди председателей сельсоветов и колхозов по запрещению выдачи справок спецпоселенцам, дающих право на выезд за пределы края.

В связи с тем, что большинство спецпоселенцев при побеге пользуются автотранспортом, подберите из числа диспетчеров и шоферов доверенных лиц, которых проинструктируйте на выявление и задержание бежавших.

О работе доложите к 30.04.56 г. в 4 Спецотдел.

ИЦ УМВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 97. Л. 15-17 (Копия, с кунтурами).

№ 65

Распоряжение УМВД по Алтайскому краю № 24 с об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев

24.05.1956 г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 24 с

За последнее время участились случаи, когда на освобожденных из спецпоселения по выпискам республиканской комиссии МВД АрмССР, решениям Верховных судов республик, по приказам МВД СССР №№ 0580-55 г., 0067-56 г., директивы МВД РСФСР № 110 с-55 г. и др. документам, коменданты спецкомендатур не высылают своевременно извещений об убытии.

В результате чего освобожденные из спецпоселения продолжают стоять на учете в УМВД АК и в МВД СССР, как не списанные с учета.

Так, например, только на освобожденных по выпискам Республиканской комиссии МВД АрмССР и определениям Верховных судов республик, на 20.05.56 не представили извещений об убытии: по Бурлинскому р-ну на 62 чел.; по Троицкому – 57 чел., в т.ч. на 12 освобожденных в 1955 г.; по Сорокинскому – на 51 чел., в т.ч. на 6 чел. освобожденных в 1955 г.; по Калманскому – на 41 чел. (в т.ч. 18 освобожденных в 1955 г.), по Зональному – на 35 чел. (в т.ч. 16 освобожденных в 1955 г.).

{...}

Обязать комендантов в срок до 1.06.56 произвести проверку документов спецпоселенцев и на лиц освобожденных из спецпоселения на основании выписок Республиканской комиссии МВД АрмССР.{...}

{...}

Сдать информацию на освобожденных и умерших.

На контингентов спецпоселенцев из числа армян оставшихся в наличии, представить списки по состоянию на 1.06.56: ФИО, год рождения, откуда выселен.

Контроль к 10.06.56.

ИЦ УМВД по АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 97. Л.44–46 (Копия, с купюрами).

№ 66

Постановление Совета министров Армянской ССР № 314 о порядке исчисления трудового стажа лиц, возвратившихся со спецпоселения в Армянскую ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 314

1 октября 1956 г.

г. Ереван

**О порядке исчисления трудового стажа лиц,
возвратившихся из спецпоселения в Армянскую ССР**

Совет Министров Армянской ССР постановляет:

1. Установить, что при исчислении трудового стажа граждан, переселенных в 1949 г. из Армянской ССР в Алтайский край и другие места спецпоселения и вернувшихся с мест поселения в Армянскую ССР, время пребывания в спецпоселениях засчитывать как общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности.

Это время включается также в непрерывный трудовой стаж, если перерыв между днем извещения о праве возвращения из спецпоселения и днем поступления на работу не превышает 6 месяцев (не считая времени переезда к месту жительства). Указанный порядок исчисления трудового стажа применяется:

а) при назначении пособий и пенсий (в том числе повышенных пенсий и пенсий за выслугу лет);

б) при установлении размеров месячных ставок (должностных окладов) в зависимости от продолжительности работы по специальности, а также при выплате единовременного вознаграждения или процентных надбавок за выслугу лет.

2. Обязать руководителей министерств, ведомств, предприятий и учреждений Армянской ССР при выдаче новых трудовых книжек, а равно и в имеющиеся трудовые книжки, вносить записи об общем трудовом стаже, а также о непрерывном трудовом стаже, включая время нахождения в местах спецпоселения.

Председатель

Совета Министров Армянской ССР подпись (А. Кочиян)

Управляющий Делами

Совета Министров Армянской ССР подпись (А. Овакинян)

НА РА. Ф. 113. Оп. 62. Д. 302. Л. 5–6 (Подлинник. Автографы).

№ 67

Закон Республики Армения о репрессированных лицах¹

14 июня 1994 года

гор. Ереван

№ ЗР-106

Статья 1. Репрессированным считается постоянно проживающий в Республике Армения гражданин бывшего СССР, лица без гражданства либо иностранный гражданин, который в период советского строя (начиная с 29 ноября 1920 года) на территории Республики Армения по политическим мотивам был:

а) осужден по статьям 65, 67, 69, а также 206 в прежней редакции Уголовного кодекса Армянской ССР 1961 года или по статьям того же содержания Уголовного кодекса Армянской ССР 1927 года, по другим статьям, преследующим цель подавления или ограничения политического инакомыслия, и в дальнейшем был оправдан; б) привлечен к уголовной ответственности во внесудебном порядке; в) подвергнут в незаконном порядке принудительным мерам медицинского характера; г) выслан с территории бывшего СССР либо лишен гражданства; д) сослан или выслан как член семьи репрессированного.

Статья 2. По требованию репрессированного лица, его родственников либо иных заинтересованных лиц или организаций государственные средства информации обязаны в десятидневный срок передать соответствующее сообщение, в котором должны быть указаны имя, фамилия, отчество, год рождения, место рождения репрессированного лица, род заня-

¹ Печатается в редакции 1994 г.; изменения 19.05.1998, 29.12.1998, 16.03.2004, 28.02.2005, 23.05.2006, 10.09.2008, 19.03.2012.

тий до репрессии, репрессировавший орган, сроки репрессии, обвинение, установленное наказание, постановление и сроки освобождения и оправдания.

Статья 3. Гражданство репрессированного лица, лишённого гражданства Армянской ССР и в настоящее время не являющегося гражданином Республики Армения, восстанавливается в порядке, установленном Законом о гражданстве Республики Армения.

Статья 4. Военские, ученые и иные звания и степени репрессированного лица, которых он лишился вследствие репрессии, восстанавливаются соответствующим правомочным органом на основании заявления репрессированного лица, его родственников либо иных заинтересованных лиц и организаций.

Статья 5. Сроки лишения свободы, отбывания наказания в месте ссылки или высылки репрессированного лица (начиная с 14-летнего возраста), а также сроки применения к нему принудительных мер медицинского характера включаются в стаж, дающий право на трудовую пенсию по старости на льготных условиях или за выслугу лет в кратном исчислении.

Лицо, ставшее нетрудоспособным вследствие репрессии, независимо от трудового стажа обеспечивается трудовой пенсией.

Статья 6. В случае, если репрессированное лицо, утратившее жилую площадь, нуждается в улучшении квартирных условий, ему по бывшему месту проживания предоставляется, по праву собственности, земельный участок установленного размера для индивидуального жилищного строительства, выделив с этой целью на льготных условиях долгосрочный кредит.

Статья 7. Репрессированное лицо освобождается от платы, взимаемой с целью оформления документов в связи с приватизацией квартир, зданий государственного и общественного жилищного фонда Республики Армения.

Двухлетний срок, установленный для бесплатной приватизации квартир, на репрессированных лиц не распространяется.

Статья 8. В течение приватизации государственных предприятий и объектов незавершенного строительства репрессированный гражданин Республики Армения имеет право на один дополнительный сертификат.

Статья 9. На территории Республики Армения репрессированное лицо имеет право бесплатного пользования всеми видами городского и междугородного государственного пассажирского транспорта (кроме такси).

Статья 10. Репрессированное лицо имеет право на пятидесятипроцентное снижение квартирной платы и оплаты коммунальных услуг к зданию государственного и общественного жилищного фонда Республики Армения, стоимости лекарств (по рецепту).

Статья 11. За являющееся собственностью репрессированного лица конфискованное имущество, уплаченный им штраф или невыплаченную ему в течение отбывания наказания заработную плату выдается единовременная денежная компенсация в двенадцатикратном размере минимальной заработной платы, установленной законодательством Республики Армения.

Статья 12. Наследники первой очереди репрессированного лица, приговоренного к смерти, а также умершего во время отбывания наказания или после отбывания наказания в виде лишения свободы, пользуются льготами, предусмотренными статьями 6 и 7 настоящего Закона.

Президент Республики Армения

Л. Тер-Петросян

РАЗДЕЛ II. Воспоминания

* * *

Ваган Мартиросович Овивян родился в 1903 г. в д. Кемерек Османской империи. В 1915 г. во время геноцида потерял родителей. С 1919 г. воспитывался в одном из американских приютов для армянских сирот в Себастии (Турция). В 1923 г. выехал во Францию, где проживал в г. Виен. В сентябре 1947 г. с семьей репатриировался в Советскую Армению. Проживал в Ереване и работал шофером на заводе № 447. 14 июня 1949 г. был выслан с семьей (жена Шнорик Карапетовна 1911 г.р.; сын Хорен-Рене 1930 г.р.; дочь Алис 1931 г.р.; сын Зограб-Эдмон 1934 г.р.) как «дашнак-националист» в Алтайский край. Ссылка оформлена решением Особого совещания при МГБ СССР от 1 февраля 1950 г. Семья отбывала ссылку в Аламбайском леспрохозе Сорокинского р-на, участок Рассыпная, затем переехала в Барнаул. (В настоящем сборнике в разделе «Документы» под № 11 опубликованы материалы из учетного дела о выселении семьи (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273).) Решением Республиканской комиссии АрмССР от 29 февраля 1956 г. семья со спецпоселения освобождена, что стало основанием для снятия 21 марта 1956 г. с учета спецпоселения. Реабилитированы решением Прокуратуры Республики Армения 18 декабря 1992 г.

В 1964 г. Ваган Овивян с семьей эмигрировал во Францию. Сын Вагана – Рене Овив – стал известным французским карикатуристом.

По приезду в Париж в 1964 г. Ваган Овивян написал воспоминания «От Дер Зора до Сибири или подъемы и спады жизни. 1904–1964» с дарственной надписью «Моим детям Хорену, Алис и Зограбу». Воспоминания написаны на западно-армянском языке¹. В 2016 г. рукопись передана другом семьи Айком Тер-Арутюняном (Франция) студии «Версус». Публикуемый отрывок посвящен дороге в ссылку. Текст и комментарии подготовила Сатеник Фармазян*.

Ваган Овивян

Ссылка

12² июня 1949 года в этот день я как обычно подрабатывал на машине до поздней ночи и заработал приблизительно 250 руб., перевозя людей и в час ночи влез в постель. Еле заснул, вдруг в дверь постучали. В пижаме пошел к двери и спросил «Кто?». Голос, который был знаком, ответил: «Ваган, это я, открой дверь». Действительно, голос был товарища Агабабова³, председателя комитета нашего завода. Открыл и вдруг с удивлением заметил, что два

¹ Отдельные фрагменты в рукописи распознать не удалось (они даны в квадратных скобках).

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта 15 РГ-27.

² Имеется в виду 13 июня 1949 г.

³ В тексте В. Овивян по-разному пишет фамилию: Агабабов, Агабеков, Агабекян. Согласно материалам учетного дела, речь идет о Агабабяне Меликсете Мнацакановиче (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273. Л. 12).

русских вооруженных солдата, один чекист армянин и два человека в гражданской одежде, один из которых мой знакомый Агабабов, зашли внутрь. Чекист¹ подошел ко мне, обыскал, а после приказал сесть на стул и начал допрашивать. Когда я хотел встать, двое вооруженных русских мне не позволили. Мне стало понятно, что я арестован. Чекист мне объявил, что в доме будет обыск, заранее спросил, есть ли оружие, и я ответил, что нет. Последний начал подробный обыск, пока двое вооруженных людей меня обездвигили и два гражданских лица тихо наблюдали за происходящим. Этот обыск длился час. Из книжного шкафа взяли все те книги, которые им показались антисоветскими и ничего больше не нашли. Пока жена с ужасом наблюдала, когда кончится этот необычный визит, младший сын Зограб, которому было 13 лет, спал, а старшие сын и дочь, которым было первому 19 и второй – 17 лет, работали в ночную смену на заводе. Когда завершили обыск, чекист, повернувшись ко мне, спросил: «Это все члены семьи?» Я ответил: «Нет, сын и дочь работают в ночную смену на заводе [...]». Чекист сказал, чтобы их привели. Товарищ Агабабов, который, как я заметил, делал беспокойные движения, будучи недовольным происходящим, встал и сказал: «Я пойду и приведу их», и вышел. И действительно, через 15 минут испуганные дочка и сын вошли внутрь. Дочке показалось, что со мной случилось что-то страшное, раз их в 2 часа ночи вызвали домой. И когда они пришли и увидели меня живым и здоровым, но в присутствии вооруженных русских, с ужасом бросились на шею и начали [...] задавать вопросы: «Что хотят эти вооруженные люди от нас в этот поздний час?» «Не плачь дочка, – ответил я, я тоже был взволнован и в горле стояли слезы, – эти люди пришли, чтоб швырнуть нам в лицо наш патриотизм». При этих словах чекист, наверное, тоже растрогался, видя трагическое зрелище, как целая безвинная семья, обнявшись, плачет от отчаяния, переживая ужасные минуты.

– Вы думаете, у нас нет совести?

– Не знаю, какая у вас совесть, – ответил я. – Во всяком случае вы создали эту атмосферу. Это не просто бесчеловечно, это жестоко.

Он нам официально объявил, что наше заботливое советское правительство решило, что мы должны отправиться жить в Россию. Но я возразил, что мы приехали из Франции, чтобы жить в Армении, и у нас нет недовольства жизнью в Армении.

– Не знаю, гражданин, – ответил чекист, – мне приказали с помощью двух солдат с этой минуты отвезти вас на вокзал, где вас ждет специальный поезд, на котором вы поедете в Россию.

Мы окаменели от отчаяния и не знали, что сказать, но собрав все силы, я смог задать вопрос, в то время как мои жена и дети обнявшись плакали.

– Вы делаете все это без суда и следствия?

– Это не мое дело, гражданин, я должен сделать то, что мне приказано. Не будем терять времени, соберите ваши постель и одежду. Брать с собой сундуки и домашнюю утварь не запрещено.

¹ Капитан Тер-Багдасарян, в/ч 62060 (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2273. Л. 12).

И у нас не хватало смелости [...] видя, что мы от всего отказываемся, приказал солдатам собрать всю одежду и постель и, действительно, они все связали в узлы. До той поры тихо наблюдавший за нами Агабеков, подойдя ко мне, очень взволновано, никогда не сомневаюсь в его искренности, сказал: «Ваган, не бойся, ничего такого нет, все равно, где ты, здесь или в России», и повернувшись к солдатам, приказал, чтобы швейную машинку и все, что у нас есть, мы взяли с собой. Чекист возразил, что кроме одежды и постели ничего не разрешено.

«Ничего, я отвечу центральному комитету, пусть берут все, что нужно», – и солдаты все наши узлы взяли и вынесли на улицу, где ждала грузовая машина со своим шофером. Все начали грузить, а я уже довольно спокойно начал обдумывать, что бы еще могло мне пригодиться. Собрал те книги, которые не конфисковали и другие мелкие предметы, малоценные, но важные. В этот момент в руки мне попал мой пистолет, готовый к стрельбе (наверное заряженный – прим. переводчика). «Не убить ли как собак вот этих, кто пришел забрать мое имущество, будучи уверенными в моей безоружности, или положить пистолет в карман и занести внутрь?». Эта мысль мелькнула и мгновенно пропала, но логика подсказала, что это еще больше усложнит мое положение, так как солдаты, которые вышли грузить мое имущество в машину, сейчас вернутся. Толкнув пистолет обратно в тайник, я незаметно убрал руку.

Все мои соседи, такие же репатрианты, как и я, слышали [что происходит] и, стоя за своими дверями, были свидетелями нашей трагедии, с ужасом наблюдая из полуоткрытых дверей за нашими передвижениями. Но заметив это, чекист заорал: «Закройте ваши двери, если не хотите удостоиться их участи». Полуоткрытые двери темных комнат немедленно захлопнулись и мы вышли из нашей квартиры. Нашу дверь опечатали, и во дворе тов. Агабабов, повернувшись ко мне, взял в свои ладони мою руку и крепко сжав сказал: «Ваган, иди, не бойся, ты не один, таких, как ты, тысячи. Только скажи мне, кто у тебя есть из родных в Ереване, кому я могу отдать твоё имущество». Я попросил мое имущество отдать сыну сестры матери – Погосу Арапяну, и дал адрес. Впоследствии я узнал, что действительно через 2 дня Агабабов все мои вещи отдал Погосу.

Нас погрузили в кузов машины под наблюдением двух солдат, а чекист сел около водителя. Агабабов и другие не присоединились к нам, наверное, их миссия окончилась. Мы направились в южную часть Еревана. Мы думали, нас везут на вокзал, но удивились, когда проехали вокзал и направились в сторону Араратской долины. Едва вышли за город, увидели, что со всех сторон к нам присоединяются другие грузовики, груженные такими же ссыльными, как и мы. Так что, когда доехали до с. Нор Кянк¹, которое находится едва в 6 км от города, уже были десятки машин и чем дальше шла дорога, тем больше становилось машин. Когда доехали до станции Улуханлу, машин стало тысячи. Уже рассвело, машины не могли двигаться

¹ с. Нор Кянк – тут скорее всего ошибка, так как это село находится дальше станции Улуханлу.

вперед. Станция была загромождена. Каждая машина по очереди подходила к специальному поезду, выгружала свою людскую ношу и уезжала, а в вагоны нас размещали приблизительно по 25–30 человек и плотно закрывали двери, оставив только верхнее маленькое окошко, которое обычно предназначено для животных, чтобы дышали. Мы ждали нашей очереди, чтобы стоящие впереди нас машины разгрузились и наша машина смогла подойти к товарному вагону. Справа и слева было полно машин, очередности не было, так как мы находились не на дороге, а в поле. Каждый шофер ждал, чтобы как можно скорее выгрузить свой нежеланный груз и покинуть эту трагическую атмосферу, так как плач и крики женщин и детей поднимались в небо. Когда закончилась погрузка людей в вагоны и начали закрывать двери, одна молодая женщина во весь голос закричала: «Бессовестные (безжалостные – то же слово – прим. переводчика), безбожники, придет и ваш черед, и вы понесете заслуженное наказание. В чем вина этого народа? В чем мы виноваты, что вы перед нашим лицом как гроб закрываете двери этих вагонов?»

Любая попытка побега была обречена на неудачу, так как повсюду вокруг станции Улуханлу были сосредоточены бесчисленные военные силы с множеством пулеметов¹ и над нами постоянно кружили два самолета-разведчика для задержания возможных перебежчиков, ускользнувших от внимания окруживших нас солдат. А на открытом наблюдательном пункте вокзала стоял змеинное отродье (змееныш) Корхмазян, председатель ЧК, родом из Вана, который был организатором этой ссылки. Окруженный своими спутниками и соучастниками, наблюдая с биноклем в руке, он отдавал по радио указания и надзирал над печальной погрузкой людей. Избегая гнева ереванцев, нас нарочно не повезли на станцию в Ереване, а повезли на станцию Улуханлу, которая была обособлена (изолирована) в Араратской долине. Здесь были все условия, чтобы окружить (оцепить) ссыльных и закрыть возможные пути для побега. Но утром Ереван проснулся, и вместе с ночным мраком рассеялись также ночные страхи и опасения и, воодушевляя друг друга, они нашли в себе силы пойти разузнать о положении (состоянии) своих любимых (близких). Сначала пошли на станцию в Ереване, но не нашли своих родных. Узнав, где место погрузки, тысячи ереванцев устремились в сторону Улуханлу. Мы еще не подошли к выделенному для нас вагону, когда до нас донесся шум переполоха и голоса людей. Тотчас наши охранники подняли свое оружие на плечо и, окружив нас, были готовы открыть огонь. Корхмазян со своей высоты на русском отдавал разные приказы, и какие-то военные части устремились в сторону Еревана. Но нам было неизвестно, что происходит, так как нас оглушили плач и крики тысяч женщин и детей. Лишь много дней спустя мы узнали, что сотни женщин из Еревана пришли в Улуханлу утешить своих любимых и в то же время принесли еду, но вооруженные солдаты оттеснили их назад, угрожая стрельбой, если

¹ Չվառար – дословно пулемет, но скорее всего автор имеет в виду винтовки или автоматы.

они осмелятся прорвать оцепление. Они бессильно с плачем [...] и насильно отброшены в сторону Еревана.

Везший нас шофер был молодым сирийским армянином. Он плакал и говорил нам: «Я привез вас сюда, а где осталась моя семья?» В этот день никого из шоферов, перевозивших ссыльных, не предупредили, что они перевозят людей в ссылку. Просто все машины в Ереване по приказу ЧК участвовали в военной мобилизации и получили приказ: в такой-то час каждая машина должна быть в таком-то месте, готовая ехать, куда прикажут. Именно по этой причине и видя такое множество народа, шофера думали, что как минимум половина Еревана находится в Улуханлу в положении ссыльных, и понятно, что каждый шофер смотрел вокруг, нет ли его семьи среди ссыльных. Около нас стоял шофер, египетский армянин, который со вчерашнего дня был мобилизован со своей машиной. Ночью его семью тоже забрали. Случайно увидев жену и детей, он бросил свою машину и с плачем присоединился к ним, они уже поднимались в вагон. У него не возникло никаких осложнений, так как в семейном списке ссыльных было и его имя. Лишь он один со слезами радости встретился со своей молодой женой и тремя малолетними детьми, а за руль машины сел один из солдат.

И наконец около полудня подошла наша очередь. В последний раз произведя обыск, нас посадили в предназначенные вагоны и плотно закрыли двери. В вагонах было сделано два этажа, для того чтобы можно было лежать. Так на половине высоты вагона из досок были сделаны тахты, чтобы часть заняла места внизу, а другая часть на тахте, наверху. И я со своими остался на нижней полке. Наше положение было невыносимым. Палящие лучи солнца так нагрели железную крышу нашего вагона, что мы с трудом дышали в этом жарком воздухе. К счастью, мы могли по очереди подходить к маленькому окошку и дышать, но даже это не спасало, так как снаружи тоже было невыносимо жарко и вспотевшая от жары мокрая одежда прилипла к нашей коже. В какой-то момент, подойдя к окошку, я довел до сведения одного из армянских чекистов, случайно проходящих мимо нашего вагона, что мы прямо гибнем, откройте хотя бы двери, чтоб могли дышать.

– Ничего, – ответил чекист, – скоро так освежитесь, что вам [...] этот жаркий вагон.

– Но мы сейчас просто умираем, – снова повторил я.

– Мы же вас поместили в эти вагоны не для того, чтоб вы спокойно жили, дашнакские выродки, чтоб вы сдохли как собаки.

Из окна впереди стоящего вагона молодая женщина, которая также подошла подышать, закричала в лицо чиновнику: «Будь проклята та мать, что родила такого как ты змееныша, сын шлюхи (это дословно – *прим. переводчика*)». При этих словах чиновник двинулся в сторону женщины. И тогда еще сидящие в машинах ссыльные начали кричать: «Безжалостные палачи, что вы от нас хотите». Чиновник растерянно попятился назад и исчез в толпе военных. Мы сидели в вагонах, а снаружи продолжалась погрузка ссыльных. Тысячи машин привозили все новых и новых ссыльных из разных районов Армении. Заполнялся один эшелон, за ним следовал другой, так что погруз-

ка ссыльных продлилась до часу дня 13¹ июня. Мы, уже с полудня устроившись в нашем вагоне, не знали что происходит снаружи, но до полуночи до нас доносились слезные и гневные крики и плач женщин и детей.

В 6 часов утра наш поезд тронулся, но в каком направлении, мы узнали не сразу. В нашем вагоне было 27 человек и мы постепенно познакомились друг с другом. Семья Карапета Барсеяна² из 8 человек. Он неграмотный репатриант из Алеппо, который там был попечителем в Национальной школе, его брат Апет³ тоже был попечителем. Благочестивый человек⁴, из Греции со своей женой и полуграмотной 17-летней дочкой, он был дьячок, участвовавший в богослужениях в церкви. Из деревни Мгуб, расположенной около Еревана, Левон Татевосян⁵ с женой и 14-летним сыном. Левон был военнопленным и бывшим председателем колхоза. Полуграмотный бывший чекист Ваган⁶, фамилию которого не помню, с женой. Двое их несовершеннолетних детей этой ночью были в Ленинакане, у бабушки, и остались там. Один пожилой преподаватель – Григор Макарович Нерсесян⁷, в прошлом студент духовной семинарии, преподаватель в Ереванском университете, без семьи. И трое молодых студентов – Рубен, Чато⁸ (этот последний курд) и одна приблизительно 20-летняя студентка. Их троих привезли из общежития университета и присоединили к ссыльным. Эти двое студентов очень помогли нам в течение нашего долгого путешествия, так как на каждой станции, где останавливался поезд, они смело, используя все возможности, снабжали нас водой и продуктами. Особенно Чатто, студент второго курса гуманитарных наук университета, хорошо знающий армянский. А Наргиз⁹, эта несча-

¹ Имеется в виду 14 июня 1949 г.

² Барсеян Карапет Арутюнович 1889 г.р. Прибыл из Сирии в 1946 г. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Азнив Саркисовна 1906 г.р.; сын Арутюн 1924 г.р.; дочь Мария 1931 г.р.; сын Саркис 1935 г.р.; Паркев 1940 г.р.; сын Акоп 1942 г.р.; сын Карпис 1946 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 866).

³ Барсеян Апет Арутюнович 1892 г.р. Прибыл из Сирии в 1946 г. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Мариам Мисаковна 1908 г.р.; дочь Сирун 1934 г.р.; сын Арутюн 1935 г.р.; сын Варткес 1941 г.р.; дочь Сирарпи 1946 г.р.; дочь Гаяне 1949 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 942).

⁴ Речь идет о Багреджяне Минасе Седраковиче 1890 г.р. Прибыл из Греции в 1947 г. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Егисапет Саркисовна 1900 г.р.; дочь Рипсиме 1933 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2219).

⁵ Татевосян Левон Аршакович 1909 г.р. Высланы из с. Мгуб Котайкского р-на. Состав семьи: жена Лиан Мисаковна 1919 г.р.; сын Мушег 1939 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2142).

⁶ Хачатрян Ваган Хачатурович 1912 г.р. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Роза Левонновна 1914 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1918).

⁷ Нерсесян Григорий Макарович 1894 г.р. Выслан из Еревана (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 961).

⁸ Слюян Чато Насибович 1926 г.р. Выслан из Еревана. Семья выслана из с. Алагез Апаранского р-на. Состав семьи: отец Мамоян Насиб Словеч 1892 г.р. (глава семьи); мать Басе Аджоевна 1888 г.р.; сестра Чале 1930 г.р.; брат Лато 1933 г.р.; брат Слюян Хдр 1927 г.р.; невестка Мамоян Кулалк-Гюлизар Балиевна 1929 г.р.; племянник Жора Хдрович 1946 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1360).

⁹ Даниелян Наргиз Аветисовна 1926 г.р. Выслана из Еревана. Семья выслана из с. Старый Башкенд Красносельского р-на. Состав семьи: отец Аветис Саакович 1896 г.р., глава семьи; мать Вардануш Мануковна 1894 г.р.; брат Саак 1928 г.р.; брат Агабек 1931 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 416).

стная армянка, похожая на белоснежного ягненка, оторванная от своих матери и отца, съездившись в одном углу, все время плакала. Моя жена, видя отчаявшееся состояние бедной девочки, взяла Наргиз под свою опеку. Она нам слезно рассказывала о своих отце и матери, о своем обрученном – где они остались, куда пропали, вероятно, они тоже сосланы, но в каком направлении, где их искать и какими способами? Мы утешили ее как смогли, хотя сами нуждались в утешении. Но у нас было одно преимущество – мы были вместе с семьей. Бедная девочка была в таком отчаянном положении, что я велел, вопреки ее мольбам, не пускать ее к дверям вагона, так как чувствовал, что она может кинуться под колеса поезда. Она, видя мою озабоченность, задала мне вопрос: «Дядя Ваган, ты хочешь, чтобы я жила, но для чего? Для страдания? Это мне не нужно». Жена моя возразила и сказала: «До восхода солнца чего только не может взойти». Мы кое-как утешали несчастную девушку, и иногда, улыбаясь сквозь слезы, она говорила: «Неужели я увижу своего суженого, моих отца и мать, маленькую сестренку, обниму их снова?»

Двери наших вагонов были закрыты в первые 4 дня нашего путешествия. Справа от нас, где проходили турецкая и иранская границы, даже щели в досках вагона были замазаны черной смолой, чтобы мы не видели и не кричали в сторону турецких или иранских пограничников, так как железная дорога Ереван–Баку проходила рядом с турецкой и иранской границей почти до Алали (Азербайджан). Только верхнее окно слева, которое было открыто, смотрело вовнутрь страны. Мы могли смотреть наружу, но не имели права высовывать голову, так как в обоих концах вагона стояла вооруженная охрана, которая даже имела право стрелять. Пока наш поезд мчался, мы были в «неудобном» (неловком, неприличном – *прим. переводчика*) положении. Для справления естественной нужды у нас не было не только удобств, но и возможности. Мы справляли нужду в бумаги и выбрасывали в окно, при этом отравляя тот минимальный воздух, которым дышали в вагоне. Мы проехали станции Арташат, Ширазлу, Авшар, Арарат, Армаш. Наш поезд нигде не остановился. Мы остановились, только когда доехали до станции Норашен (Азербайджан). Двери нашего вагона открылись для того, чтобы мы справили нашу нужду, но нам приказали не отходить дальше 10 метров от полотна. Для выполнения этого приказа вооруженные пулеметами (винтовками) войска заняли позицию перед нами. Женщины, дети, невестки и девочки вынужденно, забыв элементарный стыд, поднимали свои юбки и справляли нужду, не обращая внимания ни на нас, ни на азербайджанских турок, которые были служителями на вокзале. Они с ненасытным вожделением и смехом смотрели на извивающихся от стыда полуголых армянок, вынужденных выставлять на вид свой голый зад. И наши армянские охранники с кнутами в руках торопили их, чтобы быстрее загрузить в вагоны.

И там я заметил, что в обоих концах каждого вагона русские охранники связаны телефонной связью с армянскими начальниками нашего эшелона, находящимися в первом вагоне. Очень четко были видны телефонные провода, которые все тянулись с крыши каждого вагона в сторону первого.

Наша вторая остановка была в городе Нахичевань, где открыли двери вагонов и снова устроили представление для азербайджанских турок, такое же позорное и постыдное зрелище. Проехав Джулфу и Ордубад, мы вновь заехали на армянскую землю – в Мегри, затем после станции Швани Дзор снова в Азербайджан, затем направились в Баку. До Баку нас ничем не снабжали. Мы удовлетворились тем, что имели или не имели. У меня было два хлеба, взятых из Еревана. Часть я отдал председателю колхоза – Левону, который убедил меня, что им нечего есть, остальную часть съели мы. Наша подзащитная Наргиз всегда отказывалась, хотя уже больше двух дней ничего не ела. Только на третий день, в Баку, нам объявили, чтобы мы пошли и получили выделенные для ссыльных продукты. Таким образом начиная с третьего дня и до конца пути мы получали 500 грамм хлеба, соленую рыбу и какие-то непригодные продукты. Наш поезд шел по восточному берегу Каспийского моря в сторону Сталинграда. На 6-й день мы доехали до Махачкалы, столицы Дагестана на берегу Каспийского моря. Но мы ничего не увидели, так как все время находились под присмотром, а море не видели потому, что правая сторона вагона была закрыта. Только из маленьких незаметных щелей еле виднелось море. После Дагестана надзор несколько ослаб и на каждой остановке нам разрешали покупать еду в привокзальных буфетах. Продавцам было строго запрещено продавать нам алкогольные напитки. Хотя двери наших вагонов в пути закрывали, но Чато, наш молодой курдский студент, открывал их и мы дышали чистым воздухом Дагестана, ну а справление естественной нужды осталось тем же самым до конца пути. В последующие дни мы уже частично смирились со своим положением и наша трагедия превратилась в трагикомедию. Каждый раз, при торможении поезда, в вагоне те, кто сидел наверху, падали на тех, кто внизу. К счастью, вся наша постель была внизу и падающий не получал травм, и все заканчивалось смехом. И наконец, на 8-й день мы добрались до Астрахани, в страну казахов¹ с населением 200 тысяч человек. Здесь Волга соединяется с Каспийским морем, это родина шуб. Мы только услышали название и увидели станцию. Ваган Хачатрян, бывший чекист, хорошо знающий русский, нам рассказывал, сколько караванов ссыльных он лично сопровождал по этой дороге, и что когда доедем до Сталинграда, он нам точно скажет, в какую часть Сибири нас везут. Его единственной виной был плен, за что его и сослали с нами. Он непрерывно ругал советскую власть. Левон Татевосян, наш бывший полуграмотный председатель колхоза, качая головой, говорил: «Подумать только, в свое время чекисты, когда приходили в Мгуб, чтобы кого-то сослать, обращались ко мне – кто в деревне контрреволюционер, а сейчас времена поменялись и я сам стал ссыльным». Он мне рассказывал, что ничего контрреволюционного никогда не совершал, только был военнопленным во Франции. Я в шутку ему сказал: «Разве это не ты в Берлине присоединился к армии Дро и вошел в армянскую освободительную группу и с триколором на

¹ Коренное население Астраханской области.

рукаве распевал дашнакские песни на улицах Берлина?» Опешив, он посмотрел на меня и сказал: «Откуда ты все это знаешь?» Я ему сказал то, что, по всей вероятности, могло бы произойти. И также рассказал то, что произошло в 1937 году [...] и его печальную роль в качестве председателя колхоза. «Ну, ты знаешь всю мою историю, как будто всю жизнь прожил рядом со мной. Ты рассказываешь такое, о чем не знает даже моя жена». В этот момент вагоны так сильно столкнулись, что мацони из кувшина, припрятанного наверху (а он нас уверял, что у него нет никакой еды с самого Еревана и мы первые три дня делились с ним хлебом) вылился ему на голову и наш бывший председатель колхоза с ног до головы вымазался мацони. Жена Лиан, увидев это, вскочила на ноги и какой-то тряпкой попыталась почистить мужа. «Дура, что ты делаешь? Зачем портишь мацони? Возьми поварешку, собери в посуду, потом съедим». «Уф, чтоб ты провалился, на себя посмотри, а он мацони жалеет» – Лена, говоря это, с мужа [...] начала счищать мацони под наш общий хохот. И я спросил Левона: «Кое-кто говорил, что ему нечего есть. Так откуда упал тебе на голову этот горшок с мацони?» «Слушай, я спрятал его на черный день, может будет тяжелее, чем сейчас, кто знает».

– Ну, Карапет ага, тебя за что сослали? – спросил я нашего репатрианта из Алеппо.

– Не знаю, – ответил он, – только одно у меня подозрение. Когда я собирался приехать в Армению, в комиссии по репатриации мне сказали, что я должен отречься от партии дашнакцутюн. А я ответил, что не понимаю, что такое дашнак-гнчак, и никогда не был дашнаком.

– Но ты попечитель в дашнакской школе, – сказали мне.

– Я только от вас узнал, что она дашнакская, – ответил я.

– Да, да, это дашнакская школа, ты отрекись и мы пошлем тебя в Армению.

А я ответил: «Делайте что хотите, только бы я со своими детьми поехал в Армению». Через два дня мне принесли бумагу, где было написано: «Я такой-то, видя, что Дашнакцутюн себя исчерпала, отрекаюсь от партии и переезжаю в Армению». Мой сосед, который был дашнаком [...] заметил: «Карапет ага, когда это ты был дашнаком, что сейчас отрекаешься?» Я сказал, что никогда дашнаком не был, но для того, чтобы поехать в Армению, надо подписать вот эту бумагу, что тут такого. Откуда я знал, что наступит день, когда эта беда свалится мне на голову.

В нашем вагоне был священник. Это была его третья ссылка. Жизнь всего советского народа, и в частности армянского, была настоящей комедией, но трагикомедией. Этот неграмотный поп был не только полуграмотным, но и в прямом смысле слова глупцом (*идиотом* – прим. переводчика). Его звали отец Егише Варданян¹. В 1930 году, согласно его рассказу, в одной из деревень Эчмиадзина, где он родился и вырос, его отец был в плохих отноше-

¹ Варданян Тер-Егише Князевич 1902 г.р. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Евгения Овсеповна 1904 г.р.; сын Ишхан 1928 г.р.; дочь Арусяк 1928 г.р.; сын Ашот 1936 г.р.; сын Геворк 1939 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2678).

ях с местным священником и в конце концов им удалось от него избавиться. При содействии местной компартии священником стал полуграмотный Египше. Было время, когда благодаря компартии некогда бедная семья стала зажиточной, но продлилось это недолго. Спустя 4 года вот эта самая компартия сменилась другой и наш священник был причислен к религиозному классу (сословию) и сослан в Астрахань. Через 5 лет он вернулся в Армению и так постоянно. Участь вечного ссыльного сделала его с женой и 4-мя детьми частью нашего ссыльного каравана.

Мы все рассказывали друг другу свои истории и уже сдружились. Только Григор Макарович Нерсесян ни с кем не разговаривал. Мы слышали его голос только когда наш поезд останавливался на какой-либо станции: «Чато, принеси мне чай». Нерсесян просил чай. Чато приносил ему горячую воду, так как даже в эти жаркие дни Нерсесян никогда не пил холодную. Мы все возненавидели его, решив, что он в нашем вагоне осведомитель. Это был довольно солидный человек. Он все время читал или был в печальных раздумьях. Меня очень интересовало, почему он с нами не разговаривает, но я не осмеливался его спросить. Как-то раз он подошел ко мне и спросил, из какого региона Франции я приехал. Я ответил – из Лиона, он промолчал. Я спросил: «Как по-твоему, за что тебя сослали?». «Не знаю, я задаю себе этот вопрос и не нахожу ответа». Он мне рассказал, что всегда был хорошим советским гражданином и педагогом. Когда устанавливали советские порядки, он учился в семинарии, а потом, получив высшее образование, был настоящим советским человеком. В конце концов он мне рассказал, что в Париже у него был шурина. Я спросил, как зовут шурина. «Хнкарян», – ответил он.

– Известный дашнак Хнкарян твой шурина и ты еще удивляешься, что тебя сослали? Твой шурина вместе с полководцем Дро организовали армянский легион, который, если бы Гитлер завоевал Кавказ, взял бы власть в Армении.

– Но я с ним никогда не переписывался, и разве я виноват, что мой шурина, которого я 30 лет не видел, совершает такие поступки, о которых я узнаю только что, от тебя.

– Ты лучше меня знаешь советские порядки, – ответил я, – дед поел кислого, зубы ноют у внука. А у тебя нет семьи, тебя одного сослали?

Он ответил не сразу. Я только увидел, как по его щекам потекли слезы. Вытерев слезы платком, он мне рассказал свою историю, еще печальнее, чем наша.

– Вы вчера рассказывали, что Арарат Гарибян тоже сослан. Арарат мой свояк. Мы с ним в одном доме жили, каждый на своем этаже. Он не сослан, сослан только я. В Советской Армении всегда бывали ссылки, и каждый гражданин мог быть сослан. Много раз мы в семье тайно разговаривали о ссылке – вдруг и нас заберут. И каждый раз моя жена говорила, что если такое случится, она себя отравит, но в Сибирь не поедет. 12 июня¹ ночью нас, как и вас, пришли забрать. Когда нам объявили, что по приказу ЧК нас высылают, я так растерялся, что не понимал, что происходит вокруг меня.

¹ 13 июня.

Когда обыск закончился, я обратился к жене и сказал: «Ашхен, возьми нашу одежду и пойдем, это наша судьба». Жена вдруг мне ответила: «Бери то, что нужно тебе. Я не поеду, я останусь здесь». Как только я это услышал, с ужасом посмотрел на лицо жены, которое приобрело свинцово-синий оттенок, а губы – фиолетовый и тут же вспомнил ее угрозы: «если такое случится, я себя отравлю, но им не удастся меня сослать».

– Неужели ты осуществила свою угрозу?

– Да, – ответила жена, – пока они проводили обыск, час назад я приняла яд и он уже действует, я чувствую свою смерть. Ты следуй за своей черной судьбой, а для меня скоро наступит конец моим мучениям.

Едва закончив говорить, она упала со стула. Наши палачи, растерявшись от этого зрелища, подняли ее и усадили в кресло. Она ничего не говорила, только корчилась от боли. Чекист тут же связался с председателем ЧК Корхмазяном, у нас дома был телефон, и подробно рассказал, что произошло с моей женой и что у нее уже предсмертные судороги. Спросил, что делать. Тот ответил, что жену – в больницу, а мужа – на вокзал. И несмотря на мою настоятельную мольбу меня засунули сюда, а жену увезли в больницу. И сейчас мне неизвестно, что с моей женой.

Его последние слова захлебнулись в слезах. Нам после его грустной истории стало совестно, что мы принимали его молчание за темные мысли. Мы стали его утешать, что жена твоя спаслась и скоро у вас будет возможность встретиться. Но его ничего не убеждало. Наш поезд уже доехал и остановился в Сталинграде, и несчастный Нерсисян по привычке, еле слышным подавленным голосом, смог сказать: «Чато, принеси мне чаю». На этот раз самоотверженный Чато с еще большим рвением побежал за чаем для нашего бедного Нерсисяна, которого с тех пор мы окружили заботой и вниманием.

Сталинград. Всех интересовал этот город, так как здесь в 1942 году были такие большие сражения с гитлеровскими захватчиками. Но мы не увидели город, так как наши поезда обычно останавливались на грузовых станциях, часто в 5–6 километрах от города, как это произошло в Баку. Мы увидели лишь станцию Сталинград, где были бараки из досок и руины разрушенных зданий. Следы войны были еще свежими. Мы получили наш ежедневный паек и на станции в киосках сделали покупки, хотя покупать было особенно нечего. Можно было найти только лимонад, белые булочки и сахар, хотя все очень дорогое, но для нас необходимое. Надзор над нами стал еще слабее. Мы могли бродить везде вокруг станции, но зачем нам это было надо? Для нас самым надежным убежищем стали наши вагоны-тюрьмы. После этого города наше направление было на Уральск, казахский город-крепость. Ваган Хачатрян, бывший чекист, а ныне, как и мы, ссыльный, нам объявил, что мы взяли направление в сторону Центральной Азии: «Где мы остановимся, не могу сказать». И действительно, на следующий день мы приехали в Уральск. На станции этого города с 120-тысячным населением мы увидели только грязных бородачей и столь же грязных людей с собаками, и нескольких женщин, которые были заняты тяжелой работой на железнодорожных путях. Следующей нашей

станцией стал Оренбург, прежний Чкалов¹, расположенный на реке Урал. Он располагался не в Казахстане, а в России. Следующая станция – Курган. После нее Петропавловск – снова Казахстан. После этого последнего города мы добрались в Томск. Мы уже были в Сибири и в Казахстан больше не заезжали. В Томске мы пробыли почти 4 часа. От нашего поезда отцепили 20 вагонов, которые остались в Томске, а остальные 60 вагонов продолжили путь, в направлении Кулунды, после чего мы больше не встречали больших городов, но останавливались в многочисленных маленьких райцентрах. С Томска начались сибирские болота. Нам сказали закрыть окна и двери вагонов, чтобы не залетали ядовитые насекомые. И действительно, сотни видов мух и мошкары залетали в наши открытые окна, но мы все время размахивали платками перед открытыми дверями, чтобы они не залетали. Каждые 50–60 километров разнообразности мух и мошкары менялись. Это все происходило, когда наш поезд проезжал через болотистую местность. [...] где было малочисленное население, комары были, но безвредные. Это длинное путешествие уже стало для нас своеобразной естественной жизнью. Наш председатель колхоза – Левон, нам рассказывал из колхозной жизни Мгуба [...] сколько человек было сослано из их деревни в 1937 году, и то, как он был преданным большевиком и спасение человечества видел лишь в этом режиме, и сегодняшнее его отчаяние, когда наступила его очередь быть сосланным. Нерсисян нам рассказывал о своих некогда процветающих днях в качестве преподавателя и с сожалением стонал, что пропал он и его педагогические опусы, которые останутся в типографии и их больше не напечатают. Ваган Хачатрян все время ругался «Чтоб я их...», а жена Роза плакала о детях, оставшихся в Армении. На одной неприметной станции, когда мы по привычке спускались справить нужду, одна 75-летняя старая женщина не смогла спуститься из вагона. Сын, Мнацакан Фаградян², который тоже был нашим попутчиком, сказал: «Ну старая, ты всю советскую армию напугала и Сталин, испугавшись тебя, расслабился и сослал нас. Как же ты теперь не можешь слезть из вагона?» И мы все рассмеялись и помогли старушке. На станции, как, впрочем, во всех общественных местах, висел большой портрет Сталина, предмет поклонения глупцов. Когда поезд должен был тронуться, Мнацакан, подняв руку, закричал ему: «Не бойся, успокойся, мы уезжаем, пусть твой кошмар рассеется». На 17-й день нашего путешествия мы добрались до станции Алтайск, что в 12 километрах от Барнаула. Надо отметить, что в те дни число ссыльных достигло 60 тысяч: из Грузии, Азербайджана, Карабаха, Краснодар, Нахичевана, со всех мест были собраны эшелоны ссыльных армян, ни одного грузина или азербайджанца не было. В пути поезда постоянно пересекались. Иногда мы шли впереди, иногда другие. Так мы и не смогли проверить, сколько было эшелонов, но, по всей вероятности, число их достигало 20, 30. На станции Алтайск наш поезд остановил-

¹ Оренбург в 1938–1957 гг. назывался Чкалов.

² Фаградян Мнацакан Григорьевич 1900 г.р. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Вартуш Багратовна 1903 г.р.; дочь Тамара 1930 г.р.; сын Норик 1939 г.р.; мать Нигяр Арутюновна 1872 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 2325).

ся и всех нас, ссыльных, спустили в открытое поле. Это мне напомнило 1915 год, когда турки заставляли нас ночевать вдали от населенных пунктов в открытой степи, чтобы ночью, когда окрестные турки, набросившись, резали нас, потом трупный смрад не доходил бы до их деревень. Стало быть, мы разместились около железнодорожного полотна в открытом поле. Наши палачи в окружении вооруженных солдат подошли к нам, и среди всех русских один армянский офицер сказал нам следующее:

«Граждане, вы сегодня находитесь в Алтайском крае, который является одним из самых плодородных в Советском Союзе. Наше заботливое правительство привезло вас сюда, чтобы вы стали гражданами этого края. Вы свободные граждане, ничем не отличающиеся от местных, вы даже не лишены права голоса. Сейчас мы вас распределим и отправим в разные районы работать в колхозах, совхозах, леспромхозах. Вы здесь не временно и [...]. Как жители этого края вы до конца жизни проживете здесь. Если кто-либо из вас попытается убежать, то будет осужден на 25 лет тюрьмы».

Ваган Хачатрян, попросив слова, сказал: «Товарищ майор, значит выгоднее бежать, так как за это получишь 25 лет, в то время как не бежать – это пожизненно». «Да, – ответил майор, – но по истечении 25 лет вы все равно вернетесь сюда и будете похоронены здесь», – и закончил. Мы 3 часа провели в поле, на зеленой траве. День был приятным, природа живописной, а наши сердца – черными и кровавыми. В сумерки мы заняли наши места в вагонах. 25 вагонов отцепили от нашего поезда и они остались там, а остальные взяли новое направление, вглубь Сибири, на север. Всю ночь до рассвета мы ехали. Когда рассвело, наш поезд остановился в лесу. Это нас и обрадовало и ужаснуло. Обрадовало потому, что начиная с Урала были сплошные болота и очень мало деревьев, а сейчас был лес приятный и прохладный. А ужасало то, что не было людей и нам казалось, что мы прибыли на родину призраков. До вечера мы не увидели ни одного человека. В сумерках вдруг у путей из леса вышел бородастый человек, похожий на Деда Мороза. Мы испугались этого человека. Нам казалось, что это призраки леса выходят из-за деревьев. Вновь наступила ночь. Сколько я проспал, не знаю, только луч солнца коснулся глаз из открытого окна вагона. Впервые посмотрел на часы, было 1.30 утра. Я разбудил Вагана Хачатряна, который спал рядом, и спросил, который час. Он посмотрел и сказал 4.30, значит, мои часы не работают, раз показывают 1.30. Он посмотрел и сказал: «Нет, работают, ты, наверное, не поменял час, у тебя еще осталось ереванское время. Здесь Сибирь, товарищ Овивян, здесь не Ереван. Переведи стрелки на 4 часа вперед». Я так и сделал. В полдень мы доехали до Зари, до конца железнодорожного полотна, дальше уже железной дороги не было.

Наши русские охранники и их руководитель на станции Алтайск передали нас новому начальнику, который был русским. И в последние два дня нашего путешествия уже не было вооруженной охраны, был только один одетый в гражданское чекист, который был с нами до Зари. На этой последней станции нам приказали выйти из вагонов со своими вещами. В эти первые июльские дни солнце хоть и не было палящим, но было жарко, а так как станция находилась между двумя лесами, в середине довольно широкой сте-

пи, где не было деревьев, мы, спасаясь от солнца, забрались со своими вещами под вагоны. Из близлежащих деревень уже прибыли 20–30 грузовиков и ждали нас в открытом поле. От нас отделили часть людей, в их числе Чато, Рубена и Нерсесяна, погрузили в машины и, скорее всего, повезли в соседние колхозы. Нас также погрузили в открытые кузова машин и мы двинулись в путь. После заката солнца мы прибыли в Хмелевку. Мы ехали через поля, так как дороги для машин не было. Погода стояла сухая, и машина, ехавшая впереди нас, поднимала такую пыль, что мы задыхались, несмотря на то, что наш шофер сохранял дистанцию. Так что на полпути мы уже стали неузнаваемы друг для друга. Наша одежда, волосы, лицо все было в пыли, только глаза и зубы блестели. К тому же пошел дождь и дополнил картину. Получилась грязь. Хотя мы спрятались от дождя под одеялами, но были полностью в грязи. Когда начало темнеть, мы доехали до Хмелевки. Было около 170 семей. Нас поместили в деревянных зданиях деревенской школы и администрации. Уже многие друзья из нашего вагона были распределены в другие районы, а мы здесь нашли новых, которые хоть и были из нашего эшелона, но знакомились мы друг с другом только сейчас. На следующее утро от нас отделили и увезли еще 70 семей. Конечно, нам не говорили, куда везут. Многие из нас не знали языка. Жители Армении были знакомы с советскими порядками, с условиями работы, они могли выбирать и в силу этого настаивать, что хотят работать там-то или там-то и их голос был бы услышан. Но мы, не имеющие никакого опыта, были вынуждены ждать, чтобы нас повели как баранов на бойню. Среди нас были поэты, такие как Веспер, член союза писателей Армении и очень [...]. В основном остались репатрианты, около 100 семей. За 19 дней нашего путешествия я полностью истратил те 250 рублей, что имел, особенно в последние 3 дня, когда нам ничего не выдавали. И хотя в магазине продавались хлеб и другие продукты, у меня не было денег, чтобы купить. Здесь я познакомился с одним румынским армянином Андраником Мазманяном¹. У него было 3 килограмма хлеба, отсыревшего под вчерашним дождем. Он дал его мне, чтобы я поделился со своими родными. Это послужило поводом, чтобы Андраник мне рассказал свою историю о том, как был партизаном, какие совершал чудеса до прихода советской армии в Румынию. Закончил он свой рассказ руганью: «За мою службу меня удостоили сегодняшнего дня». Рядом с нами стоял местный (армянин из Армении – прим. переводчика), лет 55-и, и взяв слово, сказал: «[...] начиная с 1917-го до 1920-го я боролся против законной республики Армения, чтобы страна стала большевистской, чтобы мы жили лучше, одним словом, я был одним из тех, кто устанавливал этот режим. И сегодня я не только утянул вас в вырытую мной яму, но и сам сюда угодил». И разразился потоком брани. В этот день те, кто должен был уехать, уехали, а мы остались там же. 2-го июля в 9 часов утра мобилизовали все запряженные

¹ Мазманян Андраник Мкртычевич 1910 г.р. Прибыл из Румынии в 1946 г. Высланы из Еревана. Состав семьи: жена Сильва Ервандовна 1913 г.р.; сын Саркис 1939 г.р.; дочь Анаит 1938 г.р. (НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 4).

волами и лошадьми подводы из близлежащих колхозов и совхозов. Мы все устроились на телегах. Жена с дочкой и с постелью – на одной повозке, а я с двумя сыновьями – на другой и двинулись в путь в неизвестном направлении. До полудня ехали то [...], то через поля. В полдень доехали до какой-то деревни с бревенчатыми домами, здесь остановились на час. Еды у нас не было. Здесь у местных русских хоть и не было хлеба, но была картошка. Многие, у кого были деньги, купили. Я ничего не мог купить. Тогда я обменял одно из платьев жены на картошку. Нам дали достаточно картошки, мы на месте ее сварили, плотно поели и все, что осталось, взяли с собой. Через 2 часа мы выехали из деревни, которая, как потом выяснилось, называлась Комарчиха. Не прошло и часу, мы оказались в темном лесу, где еле пробивались солнечные лучи. Это была уже не прежняя пыльная дорога. Хотя мы двигались в том же направлении, но здесь было чисто и мы шли босиком, чтобы не устать. В лесу местами были болота, местами маленькие ручейки, надо было переходить через них. Никаких мостиков не было, но почва была мягкой, и мы не повредили свои ноги. Мы не имели права ехать, сидя на телеге, это разрешалось только старикам и несовершеннолетним детям. Однако моя дочь устала и не могла идти дальше. Я дал понять нашему извозчику, что моя дочь устала и чтобы ей разрешили сесть на телегу. «Нет, нет», – закричал этот 17-летний мальчишка и стегнул лошадь. Я быстро схватил коня за уздечку и велел Алис подняться на повозку. Извозчик подбежал и с руганью стянул за руку мою дочь. Кровь ударила мне в голову. Бросив уздечку, с толстой палкой в руке я устремился к нему. К счастью, увидев это, извозчик с ужасом убежал, оставив повозку нам, а я посадил Алис и мы продолжили путь. Я, конечно, знал, что мальчишка пошел жаловаться начальнику нашего каравана. Начальник был подобен турецкому жандарму, что повстречался мне в 1915 году, с одной лишь разницей – этот не получал приказа убивать нас, а турок мог и убить. И действительно, спустя некоторое время начальник пришел, чтобы с помощью переводчика понять, что произошло. Он что-то сказал извозчику и ушел. После этого мальчишка не пытался больше спустить Алис, но боялся подходить ко мне. Когда я шел с правой стороны повозки, он переходил налево. Иногда я шел рядом с повозкой жены, иногда рядом с сыновьями, следил, чтобы ничего не украли из наших вещей. Наступило 10 часов вечера, было еще светло, наш караван растянулся на 2 километра. Дорога была длинной и, наблюдая за бесконечным извилистым караваном в этом лесу, видя эти человеческие страдания – плач женщин, крики детей, измазанных грязью, я вспомнил 1915 год, печальные дни нашей резни, когда мы шли под кнутом турецких жандармов. Чем дальше мы шли, тем меньше нас становилось. Когда мы вышли из деревни Кемерек, нас было 15 человек, до Дер Зора¹ добрались мы с братом Хореном. Потом я остался один, выживший в этой резне.

{...}

¹ Имеется в виду пустыня, расположенная к востоку от города Дейр Эз-Зор, куда в 1915 г. были согнаны сотни тысяч армян.

* * *

Публикуется фрагмент из дневника Арпеник Александян «Сибирский дневник: 1949–1954 гг.», посвященный депортации тбилисских армян и этапированию в ссылку. Полный текст дневника (12 рукописных тетрадей) прокомментирован и издан в 2007 г.¹ еще при жизни А. Александян (1925–2013) ее сыном армянским историком и этнографом Арутюном Марутяном, при участии Эльзы-Баир Гучиновой в издательстве «Гитутюн» (Наука) как первый выпуск в серии «Этнография памяти».

Семья Арая Арамовича Александяна (1885 г.р.), в составе жены Ашхен Геворковны (1898 г.р.), дочерей Армик (1922 г.р.), Арпеник (1925 г.р.), Асик (1928 г.р.), Сильвы (1935 г.р.) 14 июня 1949 г. как бывшие «турецкоподданные» были высланы из Тбилиси. В архиве семьи сохранился документ, согласно которому 10 мая 1944 г. Ашхен Александян прошла перерегистрацию в ЗАГСе Тбилиси. Можно предположить, что таким образом НКВД Грузинской ССР провело учет бывших иностранных подданных. Отец Арпеник Арай приехал в Россию в Иркутск на заработки еще в 1912 г., его семье в 1915 г. удалось выехать из Вана в Ростов-на-Дону. По линии жены – семья Туршьян – беженцы из Вана 1915 г. Арай и Ашхен поженились в 1917 г. в Тифлисе, где в 1924 г. получили советское гражданство.

Ссылку отбывали в Нарыме – с. Высокий Яр Парбигский район Томской области. Ссылка оформлена решением Особого совещания при МГБ СССР от 22 февраля 1950 г. Семья освобождена со спецпоселения решением Верховного Суда СССР от 10 июля 1954 г.

Ведение дневника помогало преодолеть горечь и несправедливость ссылки. Об этом хорошо сказала сама Арпеник: «Пройдя ужасы неожиданной высылки из родного дома, города, ужасы тяжелейшей вагонной жизни, жестокого обращения конвоя, я решила все это описать. Ужасов в дороге было много: переполненные вагоны с маленькими форточками-окнами (просовывалась одна голова и все), кругом грязь, нехватка воздуха, плач детей, стоны стариков, смерть в вагонах, видели, как выносили трупы, а близких не подпускали к носилкам. Все увиденное и затем перенесенное мною и моими родителями, сестрами я решила записывать и так создала большой подробный дневник длиной в 5 лет 2 месяца. О дневнике в Сибири никому не говорила, т.к. эта весть тут же могла дойти до МГБ, МВД – стукачей хватало. После тяжелой работы вечерами при керосиновой лампе, свечах писала как могла. Я была уверена, что пройдет время, и кто-нибудь из моих близких и родных может быть сможет прочитать и узнать обо всех тяжелейших днях нашей семьи и армянского народа...».

¹ Александян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А.Т. Марутян. Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. 408 с. (Антропология памяти, 1).

Сибирский дневник

Тетрадь № 1

13.06.1949 г. Оказывается, этот день самый несчастный для меня, моей семьи и многих армян, азербайджанцев, греков, ассирийцев.

Утром, разодевшись в мое лучшее пестрое платье, в замшевых босоножках на пробках, с зеленой сумочкой и в черных солнечных очках, совершенно спокойная и веселая, я направилась к Седе Кишмишян заниматься по терапии. Ведь мой госэкзамен 17-го июня, надо было еще позаниматься.

День был жаркий. Позанимавшись, я, счастливая, вернулась домой, а дома уже волнения. Мама больная, но встала, у Асик и Армик испуганные лица: переживали, что днем заходил подозрительный человек, спрашивал уполномоченную. Расспросив мать уполномоченной¹, узнали, что как будто, в основном, спрашивал о греках, но, между прочим, спросил и о нас, сколько у нас выходов, кто непосредственно наши соседи и т.д.

Этот негодный работник был в штатском. Возвращаясь, он прошел мимо наших окон, иронически улыбнулся Асик, которая из окна разговаривала со своим сокурсником Ашотом.

Я узнала обо всем этом и вместе с ними начала опять переживать.

Ох, как надоели мне эти переживания, когда придет им конец!

В 7 часов пришел папа. Он сразу заметил волнение на наших лицах, разузнал причину и начал успокаивать, что по городу ходят слухи, будто выселяют греков и аджарцев, так что этот человек, вероятно, спрашивал про наших греков.

Пообедав, успокоились. Я пошла заниматься одна в маленькой комнате.

Было тихо, уютно заниматься при открытых окнах. Папа сидел вместе с Сие² на ступенях подъезда, потом пришел Рувин. Он, как всегда, сидел долго, говорил много.

Мы заметили какое-то волнение в городе. Что-то проезжало много грузовых машин по набережной. Я вышла к папе, и мы решили, что, возможно, эти машины уже едут в районы за выселением греков.

¹ Она была русская: старая, высокая, стройная старуха. Жила у дочери – уполномоченной Вали, которая тоже была высокой, стройной, болела астмой. Муж Вали армянин – Пичикян. Уполномоченной называли как бы помощника домуправа. Уполномоченная по дому имела мало прав, но могла принимать и отвечать представителям власти. Капитан МВД – армянин, был послан на разведку. Он должен был узнать, все ли члены семьи находятся дома, узнать, где наша квартира расположена, чтобы ночью попасть сразу куда нужно. Поэтому, увидев Асик, разговаривающую из окна с молодым человеком, он ехидно улыбнулся, мол, сегодня увидишь, что будет. Асик тут же поняла, что это был плохой человек.

² Сие – сосед по дому. Мы жили на Камо 33, а Сие – на Камо 35 – грузин, порядочный человек.

К 12 часам я подала им *геремаст*¹ и пошла в гастроном к Ванечке² за маслом. Возвращаясь, встретила Скляр³ и жену соседа Вартана, которая беспокоилась о запаздывании мужа. По возвращении я настаивала, чтобы убрали комплект кроватей⁴, я настояла на своем и убрали. До этого долго укачивала Алисочку на руках, как будто предчувствовала такое расставание. Я долго смотрела на нее, прижимала к себе, целовала.

Заснули к 12 часам 30 минутам с открытыми окнами.

Ровно в два часа ночи (уже 14.06) я проснулась от звуков остановившейся грузовой машины, и в тот же момент крепко постучались в окно. Мне сразу стало плохо, я бросилась к окну и, к несчастью, увидела работников МВД – сразу четырех.

Мы сразу подумали, что пришли за папой. Я побежала в среднюю комнату к папе и крикнула. Он, бледный, взволнованный, встал, подошли мы к окну, оттуда слышим: «Алексамян, откройте дверь!» Делать уже было нечего, надо было только открывать.

Папа еле натянул брюки, открыли двери, и к нам вошли те, которые принесли весть о нашем несчастье.

Вошел капитан МВД (армянин), солдат с автоматом и двое штатских.

Один из них, врач Кобулия – терапевт из Михайловской больницы, из первого терапевтического отделения. Увидев его, я подумала – вот негодяй, оказывается, кто он, а в больнице работает, как миленький врач, завтра же все будут знать, но я не знала, что завтра я не буду в городе, не буду уже свободной никогда в жизни.

Второй штатский с противнейшим, отталкивающим лицом, с приплюснутым носом, со шрамом на лице, с зелено-голубыми глазами, с хищническим взглядом. Оба грузины.

Я приняла их вежливо, закрывала за ними дверь, говорила, чтоб никто не вошел, а они успокаивали, что шофер там, не беспокойтесь.

Закрывает ставни, чтоб с улицы не было видно – думала, что, конечно, сейчас начнется обыск. Нам велели не двигаться. Капитан сел за стол со стороны пианино и просил говорить правду на задаваемые вопросы. Читал наши фамилии и записывал, у папы спрашивал, нет ли турецкого паспорта – никакого турецкого паспорта он не имел.

Меня записал как врача. Я ему сказала: «Между прочим, я ваша работница». На что он ответил, что очень приятно. Прочел и записал Асик. Сильвоч-

¹ Взбитое с водой кислое молоко (*ред.*).

² Продавец магазина рядом с домом.

³ Еврейка, соседка по дому, общительная, добрая женщина.

⁴ Мой отец работал заведующим цехом на заводе «Полады». Он имел патент (разрешение) на изготовление кроватей на дому. При наличии заказов он покупал соответствующий материал и после работы занимался изготовлением кроватей, что в значительной степени помогало в содержании большой семьи. Я помогала отцу при сборке кроватей, была его главным помощником. К нам иногда приходили проверяющие, и хотя у отца выполнение дома заказов имело законную основу, в этот день я решила на всякий случай убрать с глаз отдельные части кроватей.

ки не было в его списке. Он принял ее за гостью и когда узнал, что дочь, то тоже записал.

Папа сидел у стола, мама в своей кровати, я, Асик и Сильва на Сильвова-киной кровати. Я побледнела, от волнения дрыгалась нога, а я старалась все показать, что не дрожу, не волнуюсь и только сама себе двигаю ногами.

Мы с большим сожалением смотрели на папу, так как были уверены, что пришли арестовать папу, и мы месяцами его не увидим.

Солдат стоял у дверей в подъезд и, глупо улыбаясь, говорит нам: «Оденьтесь в самое хорошее».

Я ответила, что, по-моему, у нас вид приличный для ночи, мы в халатах и для них этого хватит.

Он, как дурак, продолжал смеяться и все говорил, чтоб оделись.

Его поддержали и остальные.

Я и Асик пошли в нашу маленькую комнату, надели платья в горошек (мое любимое платье). Тогда предложили надеть лучшие туфли. Вот еще, я им говорю, наверное у меня только эти простые босоножки. Пришлось надеть новые замшевые босоножки-танкетки на пробках; ведь только вчера я с папой купили на Сабуртало¹ у приезжего армянина. Этот противный штатский шарил глазами по комнатам, а мы думали, что сейчас весь дом перевернут вверх дном. Капитан встал и, предупреждая, чтоб не кричали, нам объявил для нас смертельный приговор – вы выселяетесь из города, как бывшие турецко-подданные. Вы имеете право взять с собой вещи до одной тонны и деньги до 100.000 руб. Дал нам полтора часа времени собраться, сам, бледный, начал нас торопить. Никто из нас не мог опомниться, понять этот удар.

Такой ужас, такое несчастье никто не мог представить. Я подумала, что это просто строят ловушку, хотят увидеть, что мы выносим и потом уже приступить к своему делу. Мы все начали кричать, что они сошли с ума. Папа требовал объяснения причины, но толковый ответ не последовал. Мама кричала, что она никуда не уйдет из своего дома и что пусть нас всех здесь же, в нашем доме, убьют. Но эти идиоты не имели на это права. Я всю начала ругать их, уже терпению пришел конец.

Я не боялась никого и ругала кого попало, и только это меня немного успокаивало. Они все торопили, что время отмечено, что напрасно мы кричим и мечемся, и это только во вред нам и решили помочь нам взяться за упаковку вещей. Боже мой, что за ужас, что за чувство, как можно расстаться с сестрой, с Алисой, с домом. Родилась я в этом доме и никогда не могла примириться с мыслью об обмене этой квартиры, этого покоя. Я смотрела вокруг и не знала, что же делать, за что братья. Пришлось в последний, наверное, раз открыть наш зеркальный шифоньер и вынуть все наши платья. На папу надели его новую сорочку и костюм. Бедный папа успел ее надеть

¹ Район Тбилиси, в котором расположен большой вещевого рынок.

лишь раз на творческий вечер Торгомяна¹. Все наши хорошие платья измяла и бросила в мешок. В доме не было ни одного чемодана. Вещей уйма, а деть их некуда. Вспомнили о *мафраше*². Вынесли всю постель, открыли сундуки, тахту. Они заставляли брать все, а я за это на них кричала, что на черта это мне: «это, подумаешь, я в ссылке буду носить?»

Мама почти без чувств лежала в столовой на нашем большом ковре и ничего не могла сделать. Я начала просить разрешения вызвать сестру, попроситься с ней в последний раз и навсегда. Совет троих решил не отпускать, каждый боялся другого. Когда я и все остальные говорили, что они не дадут нам увидеться с ней и с племянницей, то капитан говорил, что мы надоели с этой дочкой и надо было бы ее тоже выселить с нами, чтобы мы молчали. От такого дурака можно было ожидать всего. Я кричала и на Кобулия, а он мне говорит, почему это я говорю с ним таким ироническим тоном, «ведь я этого не хотел». Я просила его ироническим тоном передать сердечный привет медицинскому институту, профессорам Эристави и Калантаровой. Этим я хотела дать знать, что я – их студентка. Он сказал, что меня помнит по клинике. Когда я подошла к книжному шкафу, он все советовал брать побольше медицинских книг, ничего не оставлять. Заставил взять библиотечные «Терапии» Зеленина и Мясникова, выписанные Алоевой Ев.[генией] и Атовой Ги³.

Взяла шприц (20 гр.), стетоскоп, фонендоскоп, свою и Асикину сберкнижки.

Капитан тихо подозвал меня и разрешил незаметно выйти со двора к сестре. Я, как бешеная, выбежала. Подбежав к Армикиному окну, я долго умоляющим голосом просила ее проснуться, открыть дверь и кричала: «нас выселяют, открой же!»

Несчастливая сестра сквозь сон меня не признавала, все говорила: «Кто же ты, зачем пришла, у меня нет сестры Арфик». Я уже не знала, что мне делать.

Наконец, она чуть опомнилась и открыла. Я прямо подбежала к ее шифоньерке, где лежали наши вещи. Она никак не могла понять, что нас выселяют, ей стало плохо, а я все торопила не терять ни минуты и с Алисой бежать к нам прощаться. Я оставила ей свое бриллиантовое кольцо, которое очень любила, сказала, что она может продать на хлеб для Алисы и выбежала одна, а у ворот Сильва стояла с патрулем – «Арфик, скорей!». Соседка Армик Марго Папунова выглянула и спрашивала, что же случилось, я успела крикнуть, что нас высылают. Оказывается, после моего ухода, этот капи-

¹ Известный армянский писатель Церун Торгомян (1896–1986), родом из г. Ван (Западная Армения), заслуженный деятель культуры Армении, жил в Тбилиси. Автор ряда романов, сборников рассказов и повестей (*ред.*).

² Карпетные/ковровые сумки для перевозки вещей (*ред.*).

³ Обе – мои однокурсницы, но имени последней не помню. Библиотечные книги были выписаны на их имя, поэтому я не хотела брать их с собой.

танчик побоялся за свою шкуру и объявил остальным, что одна сбежала. Быстро послал патруль на поиски с приказом – если побежит, стреляй. Услышав это, наши сказали, что она напротив у сестры. Сильва вышла вместе с ним и потому таким голосом звала меня.

Прибежала Армик, худенькая, бледная, с ребенком на руках, почти без чувств. Опиралась о пианино и не могла очнуться от такого ужаса. Все это заняло мало времени. Нас все торопили. До этого заезжал русский офицер, узнавал все ли проходит тихо, без сопротивления. Армик кричала, что дело так не оставит, сегодня же пойдет к Чарквиани¹. Боже мой! Уже заставили выносить вещи и складывать на машину.

На вопрос, куда же нас везете, они говорили, что близко и на несколько дней и в то же время советовали брать все теплое. Я им говорила, что если на несколько дней и близко, то почему же нужны теплые вещи, когда кругом все томятся от такой жары и духоты, и твердила, знаю куда везете – или в Сибирь или же в Среднюю Азию, что от них лучшего места не добьешься.

Когда я и мама на них кричали, папа успокаивал, говоря, что они ни при чем, что они лишь исполнители. На это мама злилась и впоследствии. Делать уже было нечего, надо было выносить вещи из такого дорогого нам дома. Асик поднялась на машину и принимала вещи. Все вещи наскоро были упакованы, все почти лежало отдельно. Капитан на вопрос папы, кому же оставить все имущество, вспомнил, что можно оставить доверенность на имя дочки. Армик начала писать, но рука дрожала, она волновалась и ничего не получалось. Тогда капитан вызвал меня. Я написала, что доверяем все домашнее имущество Ованесян Армик и Рубену, начала перечислять вещи, забыла написать швейную машину. Он, хотя от меня здорово получил, успокаивал меня, что хоть мне поможет и заставил сесть и написать заявление от моего имени, диктовал сам и велел в конце написать – «ведь по Сталинской Конституции сын за отца не отвечает».

Советовали они брать наш большой сундук, а я еще на них кричала из-за глупого предложения. Я собрала хорошую посуду с буфета и попросила передать сестре. Долго просила, наконец, совет трех решил разрешить. Каждый из них боялся другого.

На маму надели котиковую шубу, я с Асик в наших летних пальто, в зеленой шляпе. Просто не было даже времени по-настоящему, навсегда попрощаться с несчастной Армик и Алисой, которых оставляли и без денег.

Папа, взволнованный, бледный, дал ей 50 руб., а они все удивлялись этому, говоря, что в дороге как раз нам пригодится. А мы почти хором говорили, что она без этого будет голодать и никто ей не даст, ведь нас не будет.

Я даже не помню, кажется, все по очереди расцеловались с Армик, кто сколько мог целовал Алису, а они все торопили. В эмалированный таз я по-

¹ К.Н. Чарквиани – первый секретарь ЦК Компартии Грузии (1938–1952) (ред.).

ложила мой красивый обеденный полусервиз, хрустальные вазы, кофейный сервиз и что попало из буфета, чтоб передать Армик. Долго просила, пока дали разрешение передать.

В последнюю минуту вспомнила о капюшоне Алисочки и накинула на мою крошечку. Когда мы все выходили из дому, Алиса все еще была у Сильвы и, плача, кричала: «Мама, не уходи». А мы все ей: «Нет, Ало-джан, это только мы все уходим, твоя мама остается с тобой». Сели мы на машину и громко плакали. Кто-то из-за угла [улицы] Гриневича появился, все хотел подойти к нам, но патруль не разрешал, я так и не смогла понять, кто это был. Появился человек из-за почтовой улицы¹, но и ему не разрешили подойти. Антоняны, услышав шум, открыли двери, но эти негодяи крикнули на них и заставили закрыть дверь. Гугула такого шума как будто не слышала и даже не выглянула с окна. Армик с Алисой стояла у машины и громко плакала, а мы – на машине. Люлю Кикодзе с матерью выглянули из окна и спрашивали, что случилось. Машина тронулась. В последний раз посмотрели на наши окна, на Армик, которая уже почти без сознания кричала, плакала и махала нам рукой. Бедная Алиса плакала вместе с ней. Машина поднялась по почтовой улице, завернула на Плехановский проспект в сторону Воронцова, и мы в последний раз проехали нашу улицу, улицу Гриневича. На улице не было ни души, только светало. Машина была полна вещами, и мы еле устроились на ней. Проехав Воронцовский мост, вышли на Набережную и через Мухранский мост (Бараташвили) начали подниматься по Коляевскому подъему. На площади Шаумяна (Авлабар²) мы встретили несколько таких же машин и людей, собранных возле кинотеатра им. 26 комиссаров. До сих пор мы думали, что мы одни. А с Авлабара уже начало попадаться все больше машин. Маме стало плохо. Хорошо, что забрали с собой молочник с водой, мы все опять начали кричать и плакать, приводить ее в чувство. Доехали до Навтлуги³. Там уже была уйма машин с армянами. Каждой семье выделили по одному грузовику. Это был один ужас. Каждый искал своего родственника, знакомого. Все машины были окружены солдатами МВД. Подбежали девочки с улицы Камо, спрашивали, не видала ли я их мать, которую забрали одну. Много было народу у ворот, ведущих к станции Навтлуги. Я начала кричать на нашего солдата, который в такую ужасную минуту, как осел, смеялся и шутил со своим другом. Я велела ему не смеяться и не улыбаться, а сидеть тихо. Форменный идиот, какой-нибудь крестьянин, порядочный дурак, так как в такой момент смеялся. Въехали мы на станцию. Машин было без счета, бесчисленное количество. Мы искали Куказянов, Искуи⁴, Кишмишянов и многих других. Но никого из них

¹ Условно мы так называли эту улицу (настоящее название не помню), т.к. главпочта своей торцовой частью выходила на нее.

² Район в юго-восточной части Тбилиси, преимущественно населенный армянами невысокого достатка (*ред.*).

³ Железнодорожная станция в черте Тбилиси (*ред.*).

⁴ Мамина младшая сестра.

не было. Вдалеке заметили семью Гевонда Гусяна, долго махали, пока они увидели нас, они были очень далеко. Когда увидели нескольких знакомых, как-то поднялось настроение у нас всех. Даже удивительно, чтоб поднималось настроение в такую минуту, когда тебя черт знает куда берут и куда должны забросить. К машине подошел молодой человек (товарищ Эдика Кариева), Асик попросила купить для папы папиросы. Он купил, но отказался взять деньги. Я увидела Карапета Симоняна, первого Героя Советского Союза в Закавказье, мужа Зои Апресян. Наш капитан, узнав, что мы его знаем, подзвал его. Симонян нас не узнавал, тогда мы ему напомнили, что мы – семья подруги его жены Зои. Он тогда вспомнил папу. А у капитана с глупой улыбкой на лице спрашивает, спокойно ли мы вели себя. Я очень разозлилась на его тон и манеру разговора, отвернулась, чтоб больше не видеть этого дурака. По дороге в Навтлуги наш капитан поднялся к нам, очень сожалел, что утром не сообразил дать знать¹, он был бледный, ведь все-таки человек и как будто переживал за нас. Я даже не пойму его. Он все говорил, что все, что было возможно, он сделал, а мы нервным голосом отвечали ему. Он говорил, что во всем этом несчастье виноваты ваши соседи, а мы хвалили наших соседей и говорили, что виновата наша замечательная квартира со всеми удобствами.

Машин было бесчисленное количество. Случайно встретили Нвард с мужем и с Ваником. Встретили и Согомона Постояна с женой и со старшим сыном.

Вообще был тихий ужас, сплошной кошмар, который трудно описать. Многие на машинах плакали. Были женщины с новорожденными детьми, мужья без жен – как попало. Были и одинокие дряхлые старики. Встретили и педагога по географии нашей Армик, он подбадривал, все говорил, чтоб крепилась, не терялись. Машина наша встретила с машиной Риммы Абибовой. Оказывается, старший брат не был в списке, его не забирали, а он решил не оставлять родителей и записался сам тоже, в общем дурак. Подъезжали к эшелону грузовые машины, около 60-ти. Машины принимались, т.е. выгружались по очереди. Стояли два состава. Согомон все хотел, чтоб попали вместе, но это было не по нашему желанию. Стояли специально для этого люди, которые и направляли по эшелонам. Согомон, Римма, брат Согомона, Арег попали на другой эшелон. Люди наши сдавались органам МВД. Дошла и наша очередь, подъехали к 45-ому вагону. Вдруг с соседнего вагона (44) увидела бабушку Сильвы Какавян и как будто так что ли должно было быть, я даже не удивилась и позвала Сильву Какавян, которая высунулась из верхнего маленького окошечка. Я обращалась ко всем прохожим начальникам, объясняла кто я и т.д. В это время проходил толстый, с добрым лицом, русский полковник или

¹ Тогда по наивности я думала, что раз он армянин, то должен был дать знать о грозящей нам опасности.

подполковник. Я обратилась к нему, объяснила, что я – работница МВД¹, врач, комсомолка. К моему удивлению, он прислушался, приказал машину отвести в сторону, не выгружать и начал читать и разбирать мои документы. Папа же говорил, что за такое добро он отблагодарит. Счастье мелькнуло нам на одну минуту. Ведь надо было, как говорят, на наше собачье счастье, чтобы в эту минуту к нам подошел генерал-майор, впоследствии узнали, что это был Рухадзе – министр МВД Грузии – рассердился на этого русского, мол, создает беспорядок, и не место здесь заниматься разборкой дел и освобождать на месте. Этому русскому пришлось, конечно, подчиниться. Опять дали приказ выгружать. Нас по списку стали запускать в вагон. В этом вагоне оказался наш земляк Дабагян Амаяк, с женой Грануш и с сыновьями Эдиком, Рубиком. Они очень обрадовались, что попали именно с нашим папой вместе, т.к. на себя не надеялись, а с Араем чувствовали себя легче и как бы с защитой.

Половину вагона заняли мы с Дабагянами, внизу был еще Дургарян Георг, пекарь-холостяк. Большая часть вещей была наверху. Ввели в вагон, посчитав как баранов, и закрыли дверь. Это все происходило 14-го июня, стояла очень жаркая погода, в вагонах уж было до невозможности жарко, просто нечем было дышать, пот лился с лица и со всего тела. Мы металась по вагону как звери в клетке. Не хватало воздуха, все хотелось пить и пить. Нас в вагоне было 27 человек. Алексанянов – 5, Дабагянов – 4, Дургарян – 1, Караханян – 3, Манукян – 4 (Сережа, Седрак), Акопян – 5 (мать с четырьмя детьми), Карташов Бабкен – 1, какой-то одиночка, фамилии не помню, да еще женщина с двумя маленькими детьми – фамилию забыла, муж ее был грузином. Старшего сына она успела передать бабушке. Мы не могли понять, зачем собрали этих людей, за что, почему?

Обессиленные, начали стучать в дверь. Стучали долго, наконец, сообразили открыть на несколько минут, да еще подошли несколько людей конвоя, чтоб не сбежали.

Папа до этого, я забыла об этом написать, сказал К. Симоняну, что с нами выселяется партийный, фронтовик, бывший капитан и указал на сына Гевонда Гусяна. Он удивился этому и пошел доложить старшему. Об этом мы сказали и им, и через некоторое время видим, он приходит счастливый, что его уже освободили. Они даже не подошли к нам, не спросили, что надо, а быстро смылись с вокзала. Освободили и семью гадалки Люсик. Когда открывали дверь, то по ветру выпускали по одному человеку – тут же спускались под вагон и почти в присутствии всех военных приходилось производить эти действия, уже начинали забывать, что такое стыд.

На вокзале начали продавать хлеб, булки, боржом, сыр, мыло, сахар и т.д. Мы накупили много хлеба. Каждые полчаса брали боржом или сироп, но все-таки никак не могли утолить жажду. До этого прошел Цолак, он искал

¹ При состоявшемся еще до госэкзаменов распределении я была назначена на работу в системе МВД и при себе в сумке имела большой лист кадровой работницы МВД, по которому я проходила медицинский осмотр и другие оформления.

нас и дал нам буханку черного хлеба, даже, кажется, я сама у него попросила. Он все успокаивал нас, говорил, что будет смотреть за Армик и просил что-нибудь вроде доверенности. Вот еще – первый вор и разбойник, который большую часть жизни провел в Сибири, просит доверенность. Такого типа оставили, а нас – невинных – выселяют.

Пришел солдат, который участвовал в нашем выселении, как будто со стороны Армик, которую не пускают на вокзал, и сказал, чтобы мы написали записку, что хотим и как, а он, мол, передаст ей. Он говорил, что все наши вещи передали ей, что она начала прихрамывать. Мы заволновались и подумали, что, наверное, что-нибудь тяжелое упало на ногу. Передали записку, но то, что он вообще желал, чтоб мы написали, мы, конечно, не написали. Содержание записки не помню. Проходил несколько раз Ванчо и увидев нас крикнул – «Չիշ դուք էլ էք այստեղ»¹ – Ой, и вы здесь! Он искал сестер Шалджян и хотел взять у них доверенность. Я на клочке написала письмо Беточке. Пришел сын сапожника Карапета с Плехановского, который тоже удивился, что и мы в этом эшелоне.

Часовые стояли у дверей вагонов и не пускали сделать даже шаг. Как-то дверь была опять открыта, впереди стоял другой эшелон, и из-за этого эшелона появилась Армик в пестром платье, со Степой Абгаровым. Ей удалось пройти благодаря Степе. Хотя я с ним давно уже не разговаривала, но он помнил свою первую любовь и помог Армик пройти на вокзал. Армик плакала, кричала, а мы – из вагона. Мало понимали друг друга, нас не пускали хоть немного подойти к ней, а оттуда выгоняли и их. Я все же выбежала, все хотела снять с руки ее кольцо, но от волнения не могла. Она говорила, что, наверное, сможет освободить меня, или же меня с Асик, а я, дурочка, плача говорила, что их одних не оставлю, не нужна мне свобода, куда они, туда и я.

Мы решили передать отрез на костюме Рубику, Алисочкину шапочку, платье и разное ее барахло. Долго искали в мешках, кое-что из ее вещей нашли, а патруль не разрешает передать. Долго упрашивала, пока разрешил. И так ушла Армик. Мы у нее спрашивали, посылала ли она солдата и получила ли она записку. Она удивилась этому. Значит, была ловушка. А что же мы могли написать, что они устраивали такую западню? У Армик узнали, что во время обыска взяли наши письма от тети Вартер и от нашего двоюродного брата-фронтовика Себуха. Подумаешь, какие письма с фронта, чтоб их еще забирали.

На машине с продуктами приехал Иосик, как будто был одним из продавцов. Иосик – племянник тети Грануш Дабагян. Он передал много мясных консервов, два ящика печенья, ящик конфет, ящик с сиропом, много московской колбасы.

Днем несколько раз приходил Арсен – зять проф. Гамбарашвили. Я подошла к нему, он обещал помочь, но ничего не сделал, т.к. освободил другую семью. Из окна, с заявлением в руках, я обращалась почти к каждому

¹ Текст автора на армянском языке дается без изменений (*ред.*).

прохожему. Рухадзе – я узнала его позже – сказал, что сейчас подойдет, но и он обманул. К вагонам подошли несколько военных, в том числе и пухлый Жора, который вроде ухаживал за Асик. Он спросил, с кем едет она, я все просила помочь, но и этот дурак ничего не сделал, хотя и собрал заявления. Так мы ничего не смогли сделать, и уже стемнело. Прибежала соседка Вардо и спросила, не принесли ли деньги и мясо от Вардо, и что она здесь, но не может подойти. Через час какая-то незнакомая девушка принесла нам 1000 рублей и корзину с жареным мясом и еще что-то.

Поздно вечером тронулся поезд, немного проехал. Какая ужасная картина, которая никогда в жизни не забудется. Такой ужас запечатлелся на всю жизнь, это нельзя забыть ни за что.

Нам так надоело, что мы хотели, ждали, когда состав, наконец, тронется.

Немного подальше от нашей стоянки собрались чуть ли ни все армяне г. Тбилиси, а армян в Тбилиси даже больше грузин. Каждый кричал и плакал и искал своего родственника, брата, сестру, мать, отца, жену, невесту, знакомую. Плакали и мужчины и женщины, старики и дети. Вдруг мы увидели и Армик в окружении Саши Папуновой, Жени Мамонтова, Артема, Геворга, Сумбата, барышни Ремочки, Робика Эйрамджяна, Розы Алексанян, Спартака с другом Митей. Армик, бледная, обессиленная, громко плакала, а я с Асик из окна еле вылезли и тоже плакали до упаду. Я в жизни еще так не плакала как в этот день. Тетя Роза плакала и кричала: «Возьмите меня с собой, зачем оставляете свою Розу, что я буду делать без вас». Роза передала мне мое любимое кольцо, которое я оставила Армик и не пожалела, сказала, чтоб продала бы обязательно. Мы все говорили Армик, чтоб она следила за собой, не падала духом и как-нибудь прожила бы без нас. Все говорили успокаивающее, одни глупости, а что надо было спросить, и в голову не приходило. Папа, согнувшись, сидел внизу и не мог даже смотреть на этот ужас, он думал, что все наши вещи пропали навсегда и никогда их не вернуть. Я попросила Спартака смотреть за Армик, он что-то не совсем понял, быстро подошел к Армик и поддержал ее. Поезд пошел опять на старое место и такой же рейс сделал другой эшелон.

Немного подождали и опять тронулся наш поезд, видела Сережу с нашей улицы, моего поклонника Гришу, соседа Розы. Мы со всеми прощались, плача, навсегда. Также махали нам и они.

Опять встретились с Армик, мы хотели передать ее приемник, еле вытащили и спускали уже, как в это время подошел военный и не разрешил. Через некоторое время мы его спустили, взяли Георг и Сумбат и все говорили, чтоб не беспокоились, мол, сами донесут. Спустили еще корзину с ее вещами.

Саша с Женей тоже громко плакали. Да и можно ли было не плакать в такой день, в такой час, когда выселяли неожиданно, за один час столько мирных жителей города. Никто из них не представлял, что ожидает их такая участь. Такое разорение семьи на всю жизнь. Когда Асик сообщила, что,

говорят, как будто мы должны быть в дороге двадцать один день, то Армик стало еще хуже, в ней почти ничего не осталось, все происходящее ее доконало.

Поезд наш все хотел тронуться, но народ под предводительством старика, грузинского еврея, бросился на рельсы, не давая тронуться поезду. Робик Эйрамджян поднялся поближе к окну, я все говорила, чтоб и они, и Седа были бы готовы, потому что это может быть сделано и с ними. Он и не помню, что говорил, а все просил Асик писать ему, не забывать его. Среди этого народа было очень много знакомых, все жалели нас и все прощались с нами.

Я все говорила, что у нас так жарко, душно, что они этого не могут представить, вся одежда липнет к телу. Мы все просили воду, жажда мучила всех. Такую картину видел народ впервые и, по-моему, никогда не забудет этот роковой день для армян, мирно проживающих в этом большом городе. Поезд ушел обратно на свое место, для успокоения народа были вызваны из города новые военные части, и народ был разогнан, конечно, мы не знаем, каким способом.

Состав наш стоял до двух часов ночи (15.06.49 г.). Армик весь день была на вокзале, все спали, больше ни к кому не приезжали, а она все приходила к нам то с Сумбатом, то с Артемом, ее школьным товарищем. Они все приносили нам боржом и сироп, брали бутылки и опять приносили и все спрашивали: «Ну хоть немного утолили жажду?» Из буфета станции Навтлуги они разобрали всю воду. Артем, со своей стороны, накупил нам колбасы, хлеба и тоже успел передать. Мы в последнее время над ним смеялись, так как он мне объяснился в любви, написав стихотворение на армянском языке. Я ему не ответила – как будто и не получала его письма. Он там сравнивал меня с хрустальной вазой и просил ее не разбивать, точно не помню. В последний раз, когда пришла Армик, Асик была ближе к окну и смогла вылезти, а я была черт знает за какими большими мешками, где и не могла повернуться, не смогла в последний раз посмотреть на Армик, она была с Артемом, и в этот раз поезд тронулся насовсем. Я думала, что опять вернут, но нет, он уж ехал и ехал.

Так мы оставляли наш родной, дорогой, любимый город Тбилиси, где мы и родились, учились в школе, институте, провели самые счастливые годы нашей жизни. Все это не возвратишь. Светлых дней в нашей жизни больше не будет, на всей жизни уже надо будет поставить большой крест. Жили честно, работал папа усердно, ни разу никто не судился, никто не имел ни одну регистрацию¹, папа часто получал награды и премии, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а теперь вот и выселили. Никак не могли понять, за что же нас выселяют, что сделано плохого. Если выселяют таких честных, то почему же оставили всех шулеров, спекулянтов, воров и разбойников. С нами не выселили ни одного г р у з и н а.

¹ Здесь – выговора (*ред.*).

За что же нас выселяют? Если выселяют как родившихся в Турции, как бывших турецко-подданных, то ведь они, мои родители, бежали из Турции во время армянской резни в 1915 г. А папа выехал из Турции в 1912 г. на поиски работы. Они приняли советское подданство в 1924 г. В Тбилиси они уже 25 лет считаются советскими гражданами, пользуются всеми теми же правами, как и все с 1936 г. Папа являлся организатором артели по производству железных кроватей, работал там на протяжении 20 лет, а артель была превращена в завод имени Ворошилова.

15.06.1949 г. День рождения нашей Асик, ей исполнилось 21, а мы в таком несчастье. По случаю дня рождения все пассажиры получили по конфетке и галете.

В вагоне мы плакали долго. Плакали вместе с тетей Грануш, с Рубиком, Эдиком. Никто не был в силах успокоить нас. Как можно было успокоить, какие можно применить успокаивающие слова, когда на всю твою семью обрушилось такое несчастье, такое разорение. Грануш плакала, что больше не увидит стариков-родителей, единственного брата. Мама ее успокаивала, что будет заменять ей мать, на что она с удовольствием соглашалась. Нас везли как заключенных, с большим количеством солдат из войск МВД. Дверь не разрешали открывать, сидеть или спать было невозможно.

В первые дни никто ничего не мог есть, хотя была колбаса, булки, печенье, конфеты, консервы. Ни у кого не было аппетита. Все начали заставлять друг друга и с большим трудом за весь день съедали маленький кусочек хлеба. Просто не проходило через глотку и все, застревало.

Не было и места для сна. Все вещи были на верхней полке, мы все не устраивались, думали вот-вот доедем. Первую станцию и не помню. Ехали по Азербайджанской ССР, было до невозможности жарко, здорово пекло, а дверь не открывают, нет ни капельки воды. Доехали до Кировабада. Ведь через месяц я должна была ехать сюда на работу в МВД в качестве врача-лечебника. Я не хотела ехать в Кировабад, а сейчас проезжала как заключенная.

В Кировабаде на станции было несколько эшелонов, забрали и кировабадских азербайджанцев, армян, ассирийцев. Была ужасная картина...

Перед нашим составом стоял открытый товарный состав. Бегали солдаты, хотели увидеть, нет ли родственников в составе, но их не пускали. Перед нашим вагоном собралась кировабадская молодежь, мы попросили принести нам воду, они с большим энтузиазмом взяли бутылки, быстренько принесли нам воду. Но эта вода сразу же была роздана. Они удивлялись, что и мы в этом составе, спрашивали, за что же вас забрали, в чем же вы виновны. Мы отвечали, что честные люди, а нас все же везут в Сибирь. Они нам пожелали счастья, и так мы попрощались с ними. Когда нас забирали, у нас промелькнула мысль, что, наверное, начинается война, раз выселяют людей, родившихся в Турции, и потому еще я не хотела оставаться, когда Армик говорила, что может освободить. Думала, что все равно в первый же день заберут в армию, и я навсегда

потерю наших, так что лучше вместе. Честно говоря, все же я ведь при желании могла бы удрать.

На станции Аджикабу, дальше Кировабада, нам раздали хлеб, с каждого вагона взяли по мешку, кажется, взяли и ведра и дали какой-то обед. За обедом пошел староста. Обед, помню, не понравился, и я заказывала конвоиру Пете Лабушняку манную кашу. Он вполне серьезно ответил, что завтра как раз будет манная каша с котлетами. Я этому не поверила, но оказалось правда. В Дербенте нам ее дали. Здесь мы увидели Каспийское море. Жила столько времени между Черным и Каспийским морем, а Каспийское море не видела.

Проехали мимо Баку, проезжали через стацию Баладжар, а чтоб подойти к Баку, надо было заехать в тупик. Проезжали ночью. В Дербенте за нашим составом была набережная. Мы через щель в вагоне смотрели на Каспийское море. Когда проезжали Азербайджан, я с Асик задевали всех женщин, громко звали: *кыз-кыз*, а мужчин *йолдаш*¹. Мы по-азербайджански знали только эти два слова и были рады тому, что они смотрят, обращают на нас внимание.

Я писала каждый день по несколько писем. Письма я бросала просто на станцию или же просила кого-нибудь поднять брошенное письмо и опустить в ящик. Писали мы на полном ходу, получались ужасные каракули, как письмо настоящей заключенной. Письма адресовывали Саше, Катюше и другим, так как не надеялись, что Армик не тронули. Армик, оказывается, на вокзале сказала Асик, что наш отрез, который был у Искуи, она понесла Маргарите. Это папе мы сказали только через несколько дней. Когда он узнал, рассердился, и мы в каждом письме писали, чтоб она забрала обратно. Мы не были уверены, что наши письма дойдут. На станциях, когда останавливались надолго, то уже начали освобождать людей с семьями. Они и сами не могли понять, кто за них хлопотал, каким образом они освобождались и, счастливые, ждали другой поезд, а мы только на них глазели и завидовали.

На больших стоянках конвой открывал двери и кричал «Оправиться!». Каждый прыгал с вагонов, мы хватались за папу и лезли под вагоны на другую сторону. Страх уже был позабыт. Постепенно теряли стыд и садились оправляться в присутствии мужчин. Другого выхода и не было. В первый день, когда не открывали двери, мы ведь люди, все же кричали, стучали – опять не открывали. Терпеть было невозможно, и мы наше чистое эмалированное ведро превратили в горшок и на противоположной половине вагона, внизу, устроили уборную. Потеряли всякий стыд и в присутствии мужчин приходилось оправляться. В первый раз было очень трудно, постепенно привыкли и без стыда выходили ночью к горшку.

Боже мой, чего мы только не видели. Мы около ведра устраивали как бы завесу. Тетя Грануш все говорила: «Долой стыд», – и садилась на ведро или же под вагонами. Так она подбадривала других, предлагала забыть все и не

¹ «Кыз-кыз» – женщина, «йолдаш» – товарищ (по-азербайджански) (*ред.*).

стесняться. Когда уже семафор открывался, конвой во все горло начинал кричать – «По вагонам!», все шѣшѣ рѣшѣшѣ – *спешно* поднимались в вагоны.

Мы в первые дни и не знали, как зовут нашего старшего по вагонам. В его распоряжение было дано пять-шесть вагонов. Мы его звали то Сашей, то Федей, то еще как-нибудь. Он был самым строгим. На станции Навтлуги он вел себя очень дерзко, так что я все говорила, что хоть он и молод, но не достоин спокойной смерти. Доводил он меня своим поведением, своим обращением с людьми до того, что я все говорила: «Хоть бы попал ты под поезд и разрезался на кусочки». Он все говорил, что после Баку двери будут открытыми. Как мы его ни звали, он на все откликнулся и ни разу не говорил, как его зовут по-настоящему. Потом только, попозже, узнали, что он Петя Лабушняк, из-под Одессы. Потом только он смягчился, сблизился с нами и вел себя лучше. Людей освобождали на каждой станции, а нас все не зачитывали. С нами ехал старый партиец, его забрали одного, он несколько дней был у нас старшим по вагону. Его освободили до Тихорецка, как-то от злости мне даже не захотелось с ним попрощаться, и я сделала вид, что сплю. Он был очень несимпатичным, с противным говором – в общем, осел, в полном смысле слова. На станции Махачкала, столице Дагестанской АССР, был большой парк, там остановились под вечер в субботу, скорее, в воскресенье. Вся молодежь с барышнями (большая часть русские) спокойно разгуливали по парку, их не подпускали близко к вагонам. Они свободно гуляли, а мы навсегда потеряли свободу. Мы с завистью смотрели на них, даже на птиц, куриц, свиней, которые свободно гуляли. Мы тоже искали свободу, но ее не было. Мы все были уже порядочно грязными, пот и пыль создавали грязь. Воду нельзя было достать и умывались, как кошки.

Все выглядывали из окна, и паровозный дым превращал нас в цыганок. Наш вагон был № 45, так что, если и останавливались на какой-нибудь станции, мы все были в хвосте, далеко от станции, воды, продуктов.

Не на всех станциях мы останавливались, а народ узнавал о приближении состава, прибежал на станцию, и у всех на лицах было удивление от этой ужасной картины. Почти все женщины подносили руки к губам – удивление было у всех на лицах. Каждый из нас все расспрашивал конвой, лейтенантов, подполковника, куда же везут, за что, но ни от кого ничего мы не могли разузнать. Если кто что-нибудь слышал, сразу сплетня передавалась от одного к другому. Одни говорили, что везут в Ростовскую область, тогда мы начинали радоваться, что там хорошие дыни и арбузы. Другие говорили, что в Сталинградскую область, в Москву – тысячи предположений.

Из Махачкалы повернули на запад, к курортам мирового значения. На станции Прохладная стояли два-три часа, я была в мамином большом сарафане, без рубашки, и в таком смешном виде, грязная, разгуливала по станции. На станции было много народу. Были армянки и армяне – инженеры,

выпускники ТБИИЖТа¹. Они начали искать родственников, знакомых. Знакомые нашлись, передали письма и телеграммы.

Я проникла в зал ожидания, купила очень много открыток, конвертов, газеты. Накупила почти все, ничего не оставила.

С каким удивлением смотрели на нас, никто не мог понять, почему же этих людей с таким сильным конвоем выселяют. Все удивлялись, что выселили за один час, без всякого предупреждения и все сочувствовали нашему горю. Наш вагон стоял в центре вокзала. Перед вагоном был кран. Петя организовал очередь, и все набрали свои ведра, чайники, бутылки, начали мыть посуду, устроили маленькую стирку и принялись мыть головы холодной водой. Из наших помыли голову тетя Грануш, Асик и мама.

На станции увидели, что большинство в эшелоне составляют армяне, завели патефон с армянскими песнями и подключили к громкоговорителю вокзала. Включили песни в исполнении Бейбутова Рашида, песню «Ереван». На станции Прохладная была замечательная холодная вода, все напились вдоволь. Мы телеграфировали Котико², Пайчадзе. Просили помочь. Послали и много писем. Многие, в том числе Сильва Какавян, Рафик Манасян, Анаид телеграфировали Швернику³.

На станции Минеральные воды было очень красиво, я встретила там знакомого тбилисского парня, я с ним ходила на уроки теории музыки. Он вспомнил меня, подошел к нашему вагону, расспросил, не едут ли люди с такими-то фамилиями, видно, тоже беспокоился за своих. Он инженер-железнодорожник, похож на нашего Рубика, он боялся, что кто-нибудь заметит его при разговоре с нами и с испуганным лицом, с молотком в руках делал вид, как будто занят проверкой колес. Поезд тронулся, на прощание он нам говорит: «*Ունչինչ, պի՛նդ կացե՛ք, լա՛վ կացե՛ք*» – *Ничего, мужайтесь, будьте молодцами*. Трогательно было слышать сочувствующие и одновременно подбадривающие слова знакомого тбилисского парня.

Мы вытащили два наших складных стула и сели совсем близко у открытых дверей. Поезд ехал с сильными толчками, всех трясло вовсю, не могли ни сидеть, ни лежать, ни стоять спокойно. Нас бросало из одного угла в другой. Когда поезд останавливался или когда он трогался, все кричали «Осторожно, толчок!» Сколько раз ударялись головой о верхнюю полку, сколько шишек получал каждый.

На станциях почти ничего нельзя было достать. Мы завтракали вместе с Дабагянами, у них было что поесть, но зато уже дальше, когда можно было достать консервы, сметану, молоко, больше покупал папа.

В нашем вагоне ехала Акопян с четырьмя маленькими детьми, без мужа – бедная, грязная, вшивая женщина. Своих вошек она успела распространить и на других пассажиров. Пассажиры решили остричь их волосы, за это дело

¹ Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта (ред.).

² Котико Хабурзания – директор завода, где работал папа.

³ Н.М. Шверник – Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1946–1953) (ред.).

взялась Офик Караханян. Старшая дочка долго плакала, что рассталась с маленькими косичками.

Подъезжали к Тихорецку (узловая станция) и от конвоя узнали, что будем стоять долго, будет комиссия, многие или же все вернутся обратно.

Это было на пятый день. Остановились, как и бывало чаще, на товарной станции. Было вызвано наше начальство. Стояли целый день, даже больше. Вдруг посадили снова в вагоны и появилось начальство вместе с комиссией из Тбилиси. У нас упало настроение, так как мы ждали московскую комиссию, а приехали грузины, от них справедливости не добьешься.

Начали, как всегда, зачитывать фамилии по вагонам и освобождать людей. Боже мой, какое это счастье. Мы с Асик смотрели из окна и думали, что вот-вот через несколько минут подойдут и к нашему вагону. Очередь дошла и до нашего вагона, открыли и мы двери.

Прочли фамилию Чалоян что ли с двумя детьми, Акопян Ерикназ с четырьмя детьми. Они от радости начали плакать, вместе с ними и их подстриженные дети. Я с Асик смотрели из окна, нам стало плохо и обидно, что не зачитали нашей фамилии.

Вместе с комиссией проходил и врач эшелона, он с жалостью посмотрел на нас и говорит: «Ничего, девочки, не унывайте, очередь дойдет и до вас. Сам сожалею, что не могу освободить вас».

Освобожденных было человек 400–450. Вот счастливый народ.

Все с шумом начали выбрасывать свои вещи, а мы нехотя уже писали Армик, чтобы передать через освобожденных. Столько народу освободилось, а мы остались. Как раз освободились люди, занимающиеся спекуляцией на базаре, вот кому опять везет.

Освобожденные заняли один вагон, среди них был Арам, ванский, проживавший во дворе у нашей Розы, были Ханджяны-старики, сестра нашей Арусяк, мачехи мамы. Она вся сияла, очень сожалела, что не едем и мы.

Освободился фотограф Грантик вместе со слепой матерью. Он удивился и даже не верил, что мы не освобождены и говорит: *Այ՛, Արշ՛ւ ը շարժւո՛ւմ?* – *Как, чтобы Арай и не освободился?* В Тихорецке постояли порядочно. Через несколько путей был эшелон из Армении, я с Асик перебрались из-под вагонов и дошли до них, обошли весь состав и около каждого вагона спрашивали, нет ли Туршяна или Саруханяна, Дабагяна. Нам сказали, что Дабагян, писатель, в другом эшелоне и, наверное, проедет через час. Было среди них много приезжих армян. Некоторые знали Туршяна и Саруханяна, но говорили, что среди них нет.

На следующем пути стоял наш второй тбилисский эшелон. Там уже у нас было очень и очень много знакомых. Мы с Асик ведь знали очень многих армян из Тбилиси, как мы могли их не знать? Нашла Римму Абибову, мою подругу из Ереванского мединститута. Они были довольны начальником эшелона и, кажется, говорили, что он грузин. Нашли и Петросяна Согомона, жену его и сына Вартана. Они все были рады встрече, все спрашивали папу,

подбадривали меня. Хозик и сестра его остались в Ереване. Встретила и его брата с женой «золотого ишака»¹, который недавно только оперировался. В этом эшелоне был и «Веер»² – поклонник нашей Асик. Было много других, но их было так много, что уже даже не припоминаю.

Мы наловчились лазить под вагоны и так переходить несколько составов, даже уже подцепленных паровозом.

Недалеко от нас стоял состав с пленными немцами. Все они были здоровые, плечистые, красивые. Они были удивлены нашему появлению и, когда мы переходили, они иронически смеялись над нами, мол, вот что сделали с вами. Здесь как-то лучше познакомилась с эшелонцами, так как все устроили проспект Руставели³ и прогуливались.

Среди комиссии из Тбилиси был молодой офицер, я с Офик нашли себе место где-то в тени и когда он проходил, иронически спросили – «Значит, Тбилиси больше не хочет нас принять, выпроводили и конец?» Ему стало как-то жалко нас, все же, оказывается, совесть была и сказал: «Нет, почему так говорите?» Он был соседом Ханджян, знал хорошо по-армянски и очень беспокоился за стариков.

Всех освобожденных собрали в один вагон, они влезли туда и больше не выходили, чтоб снова к нам не подцепили. После освобождения стольких людей количество вагонов сократилось, поезд поменял свое направление, паровоз подцепили к хвосту и наш вагон, бывший 45-й, стал 34-м.

Станцию Тихорецк я не помню, не помню, ходила ли на вокзал. После Тихорецка ехали уже по направлению к Сталинграду – к городу-герою.

Забыла описать, что до Тихорецка порядочно стояли в Армавире. Сурик Григорян и Сурик Самвелян вместе с другими мальчиками и солдатами пошли в город. Я тоже хотела пробраться на вокзал и базар, но уже не пускали. Из Армавира тоже брали армян, оставшиеся переживали за них. Здесь мы у одной армянки купили козинаки из подсолнуха.

За эшелонем текла речка. Все эшелонцы начали стирать. Я тоже собрала наше барахло и вместе с Асик начали стирать. Берсо из соседнего какавяновского вагона, добрая женщина, увидела, что я не из умелых, начала стирать мое белье. Конвой каждый раз кричал: «По вагонам, хватит», но мы все продолжали свое дело. Наконец, пришлось, не докончив, лезть в вагон. До Тихорецка мы стояли долго, и конвой здесь говорил, что в Тихорецке будет комиссия и, наверное, всех освободят. Здесь было веселье на весь день. Асик с аккордеоном вышла, сидели все на рельсах. Когда Асик и Сильва играли, все собрались вокруг нас, открыв рты, слушали.

¹ Так мы называли одного богатого, на наш взгляд, немного наивного человека, у которого все передние зубы были золотыми.

² Девочки называли его Веером, потому что его кудрявые волосы были красиво уложены наподобие веера.

³ Главный проспект Тбилиси (*ред.*).

У некоторых были волейбольные мячи, они вынесли и начали играть. Мы, конечно, участвовали во всех компаниях. Все мужчины часто собирались около нашего вагона и обсуждали разные вопросы. Как чуть постоим дольше, все вылезали, хотя и кричали «не выходить». И все время должны были собираться около нашего вагона. Каждый выражал свое предположение. Поезд тронулся к Тихорецку, где были освобождены 400–450 человек, а мы остались опять в заключении.

Из Тихорецка ехали по направлению к Сталинграду. После Тихорецка никого не освободили, если даже подполковник получал освободительные телеграммы, все равно не давал знать, приказ был такой – доезди всех до места и все.

Подполковник, начальник эшелона, был армянином, но противным человеком, с каменным сердцем. Он был ниже среднего роста, полный, с пузом. Часто ходил в безрукавке. Когда с ним говорили по-армянски, он сразу переходил на русский. У него спрашивали совета, куда и кому писать, он важно отвечал, что можно Швернику, а вообще советовал спокойно доехать до места и оттуда писать куда угодно. По-армянски говорил он на карабахском диалекте. Я его ненавидела, карапуз несчастный, занимался только обманом. И только обманом довез столько людей до места. Он, если бы захотел, хоть некоторым мог сказать, чтоб бежали, все равно с вами ничего не смогут сделать, он это знал, но никому не сказал. Хотя он был армянином, но будь проклят такой армянин, который душой не болел за своих. Его фамилия Оганезов, он был командирован в Тбилиси специально для высылки своих же армян, но его душа каменная нисколько не болела за нас.

Наша семья была одна из наилучших в эшелоне. Мы знали, что от него ничего хорошего, нужного не добьешься и мало внимания обращали на этого «шарика». А он проходил и злился, что мы не обращаем внимания на его величество. Все его окружали, часами расспрашивали одно и то же, но толком ничего не добивались.

Заместителем начальника эшелона был маленький пузатый еврейчик, с безобразно некрасивым лицом, похож был на хрюшку. Ходил все время в безрукавке, а чаще – только в штанах. Вся грудь и руки были покрыты наколками. Он этого не стеснялся, хотя и был майором. Приличный человек себе не позволил бы показывать стольким людям такие безобразные наколки, а он шел, как ни в чем не бывало. Все время смеялся, конечно, ему-то что, и обманывал так же, как и начальник. Начальником по продовольственному снабжению был симпатичный лейтенант высокого роста, блондин. Начальником сопровождающих нас солдат был старший лейтенант, 1924 г. рождения. Он ходил все время с опущенной головой, хмурый, но симпатичный. Наша молодежь назвала его «щуккой», но по отношению к солдатам он был хорошим, они говорили, что он рассердится, но быстро забудет. Его заместитель был высокий худой младший лейтенант, противнейший своим взглядом и разговором. Он все время ходил с прутиком, потому что очень

заснавался. Его никто не любил, не любили и солдаты, называли вредным, так как за пустяки посылал на гауптвахту. Я его называла фрицем.

Врачом эшелона был Антонов Анатолий, венеролог из Москвы. Работал в Московском венерологическом институте. Он был среднего роста, с симпатичным лицом и с выбритой головой, ходил все время в тубетейке. Я с ним познакомилась до или после Тихорецка, уже и не помню. Я вместе с несколькими девочками подошла к его вагону, попросила уделить мне несколько минут. Я рассказала, что из себя представляю, он обрадовался, что нашел коллегу и начал меня успокаивать, что мне как раз не будет плохо, что врачам везде и всюду почет и уважение, они нужны всюду. Он советовал по приезде на место жительства подать заявление в ближайший N-ский город, где есть мединститут и попросить у директора разрешения на досдачу остальных госэкзаменов. Из этого разговора я могла понять, что как будто должна быть недалеко от большого города. Много думала и уже предполагала Новосибирск или Томск. Он хотел сказать город, но не имел права и все время в дороге говорил: «Вы уже сами догадаетесь, что за город N». Асик ему до моего знакомства здорово нагрубила, он этого не забывал и как-то спросил: «Вот такая-то девочка случайно не ваша сестра?» У врача две медсестры из Москвы, они очень зазнавались и ходили по вагонам. Больных же было порядочно.

Нашим старшим над несколькими вагонами в хвосте был Петя Лабушняк из окрестностей Одессы. Он был высоким, красивым парнем 1926-го или 25-го года рождения. Он очень подружился с папой и видел, что он не походит на остальных и говорил, что во всем таком большом составе только наша семья самая хорошая, приличная, не подходит ей быть с остальными. Когда он по вечерам закрывал вагоны, то нас ему было неудобно закрывать, и за это ему доставалось. Мы понимали его и закрывали сами, просили оставить небольшую щель для воздуха. Он был плечистым, очень сильным, спортивным. Удивительный силач, поднимал большие тяжести, если бросал мяч, то выше всех. Часто бегал по крышам, поднимал стариков в вагоны. Как-то муж Берсо сидел под вагоном, поезд тронулся, а он все не вылезал. Все начали кричать, Петя подбежал, вытащил старика, а тот еще не успел натянуть брюки. Петя не побрезговал и прямо его поднял на руки и бросил в вагон. По вечерам, когда он закрывал всем двери, садился в наш вагон, часто вместе с Бондаренко Григорием. Несколько раз, помню, я, Асик, Сильва, Рубик, Эдик начинали громко петь одну песню за другой, лишь бы он не ушел, чтобы дверь не закрыли. И так зарабатывали мы несколько часов при открытых дверях. Его товарищи, особенно Григорий Бондаренко, завидовали ему, и когда они у нас бывали вместе, то после этого Бондаренко клеветал на Петю, мол он нам говорил то, что не полагается. Поэтому мы перестали любить, даже ненавидели Бондаренко. Офис Караханян все время звала: «Петя, Петенька, мой хороший, дорогой, иди ко мне» и многое в этом роде, а Бондаренко она кричала: «Ты плохой, нехороший, не иди к нам». Бондаренко никогда ничего хорошего не говорил, всех дразнил, что мы будем колхозниками и все иронически улыбался. Был здоровым, плечистым. Он влю-

бился в нашу Асик и все удивлялся тому, что она хмурится, не улыбается. Он был старшим дежурным по конвою, с двумя полосками, сержант что ли. Он уже в конце, когда вот-вот прощались с ним, очень сжалился над нами, совсем изменился и с жалостью смотрел на нас, старался всячески помочь, чем только мог. Мы сами удивились такому перевороту в нем, но, оказывается, и он человек.

Среди конвоиров хорошим был Миша, сибиряк из Красноярского края. Он был 1928 г. рождения, курносый, прыщавый, с улыбающимися, добрыми глазами. Он был добрым парнем, всегда был чутким. Если просили воду, папиросы, хлеб, он все старался сделать, не обидеть. Часто приходил, просил поиграть и несколько раз брал аккордеон в свой вагон. Играл ничего себе. Мы и от него ничего не могли добиться, смеялся, не мог говорить. Я ему говорила, что лучше было бы, если бы эти военные жили с нами, чтоб нас никто не трогал. Он говорил, что еще будем ходить с ними на танцы. Все уверяли, что будем жить в городе. Когда он дежурил, стоял перед нашим вагоном, но не имел права говорить. Мы все же разговаривали, и если видели, что кто-то идет, переставали. Мы с ним очень подружились, он всех нас знал по именам и говорил, что никогда не забудет, что такое нельзя забыть.

Хорошим был Анатолий, татарин, земляк Пети. Анатолий и Нелли Татулова влюбились друг в друга. Затем переписывались.

Среди военных были два-три противных, которых все ненавидели. Один из них был с пластырем на щеке. Я и Асик с ним несколько раз поцапались за его грубое отношение и за его ругань, называли его идиотом и угрожали, что дадим знать начальству, что он не имеет права так обращаться с нами. Когда он дежурил в конце эшелона, то никак нельзя было пройти на вокзал (кажется после Тихорецка).

После Тихорецка стояла жаркая погода. Все ехали и ехали по степям. Проехали Сальские степи в Сталинградской области. Одни большие поля шли друг за другом. Но Бондаренко пояснил, что это не поля, а степь, что здесь не сеют. Все военные хорошо знали эту дорогу, видно, проезжали много раз.

Сколько было братских могил, без счета. Все окопы были превращены в братские могилы, и с поезда виднелись округлые возвышения. Поезд все ехал и ехал, а могилы не кончались. По этим могилам можно было представить, какие здесь были бои и какие миллионы жертв, сколько молодых людей здесь потеряло жизнь, сколько матерей осталось без сыновей и сколько детей лишилось отцов. Кругом были навалены побитые танки, паровозы, вагоны. В общем, всякого было навалено везде и всюду. Часто на боковых линиях стояли целые паровозы, все это можно было видеть до Урала, куда и перевозилось все это для переплавки.

Всю дорогу до Сталинграда солнце пекло, но несмотря на эту жару, я с папой и Сережей сидели в дверях, на полу вагона, свесив ноги. Мама все время волновалась за нас, мол, вылетим, как будет толчок. Когда высовывали голову, то можно было видеть много пар ног. Во время поворотов видны были и

лица сидевших с соседнего вагона: всегда выглядывали Арам и Жирайр, брат Маруси, а из другого соседнего вагона виднелись красные чехословацкие туфли Лили Какавян, маленькие ножки Эдика Казаряна. Пол вагона был грязный, но мы все же селись. Ноги, конечно, почти всегда бывали очень грязными, хотя и к большим станциям их старались чуть освежить.

После Тихорецка Петя выбрал папу старшим вагона, но папа отказался и предложил эту должность Бабкену, так как Бабкен собирался удрать с дороги и надо было за него отвечать. В Сталинград заехали ночью, всю ночь простояли. Сурику Григоряну удалось пройти в город, посмотреть на него. Я все смотрела из окна и старалась как можно больше видеть, все это делалось в каждом городе.

Старшие вагонов каждый день с ведрами и с мешками шли за обедом и хлебом. Давали вдоволь, но *սոս ևս ճաշերին* – но что это были за обеды. Отъехали под утро, так что можно было увидеть кое-что. Немного удалось увидеть город, виднелись большие красивые здания. Долго ехали вдоль города, особенно по рабочему поселку Тракторного сталинградского завода. В поселке почти все дома были новыми, стояли маленькие, чистенькие хаты как избушки в деревне, с небольшим огородом.

17.06.49 г. Был день моего госэкзамена по терапии, а я в дороге, в заключении. Я следила за часами и когда наступило девять часов утра, я сказала: «Вот выходит секретарь и зовет меня на экзамен, а меня нет, представляю, как на всех подействовало мое отсутствие». И правда, впоследствии писала мне Рита Вышнепольская, как все были тронуты, какое было волнение, как некоторые начали даже плакать, когда прочли мою фамилию. А я плакала над своей разбитой судьбой в вагоне, вдали от дома. Плакала я и днем, и ночью, чтоб никто этого не слышал. Так я отмечала каждый день своего экзамена. И особенно испортилось настроение в день окончания всех госэкзаменов, в день окончания института и получения звания врача-лечебника всеми моими сокурсниками. А я, несчастная, заброшена черт знает куда, мне не дали возможности сдать в течение каких-нибудь двенадцати дней окончить институт, получить диплом. Вот это правда ирония судьбы.

В период экзаменов я с Седой все считали, что остается всего несколько дней, и мы навсегда свободны, мы больше в жизни не будем готовиться к экзамену, мы больше не будем сдавать, и все считали эти дни и были счастливы, что остается очень мало. Мы с сочувствием смотрели на Асик и на Арика и говорили, что вот нам так мало остается, а вы, бедняги, все еще будете мучиться. Оказывается, мои мучения не кончились, напрасно все это говорила и я. Седа Кишмишян, правда, окончила институт 27 июня 1949 г., а я в это время в каком-то грязном эшелоне ехала в сторону Сибири.

Такая рана не могла зажить. Я с дороги написала всем – Седе, Фриде, Бете, Ховер, Жене. Написала письмо и группе, по адресу Гарика Магаузьяна, моего старосты. Оказывается, он ходил с этим письмом и всем, кого встречал, давал читать и снова прятал у себя.

Папа мой очень переживал, я боялась, что будет удар. Еще бы, с детьми в таком положении. Он курил до невозможности много, просто одну папиросу за другой и все думал, а я всячески старалась его успокоить и разговаривать совсем о другом. Часто мы с ним говорили отдельно от других.

Мне просто надоело писать всем заявления. Сколько раз пришлось написать для всех наших пассажиров из нашего вагона, но надо было молчать, терпеть и опять писать. Я уже знала их отчества, адреса и всю биографию.

В дороге давали борщи, каши, колбасы, но все бывало нехорошее. Папа заставлял есть эти борщи, как горячее. Он все время ел, а я брезговала, заставляли кушать хоть несколько ложек. Мама раздавала обед, хлеб. Для нас мы хлеба брали мало, так как у нас было еще, а супы и каши сразу же опорожнялись на рельсы, это же делали многие другие. Как-то принесли суп, боже мой, какой ужасный. Суп был черный, и в нем плавали комки, тоже черные (извиняюсь за выражение, как будто человеческое испражнение с водой). Все подняли шум и кричали своим старостам: «Почему принесли?» Как-то принесли борщ, из наших немного поели папа и Сильвочка, на следующей стоянке узнали, что всем стало плохо, все были отравлены этим борщом, у всех была тошнота, рвота, многие получили понос, а на наших не подействовало. Когда все собирались около нашего вагона, то часто начинали смеяться над одной женщиной, которая имела хороший собственный дом, сад и все богатство было потеряно, так как единственная дочь была в Баку, и она свое имущество доверила непорядочному лицу. Над ней особенно издевался Арамаис.

Сколько мы переживали за наших, все думали, вдруг забрали и Армик, ведь без копейки и нет мужа рядом. Сколько разных предположений и, конечно, все плохое. Мы думали, что не сможем жить без нашей Алисочки, судьба нас разделила и приходилось жить без нашей золотой, умной племянницы, которая родилась и выросла в нашем доме и ни минуты не могла быть без нас, как и мы без нее.

Немного опишу своих друзей по несчастью.

Семья Дабагян – Амаяк, красильщик, говорил в нос, непонятно. Его нельзя было понять, так как этому мешал и шум состава. Приходилось делать вид, что его понимаешь, и из-за приличия слушала. Он был добряком, переживал за наше спокойствие, за отдых и еду.

Вывод – глупый дядька, жена властвовала над ним. Как-то он, в Колпашево что ли, подозвал Анаид Шалджян и говорит: «Աղջի, արի խոսենք» – *Слушай, давай поговорим*. Анаид была удивлена, так как вообще его не знала. Несколько раз запел в вагоне. Был пухленьким *хозиком*¹. Жена – Грануш, около сорока лет, высокая, с большим ртом и большими глазами. Первые дни она много плакала. Всю дорогу, в день несколько раз вспоминала о своих майках, трусиках и всяком барахле, оставленном дома, и плакала, что дети остались голыми. За детьми смотрела хорошо. Была очень рада, как и

¹ Поросенок (арм.) (ред.).

супруг, что попала с нами, даже благодарила нас, что мы очутились с ней в одном вагоне.

Много с ней посплетничали о ее Макаке¹. Говорила громко и как будто скандалила. Всех хотела перекричать и надоела одним и тем же долгим разговором. Под конец несколько раз исполнила соло – голос был приятный.

Старший сын Эдик, 15 лет, с полуидиотским выражением лица, с вечно открытым ртом, с большим носом, *սրկոյ գլուխ* – *длинноголовый*, на лице все время выражение непонимания. Слух был не ахти-барахти, но он не отставал от нас и всегда поддерживал как мужской голос. В последнее время очень подружился с Бабкеном, шел с ним за водой, за обедом, всегда обнявшись.

Младший сын Рубик, одиннадцати лет, славный мальчик, с хорошим слухом. Надоедал песней «Элерум». В первые дни плакал вместе с братом и матерью. Оба очень любили мать. Как-то ему на одной из станций стало плохо... Он в этот день с утра не ел и все хотел воду, а воды давно не было. Он сразу потерял сознание, страшно закатились глаза, и он упал, ударившись головой об рельсы. Мать подняла шум, а отец оставался спокойным. Эдику от этого стало плохо, побледнел и тоже потерял сознание. Все собрались, подняли шум, кричали, требовали воду, но ни у кого не было. Подоспел Петя с водой, с нашатырем и валерианкой.

Дургарян Григор – лет 65, ехал один. Его мы называли холостяком, хотя он в молодости был женат, жена и дети были убиты турками. Дургарянчик, как его называл Бабкен и все время смеялся над ним, был толстым, *ստուր րիւ, րիւ* – *с дряблым лицом*, с золотыми зубами, с большим животом и с поясом ниже живота. Брюки его все время падали. Мы находили сходство с Рипсима Мамаджановой². Он работал пекарем. Был богатым, все свое имущество оставил дальней родственнице. С папой сблизился и все просил, чтоб были вместе, *իր դարձերը ցիցիսինը ցիտմով, ու ցիտմեր էս չէմ գիտ, բայժ դուք կվերցնեք և կվերցնեք»* – *рассказывал папе о своих горестях и говорил: я не поеду, но вы вернетесь и возьмете*³.

С ним нам не было скучно, так как все начинали смеяться над ним, но он не обижался. Бабкен, как холостой, называл его своим другом, обнимал. Он очень следил за своим здоровьем, боялся простудиться. Он стеснялся просить у нас воду для питья. Дургарян спал внизу на своих больших мешках и когда я тоже спала внизу, то ему доставалось от меня: я, оказывается, во сне невольно пинала его ногами.

Мама его почему-то не полюбила, а папа жалел.

¹ Макака – прозвище жены деверя Грануш.

² Наша соседка – низкого роста, толстая, неграмотная, добрая женщина, уроженка села Узунлар (ныне с. Одзун) Армении.

³ Этот толстый пекарь, холостяк, имел, по его словам, богатство, которое где-то припрятал. Он хотел сблизиться с нашей семьей, обещая, что за наше хорошее отношение к нему скажет, где и что припрятано, мы вернемся и возьмем, а он, по его мнению, не доживет. Его как одинокого старика взяли в дом престарелых. Мы долгое время не имели своей крыши и не могли его опекать.

Семья Караханян – отец Николай, но все звали, как и в Тбилиси, *ճրշիշ* – *уважаемый господин*. Он был худым стариком, все время сидел на верхней полке, плохо кашлял, много курил и по ночам не спал. Все время сердился на сына и дочь.

Сына называл ласково *Փոփոլով* – *Пополом*, а дочь – *Улик* – *козленком*.

В конце он развеселился и начал задевать русских девочек на станциях, кричал: «*Моди, моди чемтан кало, ту ара, мамадзагло*»¹.

Рафик – *Փոփոլ* – *Попол* 1924 г. рождения. Мы его знали, так как он работал у никелировщика Вартана и часто заходил к нам. Худощавый – виднелись только кости – беззубый некрасивый молодой человек и несимпатичный. Говорил непонятно, как будто горячая картошка была во рту. В общем, повезло: и он, и Амаяк говорили непонятно. Был трепачом, хотя и ничего не представлял из себя. Часто доставалось от отца и сестры. Несколько раз он даже заплакал, и мы думали, что вот не придет. Отец все кричал с места: «*Աղջի Ուլիկ, ուրիշ Փոփոլը?*» – *Слушай, Улик, а где Попол?*

Офик – моего возраста, говорила со свистом, что ли. Многие говорили, что, видно, у нее не хватает, держала себя легкомысленно, все время задевала конвоиров. На станциях она ходила с нами обнявшись и часто целовала.

Семья Манукян – Арменак – работал грузчиком, спокойный дядя, с отсталыми взглядами. Жена – такая же, мы их всех называли «*վնճիլու*» – *вишвые*. Она все вспоминала своих дочерей и говорила: «*վաշ իմ Ամալիկ!!!*» – *Ой, моя Амалик!* Сын Сережа – лет семнадцати, спокойный, высокий интересный мальчик, по специальности сапожник. Имел небольшой голос и несколько раз удалось заставить спеть, пел песни Саят-Нова. Мы с ним подружились, он нам помогал при переброске вещей и вообще был хорошим парнем.

Младший сын Седрак – 14 лет, бедный, был даже без туфель, часто доставалось от матери и брата.

Карташов Бабкен – ванский армянин, шофер Закфронта, возил высший командный состав, бывший фронтовик-керчовец.² Оказался соседом по улице, Асик знала и его, и сына. Жил на улице Мерквиладзе, 9, во дворе у Сильвочкиной подруги Раст Амалии. Его забрали одного, оставив дома жену и двоих детей. Он попался совсем случайно, был за городом, ночью приехал, увидел, что город в каком-то волнении, что людей выселяют. Он заволновался за мать, поехал к ней, она жила у нашей Розы во дворе, как оказалось, ее уже выселяли. МВД, узнав, что он ее сын, вместе с ним поехали к нему на квартиру, где тоже оказались работники МВД. Жена успела уже приготовить ему вещи и так его забрали. Он на вокзале просил товарища освободить, но тот взял 400 рублей и исчез. Папа ему говорил, чтоб он не давал [взятку], но он не послушался и так пропали деньги.

¹ «Приди, приди ко мне, девушка, если нет – то ты сукина дочь» (груз.) (*ред.*).

² Керчовец – участник кровопролитных боев за Керчь, в которых весной 1942 г. погибла почти вся 390-я армянская стрелковая дивизия (*ред.*).

Бабкенчик веселил весь вагон. Он скрывал, что с нами едет его родная больная мать 85-ти лет. Не понимаю, что за политика. Бабкен все время смеялся над Дургаряном, устраивал танцы, организовывал хор – в общем, не утихал ни на минуту, хотя и жаловался на желудочные боли из-за язвы желудка. Мальчики другого вагона завидовали, что у нас бывало так весело. Все время играли на аккордеоне, пели, да еще и этот Бабкен.

Часто у нас бывал Сурик Самвелян, который скучал у себя, как-то привели «դիմի, գլխի» – зурна-доол¹ и танцевали азиатские танцы. В этот день была у нас и Сильва Какавян. Несколько раз приглашали и Эдика Казаряна. Когда проезжали станции с музыкой, люди удивлялись – такой ужас и вдруг музыка... Если играли на станциях, многие собирались у вагона. С вагона Бабкен задевал русских женщин и на станциях говорил, что возьмет в жены, они были этому рады.

Часто от безделья на ходу обливали людей водой, бросали «շիւղ-ւիւղ» – огрызки и этим глупостям радовались. Время в вагоне провели плохо.

Вагон № 35. Какавяны с бабушкой. Бабушка-сердечница, дома уже болела шесть месяцев, была уже при смерти. Она была вся отекая, ей трудно было дышать. У них же в вагоне были Казаряны, Бдеян. На станциях мы с Сильвой и Лилей Какавян бывали вместе, вместе лезли под вагоны и вместе бегали на станции.

Вагон № 33. Григоряны, Миша Рагимов с детками – все время ухаживал за детьми, а мать и не думала.

Как-то на станции я с Сильвой побежали и сели за большим баком, и он в это время опустив штаны, собирался приземлиться и вдруг, увидев нас, отскочил. Петя его не любил как еврея – слишком много говорил, вовремя не поднимался в вагон. Из-за его поведения доставалось остальным пассажирам. Петя часто закрывал их вагон, тогда как у всех [двери] были открытыми.

Там же была Егикян Кнарик с отцом, мать осталась больная, в больнице. Кнарик в дороге болела, был сильный понос, высокая температура.

Маруся, Жирайр, мать и отец.

Вардуш – ванеци², с длинным носом, забрали одну, оставив детей. Над ней часто смеялись. У нее как-то получился скандал. Петя вагон не открывал, а она хотела выйти, так и не открыли, и она была вынуждена сделать там же, на полу в присутствии всех женщин. Из-за Гено в этом вагоне происходили небольшие скандалы, но Арамаис смешил всех.

Вагон № 32. Самвеляны. Седу мы вообще знали, но не были знакомы. Она много переживала, плакала и мать с ней. Мать все показывала на нас, мол, вот они в таком же положении, предстоит то же, но они держатся хорошо. Девочка неплохая, в городе была одна из больших кривляк, модниц,

¹ Доол – двусторонний барабан, зурна – духовой язычковый музыкальный инструмент (ред.).

² Уроженка г. Вана (ред.).

все время встречали в ДКА¹. С первых дней она чувствовала себя плохо, были запоры, температура 37,5, общее недомогание. Постепенно ей становилось все хуже и хуже. Я делала все, что могла, давала нежнопослабляющие средства, сульфадин. Часто у нее бывал врач, но ей становилось хуже. Младшего брата они забрали из больницы, где он оперировался по случаю тендовагинита. Сурик часто бывал у нас и приносил сплетни, которые ему удавалось разузнать у военных – у Гриши. Гриша был здоровым, добрым парнем, с широкими губами.

Там же была Вардануш Абагян – *ванеци*, привезла все свои вещи, все барахло, даже половую тряпку и очень дрожала над барахлом. Ерванд – холостяк, *ванеци*, который дрожал над своим тюфяком, не понимаю, что было там. Ел все супы и борщи по несколько раз в день. Семья Костика, фамилию их не помню. Братья Рафик и Сурик. Семья Нины, фамилию не знаю. Где-то в начальных вагонах были Шалджяны со слепой бабушкой, которая уже 40 лет не видит.

В 12-м вагоне была семья Рафика Манасяна. Рафик был в моем положении – он 16-го июня должен был защитить диплом в ТБИИЖТе (эксплуатационный факультет). Мы с ним познакомились через семью Дабагянов. Мы с ним на станциях говорили очень много, когда начинал что-нибудь рассказывать, то не было конца.

Воду доставать было очень трудно. Как-то мне удалось набрать два чайника, и когда проходила мимо вагонов, то все с кружками в руках просили по полкружки для детей. Я не могла отказать и так раздала один чайник. Приходилось часто кричать «вы же бессовестные, нельзя же оставлять без воды!» Приходилось пить грязную воду. На каждой станции разная вода и та доставалась с боем. Мы боялись, что начнется дизентерия от такой воды, но, слава Богу, этого несчастья не случилось. На станциях, где стояли недолго и не пускали идти за водой, мы просили у стоявших на вокзале людей, и если они нам не шли навстречу, мама начинала их проклипать за бессердечность, и мы тоже ее поддерживали. Но некоторые бежали даже домой и оттуда тащили и всем раздавали понемногу.

Как-то пошел сильный дождь. Крыша начала протекать. Я организовала стирку, детям дала по кружке, тазику и они, сидя у окна, начали собирать воду и водой, собранной по капельке, я сделала порядочную стирку. Завязали веревку и повесили в вагоне же.

Семья Давтян – они были в начальных вагонах, вместе с Грантиком (Пушкиным²) и Барсегом-фотографом. Давтяны часто приходили к нашему вагону и к Кнарик. Сын Барсега был умалишенным.

Ехал с нами и Гарник Бахчанян, одновременно забрали его жену, с которой он был в разводе, и дочку – Мелуш. Его русская жена, увидев ужас на

¹ Дом Красной армии (*ред.*).

² Мы его так называли за кудрявые волосы.

вокзале, не захотела ехать с ним. И он передал ей все свои хорошие вещи, отрезы.

Наш Ваник все время гулял с одной девочкой Арус, в черном платье и, как потом выяснилось, он чуть ли не собирался жениться на этой распущенной особе, которая ходила все время с ним под руку и курила.

Какоян Гага – с рыжим мальчиком и со славной дочерью Валею.

* * *

После Сталинграда проехали г. Златоуст, я его, кажется, и не видела. Он очень запомнился Сильве и Лили.

Днем проезжали г. Пензу. Стояли порядочно. Нас взяли в магазин, была большая очередь, но Гриша с Петей провели нас без очереди. Накупили много разных консервов, конфет. Натаскали воды. Здесь, у магазина стояли русские женщины, и я с папой начали расспрашивать, не знают ли Люсю, которая вышла замуж за армянина Сурика Ованесяна. Город был большой, так что ее не знали. Когда поезд тронулся, мы смотрели через щель, так как город был позади, город был весь в зелени, очень красивый, с белыми домами, как на курортах. Город всем понравился и многие его запомнили. Сильва и Лили высунулись из окна и смотрели на город через крышу. Мы тоже часто пробовали так смотреть, но не могли, боялись.

К Куйбышеву подъехали днем. Всех старших по вагону взяли на станцию за обедом. Кое-как пробрались я, Асик, Сильва, Сильвик, Офик Карahanян. Обед выдавали со двора, заходили по очереди, каждый конвой брал своих старших по вагонам. Значит, наш старший должен был зайти в последнюю очередь. Мы начали просить Петю, Гришу, Мишу как-нибудь пустить нас в город. Петя все обещал, но лейтенанты были кругом, там же вертелся подполковник. Там во дворе было и отделение связи, и мы решили дать Армик телеграмму, что живы-здоровы, едем дальше. Несколько солдат стояли, не пропуская в город. Со двора уже был виден город, было оживление, много народу, все направлялись к вокзалу. Из конвоя остался один курносый парень, мы его знали мало. Петя подошел и попросил отпустить нас, но он не согласился. Мальчики его заняли разговором, а в это время мы по несколько человек удирали. Они пользовались тем, что мы тоже занимали солдат.

Разве можно было отказывать, когда столько просили, мы умоляли пропустить нас на пятнадцать минут. Лейтенант сердился, когда видел много лишних у столовой. Наконец, он согласился, и мы сразу очутились в городе. Мы придерживались друг друга, чтоб не потеряться среди этого шума. Оглянулась назад и вижу – Бондаренко Григорий и лейтенант тоже поднимаются к городу, мы испугались, что они увидят, но повезло, и мы пробрались в город.

Я в горошке, в босоножках, потом обнаружила, что сзади подол весь был распорот и порядочно висел. Мы все были черные, растрепанные. Мы бежа-

ли, так как до отхода оставалось мало и было дано всего 15 минут. Если бы он пропустил нас раньше, мы бы увидели многое, но он согласился нас отпустить слишком поздно, так что и мы боялись отстать от этого несчастного эшелона. Пробрались в город и начали расспрашивать то у милиционера, то у какого-то гражданина, как выйти на главную улицу города. Хотя мы не шли, а бежали, мы уже начинали задыхаться и решили до нее все же не идти. На все мы смотрели, как голодные звери, за эти несколько минут было большое желание увидеть как можно больше и все лучшее. Город нам, в общем, понравился, около вокзала было несколько двухэтажных деревянных домов, улицы были красивыми. Увидели трамвай, троллейбусы, автобусы, легковики и очень радовались этому, так как уже столько дней не видели. Возле вокзала был большой гастроном, там Офик купила конфеты. Мы бежали обратно, а Сурик Григорян и Рафик, брат Костика, стояли у будки и довольно-таки спокойно пили пиво. Когда же дошли до вокзала, уже был виден этот большой двор, но никого уже не было, все успели взять обед и пойти по вагонам, остался один папа, который стоял у ворот и очень волновался, что мы запоздали. Темп наш еще больше ускорили, так как все думали, что отстали от своих.

Мы были очень довольны, так как хоть увидели этот город, имеем малейшее представление. Проезжали и останавливались в стольких городах, а нам не разрешали проходить. В Куйбышеве я совершенно спокойно могла не возвращаться к эшелону: из-за нескольких человек состав бы не остановили, а мы, дураки, опять бежали к этому несчастному эшелону. Ведь была полная возможность скрыться и вернуться обратно, надо было немного рискнуть и, если хоть немного варила бы голова, то надо было отстать от эшелона и все, и этим я спасла бы себе и сестрам своим жизнь и счастье. В общем, вовремя не сообразили.

Бабкен наш здорово погулял в Куйбышеве. Он хотел увидеться со своим бывшим хозяином, генералом Дубовым, нанял такси, разъезжал по городу, но тот уже был в Москве. В городе Бабкен встретил наших мальчиков и их тоже посадил к себе в такси. Наши мальчики – Арам и Жирайр на полном ходу трамвая прыгнули в него, все обращали внимания на черноволосых парней и на их поведение.

Если не ошибаюсь, после Куйбышева мы проехали Волгу, через большой километровый мост (так говорили конвоиры), но наши девочки, инженеры-железнодорожники, говорят, что было 600 или 800 метров, а не один км. Я отметила даже время, за которое проехали мост, мы все стояли у открытых дверей, держались друг за друга и смотрели на этот замечательный, большой, красивый мост. Такой мост я видела в жизни впервые и, может быть, в последний раз, он хорошо запомнился. Я никогда не могла подумать, что Волга такая широкая и красивая. Одна красота проезжать через такой мост и видеть внизу пароходы на реке. Нам в Куйбышеве работник связи с почтового вагона сказал, что проедете сорок км, там дорога раздваивается – если

повернет направо, то, значит, берут в Среднюю Азию, если налево, то значит в Сибирь. Мы увидели и отметили это место и с напряжением следили, куда повернем. Мы почему-то хотели в Сибирь и очень обрадовались, когда повернули налево. Начали радоваться и остальные пассажиры, увидев, что мы рады этому. Мы даже начали прыгать и кричать – «ай, как хорошо, что в Сибирь, там хорошая рыба, масло, молоко зимой в виде форм», как рассказывал папа. Он ведь с 1912 по 1916 г. жил в Иркутске, видел много хорошего и все хвалил Сибирь, которая славилась своими богатствами. Значит, мы ехали в С И Б И Р Ь.

Хорошо запомнился Урал своей замечательной природой. Эта красота запечатлелась в памяти. Реки и река Урал были очень чисты, были видны камешки, вокруг красивые, невысокие горы с зеленью. В общем, было очень красиво, мы все восхищались этим. Река Урал судоходная, по ней плыло много плотов, иногда на них бывали и люди, мы им махали, удивлялись их смелости.

Горы Урала были покрыты лесами. В городе Уфе стояли недолго, на вокзале местные просили спуститься к ним, обещали дать работу и местожительство. В Челябинск приехали днем. Мы мечтали, чтоб нас оставили там, так как там много заводов и можно будет найти работу, но проехали и Челябинск. В городе было много заводов, город большой, хороший, нам всем понравился. На одной из станций встретили состав Челябинск – Москва. Мы всегда радовались встречному поезду. Я это никогда не забуду, ноги мои были грязные, и я в таком виде спустилась в босоножках. С состава смотрели довольно-таки приличные люди, мне сразу стало стыдно, я поднялась в вагон, вымыла ноги и так спустилась. Некоторые с вагона принимали нас за цыган. Вагоны были с исключительными удобствами. Мы завидовали людям, сидевшим там и мечтали о том дне, когда и мы возвратимся в этих вагонах. Люди со всех встречных вагонов смотрели с большим удивлением и, если бывало настроение, мы посылали им приветы и они также.

После Тихорецка мы часто, на разных станциях встречались с эшелонами из Армении, а со вторым тбилисским эшелоном больше не встретились. Там было мало городских, среди них было много приезжих армян из заграницы. Мне и Асик запомнился интересный молодой человек – *ախարենոկ* - *ахпаренок*¹ – мы оба влюбились в него, заговорили с ним через щелку из нашего вагона, его вагон стоял напротив, сзади.

Мы нашим армянам раздавали оставшийся у нас хлеб. Они с удовольствием брали даже хлеб, покрытый плесенью. Они жаловались, что их не снабжают хлебом.

Как наш эшелон встречался с каким-нибудь эшелоном из Армении, мы все кричали во весь голос – «*որ տեղացիեր?*» – *Откуда вы?* Одни кричали – «Ереван!», другие – «Севан!», третьи – «Амамлу!» и т.д. и т.п. Если нас счита-

¹ В Советской Армении армян-репатриантов 1946–1948 гг. называли «ахпар»ами (от слова «ахбайр» – брат, которое на западноармянском звучит как «ахпар») (*ред.*).

ли бывшими турецкоподданными, то в чем же были виновны они, которые родились, выросли на земле армянской, которые никогда не были в руках у турков. Все это было непонятно. Мы им кричали «*ըր տեղացիք?*» – *Откуда вы?* – а они, в свою очередь, нам. Мы все вместе протяжно кричали – Тифлис, Тифлис, Тифлис¹. Эти встречи происходили очень часто. Как-то мы опять стояли вместе, папа начал расспрашивать у их начальника эшелона, армянина: «Куда везете и зачем?» Он улыбнулся и не мог ответить. Ему самому, хотя он был работником МВД, было больно выселять, разорять своих же армян. Он очень удивился тому, что во всем нашем эшелоне нет ни одного грузина и даже не верил этому. Мы так уже привыкли кричать «*ըր տեղացիք?*» – *Откуда ты?* – что это же самое кричали и обращались к товарным поездам, к другим пассажирским. Особенно это нравилось Сереже Манукяну, он вначале очень стеснялся нас, но в конце ничего, разошелся.

Это было после Челябинска – прибежала медсестра и спросила: «Кто здесь врач?» и позвала к эшелонному врачу. Оказывается, болел ребенок, и он, как венеролог, не мог установить диагноз и провести лечение, решил обратиться к моей помощи. Мы вместе пошли к больному ребенку. Мальчик был около двух лет, армянин. Состояние ребенка было тяжелое. Я его как следует осмотрела, послушала. У ребенка были менингитные симптомы, мы вывели диагноз: менингит серозный. Я назначила сульфидин, но у врача его не было. Я решила дать свой, он боялся назначенных мною доз. Он жаловался мне, что, как видно, мать не проводит назначенное лечение – не дает ребенку лекарств и из-за больного ребенка хочет отстать от эшелона и остаться в какой-нибудь городской больнице. Врач эшелона не в силах был это сделать, а она его все не понимала. Она не верила, что я такая же высленная, как и она, просила меня устроить ее в больницу. Я же все говорила, что я такая же, как и она, и не пользуюсь абсолютно никакими правами. Весь эшелон сразу узнал, что я врач и что меня вызывали к тяжелобольному ребенку. Каждый считал нужным спросить меня отдельно. Назначенное мною лечение было проведено и ребенок через несколько дней, уже в городе Томске, совсем поправился. Многие узнали и радовались тому, что мною был поставлен правильный диагноз и проведено правильное лечение. Ребенку на второй день было хуже, врач опасался за жизнь ребенка, он отвечал за него. Он пришел и вызвал меня к себе в офицерский вагон, и я вместе с ним составила акт или протокол. Он не знал, как выразиться, а я ведь только недавно проходила судебную медицину, так что знала, как составляется акт. Акт начинался словами: «Мы, нижеподписавшиеся – Антонов Анатолий А. и спец. переселенка, врач, из эшелона 96.116, при исследовании ребенка обнаружили то-то и то-то». С этого дня я узнала, что мы считаемся специальными переселенцами и что наш эшелон 96.116. Все опять начали расспрашивать, что хотели от меня и что я сделала. Рафик Мана-

¹ В армянских источниках город Тбилиси со времени его основания именовался «Тпхис». Это название в дальнейшем видоизменилось в Тифлис. Оно употреблялось не только армянским населением, но и в официальных российских источниках (*ред.*).

сян очень радовался и все говорил, что у меня уже есть авторитет среди эшелонцев, что из меня получится хороший врач, что со мной уже считаются. Он все успокаивал меня, что для меня найдется везде и всюду работа, что везде будет почет и уважение как к врачу, а он ведь инженер, не везде он нужен, и сожалел, что не кончил медицинский институт.

Тетрадь № 2

После Челябинска спустились на юг, ехали по Казахской ССР. Из Казахской ССР хорошо запомнилась одна из станций и г. Петропавловск. На этой станции вояки¹ сказали, что будем стоять долго, так что можете гулять спокойно, семафор был закрытый. Стояли в красивом месте, перед нами были поля, покрытые травой и цветами. Все сразу спрыгнули с вагонов. У Асик болела нога, она получила растяжение связок коленного сустава, так как как-то неудачно спрыгнула с вагона. Я с Офик Караханян под руки пошли далеко в поле, приятно было идти по этой траве. Обернулись и самим стало страшно, что находимся так далеко от нашего эшелона.

Нарвали букет полевых цветов и пошли к передним вагонам. Вдруг крикнули: «По вагонам!», семафор открылся, а мы были далеко от нашего вагона. Побежали, задыхаясь, поднялись.

Хорошо запомнилась станция г. Петропавловск. Стояли днем и довольно-таки порядочно. На станцию пробрались я, Асик, Сильва К., Кнарик Егикян и Маруся. Пошли с чайниками и молочницей, хотели набрать воду из крана на станции, пустили как раз кипяток. На станции стоял московский поезд, так что и они тоже спустились за кипятком. У кипятка была небольшая очередь. Может быть, там до нас произошел небольшой скандал, так как женщина, которая регулировала краны кипятка, когда мы подошли и уже набирали, начала кричать, ругаться, что нам не будет выдавать. Мы очень разозлились и не отставали от нее, тогда она нам говорит: «Вам так и надо было, жаль, что так везут, надо было еще хуже». Ох, эти слова как подействовали на нас, она все это говорила в присутствии приличных людей. Тогда мы уже не постеснялись никого и начали эту ведьму, дуру ругать вовсю, как попало. Мы ехали без какого-нибудь обвинения, мы и так ни на минуту не могли забыть наше горе, и вдруг какая-то русская дура мне говорит эти слова. Я пригрозила, что заявлю начальнику, но и это на нее не подействовало, она закрыла кипяток. А я сделала свое, пошла искать начальника станции. Его не нашла и зашла к военному коменданту, все рассказала, но под конец от злости не смогла сдержать слезы и начала громко плакать и говорить: «Я пока советская гражданка, я должна пользоваться всеми правами» и все в этом роде. Вышла, девочки наши начали успокаивать, мол, не стоит обращать внимание на таких дураков, но все же мы были задеты за живое, боль нельзя было успокоить, рана такая не могла так

¹ Здесь – конвоиры (ред.).

быстро зажить: ведь тебя считали и прямо говорили в лицо, что ты – ничто, ты заключенная, а без вины трудно перенести это.

Зашли в ресторан станции. Там было много народу с московского поезда и из наших. Нам захотелось пива, и я с Асик выпили по кружке пива. Маруся и Кнарик взяли пряники, а мы консервы. На станции поели и мороженое.

После Челябинска проехали реку Тобол и Ишим – притоки реки Иртыш (Иртыш приток реки Обь). Ишим пересекли в Казахской ССР. Проехали большой мост через реку Иртыш, затем въехали в г. Омск, он стоит на реке Иртыш.

Мы думали, что оставят хотя бы здесь, но напрасно.

Когда уже отъезжали из г. Омска, на другой линии, сзади увидели стоявший встречный поезд. Мы остановились одновременно. Оказывается, этим составом ехали два тбилисских парня – один армянин и один грузин. Узнав, что стоит эшелон из Тбилиси, а до нас они встречали и другие эшелоны с Кавказа, они спустились и начали искать знакомых, боялись, что будут и родственники. Мы сидели как раз в дверях вагона, свесив ноги. Я заметила, что эти парни что-то похожи на кавказских, но в то же время они не из нашего эшелона. Эшелон я уже знала довольно-таки прилично.

Они искали блуждающим взглядом, особенно армянин. Грузин был настоящим деревенским парнем. Они подбежали к вагону и начали быстро расспрашивать о некоторых, фамилии не помню. У них было слишком мало времени, побежали чуть вперед и повернули назад, так как состав уже отходил. Уходя, армянин говорил: «Վայ, եւ ինչ օրովմեք, րայց ոնչինչ, պիւղ լիցեք, պիւղ» – *Ой, в каком вы состоянии, но ничего, держитесь, держитесь.* Успехов пожелал нам и грузин, мы все же и для него были близкими, помахали нам и побежали. Они ехали из Красноярска, из командировки. Это была очень трогательная сцена.

Город Новосибирск расположен по обоим берегам реки Обь. Приехали рано утром, стояли порядочно. Всем очень понравился большой, красивый, белый вокзал. К этому городу, хотя мы его совсем не знали, была какая-то симпатия. Мечтали, чтоб нас оставили хотя бы там, даже об этом были небольшие сплетни. На станции стояли порядочно, но спуститься нам не разрешили. Перед нашим эшелоном остановился пригородный поезд. Мы смотрели из нашего окна, откуда вообще каждый день смотрели часами подряд, доходили до дурноты.

Все пассажиры спустились, остались только два симпатичных парня лет 20-ти. Они стояли как раз напротив нашего вагона. Мы им тоже понравились своим разговором, расспросили, и они потом не уходили. Им было интересно посмотреть и поговорить с кавказцами. Они были из района Новосибирской области. Я начала расспрашивать, не видели ли они, чтоб где-нибудь близко шла бы стройка, ждали бы новых – я была уверена, что нас оставят в Новосибирской области. Начали расспрашивать, есть ли фрукты, овощи и

очень удивились, что есть огурцы, помидоры и т.д. и очень радовались этому. Расспросили, какие есть институты, какие факультеты.

Проехали Обь через большой мост.

Не оставили нас и в Новосибирске. Так мы поехали еще дальше.

Толчки невозможно было переносить. Не могли ни сидеть, ни лежать, подбрасывало всюю. Когда лежали, просто руками придерживали грудь, или живот. Мы думали, что получим сотрясение мозга. От усталости засыпали, но когда просыпались, от этих ужасных толчков невозможно было уже снова заснуть. Когда сидели на верхней полке, несколько раз от этих толчков голова ударялась об потолок. Дни проводили у окна, если даже жарило солнце, просто сидели у окна часами и на все смотрели с большим интересом. Очень радовались какой-нибудь станции и встречному поезду.

На каждой станции бросали письма и смотрели, подберут их или нет.

Зеленая шляпа моя была завернута в косынку и висела с потолка. Пальто всех наших и шуба моя просто портились, все пачкалось и мялось.

Близ Новосибирска как-то вечером сразу полетело большое количество комаров, стрекоз, невозможно было избавиться, был тихий ужас.

До Томска долго стояли на станции Тайга – в 90 км от Томска. Здесь переменили направление к северу. Мы сошли, спокойно гуляли на станции и вдруг видим, что без всякого предупреждения наш эшелон тронулся, оставив позади несколько вагонов. Мы все испугались, что отстали от эшелона, все начали бежать, но догнать было невозможно. Нас начали успокаивать, что это меняют направление. Стояли до вечера.

Говорила со сторожем, настоящим сибиряком, и от него узнала, что в 1941 г. были угнаны сюда поляки, литовцы, что многие поляки эшелонами вернулись обратно. Узнала, что в 1929 г. также были переселены тысячами кулаки. А про нас говорил, что поговаривают, якобы выселили за плохую работу в колхозе. Я начала смеяться, что мы из города, что я, например, врач. В Тайге я опустила несколько писем. С помощью Миши удалось взять воду. А Асик поскандалила с противным конвоиром – с пластырем на лице.

От Тайги одна ветвь вела к Владивостоку, другая к Томску. Мы уже стояли на Томской ветви. Здесь один из железнодорожников сказал, что 40 км будем ехать по самой тайге. Но тайги, как тайги, все же не было. Леса были небольшими группами, между ними поля. По всей Сибири видели только одну картошку и этому тоже удивлялись. Правда, кругом была высокая трава, и папа все говорил: «Вот это да, какой хороший корм!» На станциях Сибири продавали картошку – ведро 3 рубля, но мы все же не взяли, так как не знали, куда себя девать, не то что картошку.

В Томск приехали утром, был сумрачный дождливый день, просто не хотелось вылезать из вагона. Здесь только я и Грануш не вытерпели и начали

рассматривать себя, и – какой ужас: сколько паразитов-вшей, хотя и белье меняли часто. Без всякого стыда начали уничтожать их.

Здесь, наконец, и то с трудом, узнали, что приехали. Но поговаривали, что должны ехать еще по воде, но просто не хотелось верить этому, и мы все же говорили, что это вранье. Подполковник обошел нас и начал делать замечания мужчинам, почему они не побриты, что надо уметь жить при всяких условиях, а мужчины в ответ, что им не до бритья. Дождь лил во всю, кругом грязь.

Приехали I Томск и стояли на товарной станции II Томска. I и II соединяет единственный трамвай. Томск стоит на притоке Оби – реке Томь.

Начали по очереди открывать задние двери вагонов, сзади подъезжали грузовики и выгружали весь вагон сразу. Мы еще не знали, что нас не оставляют в Томске. Собрались и мы, посчитали наши вещи, надели все хорошее. Вдруг открыли и наши двери. Я подошла к шоферу и спрашиваю: «Хорошие домики приготовили для нас, каждому дадут отдельную квартиру?» Он дал мне положительный ответ.

Но когда мы кое-как сели на машину, пошел проливной дождь, мы прикрыли вещи большим ковром, я надела дождевой плащ, Асик накинула Сильвочкино старое маленькое зимнее пальто, все съежились и кое-как устроились на машине. Как машина тронулась, мы начали громко плакать и никак не могли успокоиться. Как будто было предчувствие, что возьмут в более худшее место, что чем дальше, тем лучше. Ехали мы по закоулкам, так что и не смогли рассмотреть второй Томск. Машину нашу сопровождал Миша с автоматом в руках. Доехали до каких-то больших ворот, была надпись – запретная зона. Мы сразу же сообразили, в какую ловушку попали. Открылись ворота, и работники МВД приняли нас.

Сразу увидели два больших белых дома с какими-то деревянными завесами что ли в виде воронки. Кто-то из наших сразу сообразил, что это тюрьма. Мама начала говорить: *ψω, ψω, hɪuʃ ɾɒɪɾ ɸɛʒɛɾɾ ɸɪɪɛɛ, ɪɛɸɛɪ ɸɸgɪɛɛ ɾʃɪɸ – ой, ой, сейчас все вещи отнимут, а нас посадят в тюрьму.* Дождь не переставал, мы все уже были мокрыми курицами. Подъехали к большому бараку. Народу уйма, все тащат с шумом свои вещи в барак, а конвой не пускает, разрешает только постель. Один кошмар, я даже не хотела спускаться, а шофер торопил. Пришлось все тащить вниз, все мокло, так как не имели ни чемодана, ни сундука. Все хорошее добро было в чехлах тюфяка. Спустили у барака, а сверху все начало капать, все вещи как следует промокли. Кто-то из наших пробрался в барак, занял самый угол этого большого длинного барака, начали постепенно, украдкой перетаскивать и остальные вещи, чтоб конвой не заметил. Боже мой, какой был ужас. Все искали себе убежище, каждый искал уголок, где бы скрыться от дождя. Люди тащили всякие доски, ящики, листы железа и начали готовить себе прикрытие. Многим удалось выстроить что-то вроде маленьких комнаток, где могли укрыться от дождя и спрятать последнее свое

добро. Мы вначале часть вещей оставили во дворе, но затем удалось перетащить и это.

В Томск доехали 30.06.1949 г.

В бараке был один ужас, все навалили свои вещи, не было дороги пройти в наш конец, наступали всем на ноги, спотыкались.

Ближе к двери, посередине, разместились Давтяны. Манасяны устроились неплохо, было место, где поспать. У нас же делалось невозможное, все было навалено друг на друга, мы не могли понять, в какой части наши вещи, не пропало ли что-нибудь.

Весь наш вагон был на этом левом углу. Рядом был Бахчанян Гарник, Какояны. Часть из вещей была во дворе, так что мужчины ночевали там. Настала ночь, но никак не темнело. Я влезла на вещи и устроилась на ведре что ли, было очень больно, ноги немели, не могла ни двинуть ногами, ни пошевелиться. Также еле-еле нашли себе место и остальные, все сидели. К вечеру стало холодно, дрожала, но сидела. С другой стороны, еще боялись, чтоб не утащили вещи. Все портилось до невозможности. Мы жили в конюшне томской тюрьмы, с потолка висели всякие сани. В дверях был фэтон, там расположилась шулаверская старуха, которая ехала одна, ей было 82 года¹. Ее впоследствии все так и звали «*ჟენიციანი ფაეტონის ტომსის ბარაკიდან*» – «женщина из фэтона томского барака». После нас привезли кировабадский эшелон и бакинский.

Во дворе делалось невозможное, столько народу, целый парад. Какавяны были под открытым небом, постель несколько раз мокла и высыхала. Кнарик устроилась в маленьком, вновь выстроенном из досок, домике. Некоторые полезли в какую-то землянку. Как выходило солнце, мы все вылезали наружу, ходили по двору, знакомились с нашими и с другими эшелонами. В барак не хотелось заходить, не могла видеть этот ужас, это наваленное барахло и столько измученных людей.

Седу Самвелян поместили в больнице, там же во дворе. В больницу легла и мать т. [тикин] Виктор². Они лежали в одной палате. В день несколько раз мы ходили к Седе, жалко было оставлять ее одну. Ночью все женщины с детьми спали в палатах и коридорах больницы прямо на полу, невозможно было даже пройти. Я познакомилась с врачом и фельдшером больницы, они отнеслись с уважением, сочувствовали мне и сразу дали все, что я просила из лекарств.

В больницу приехала аптечка, и я смогла закупить разные лекарства.

Во дворе был кран, так что все как следует умылись, затеяли стирку.

¹ Одинокая старушка из городка Шулавер в Южной Грузии. В свое время она занималась революционной деятельностью и была сослана в Сибирь.

² Арпик и ее сестры тетю Викторию называли «тикин Виктор» («тикин» – госпожа по-армянски). Во всех остальных случаях, когда автор употребляет «т.», имеется в виду слово «тетя». Когда употребляется «д.» – имеется в виду «дядя» (*ред.*).

Во дворе начали разогревать самовары, варить картошку. Многие варили в самом самоваре. У нас не было картошки, нечего было варить, и мы с большим аппетитом и жадностью смотрели на чужие кастрюли с картошкой. Раз даже я простояла больше часа, чтоб получить одну картошку от Маруси, а она все тянула, не хотела делиться. Кнарик было неудобно давать (картошка была не ее). Как попадет одна горячая картошка кому-нибудь в руки, мы отнимали друг от друга, делили на маленькие кусочки. Всякая картошка нам казалась очень вкусной. Дежурные пожарники по тюрьме не разрешали разводить костры, разогревать самовары, они шныряли и даже выливали воду из самоваров, тушили костры. Все просили еще 5 минут, с такими трудностями разжигали костры, а они водой тушили. У этих людей абсолютно не было совести. Несколько раз мы тоже поставили самовар. Папа в магазине (который был во дворе тюрьмы) купил масло и много варенья. Мы как следует питались. *հոբիւերս ղոս եկալ, լալս տանջվեցինք» – чуть дух не испустили, совершенно измучились*, потому что негде было спать, *կոսորվուեինք – намаялись*. Во дворе тюрьмы встретила с инженером Розой, которую забрали одну. Мы с ней когда-то были знакомы, она у нас брала кровати.

Во дворе постепенно начали знакомиться со многими. Нас уже знали все. Мы гуляли как по проспекту Руставели, все шли большими группами. Часами разговаривали с Рафиком Манасяном.

Начали писать заявление в томское МВД. Опять создавалось дело для меня. Все незнакомые узнавали мое имя и подходили с просьбой написать заявление. Я здорово извелась, но своим землякам нельзя было отказывать. Ведь бóльшая часть были малограмотными, а написать надо было. Написала я и групповое заявление со стороны фотографов, они просили поместить их ближе к центру. Подписались Грант Петросян (Пушкин), Гурген, Гарник Бахчанян, Барсег.

Как-то я с Асик и Сильвой Какавян гуляли, тут началось волнение. Группа людей начала волноваться, к ней присоединились еще и еще, они возмущались тем, что невинных забирают черт знает куда, говорили, что никуда отсюда не выедут, пока им не скажут, в чем обвиняют, не разберут их дела. Они собирались писать коллективное заявление. Миша Рагимов кричал больше всех: «Не уедем и все». В это время проходили мы, они увидели нас и все с просьбой написать коллективное заявление обратились ко мне. Все умоляюще просили. Я уже не знала, что делать. Все говорили: *«թե որ մենք անգրագետ են, գրի ղոս կոսորվուով անչիկես, օբնի մեզ, կարողա օբնի» – мол, мы безграмотные, напиши, ты девушка с образованием, помоги нам, может сработает*. Рафик Манасян говорил то же самое. Я уже начала обещать и руководить ими, отвела всех в сторону и сказала, чтоб мне не мешали. С Рафиком Манасяном отошли в сторону с бумагой и карандашом в руках. А в это время я быстро послала Асик найти папу и спросить, что мне делать, писать или нет. Асик прибежала и, моргнув, дала знать, чтоб не пи-

сала. Я уже не могла удрать, опять вокруг собралось много народу, пришел на помощь и папа. Он разъяснил, что коллективные заявления не принимают. Я кое-как удрала.

Как-то двое с кировабадского эшелона хотели познакомиться с нами. По лицу они уже определили, что мы люди с образованием. Молодой из них стеснялся знакомиться, другой оказался смелее и начал знакомиться, попросив кружку, хотя ему и совсем не хотелось пить. Они были азербайджанцами. Один был студентом института восточных языков 5-го курса. Ему так же, как и мне, не дали возможности сдать государственные экзамены. Он говорил по-русски с азербайджанским акцентом. Другой был инженером. Мы с ними познакомились, погуляли, они приглашали на свою сторону. Как-то мы пошли в гости и к ним. Там было много интеллигентных азербайджанцев. Среди них был и студент 5-го курса Бакинского мединститута. Ему тоже осталось сдать те же предметы. Я его успокаивала и передала те советы, которые мне давал наш врач Антонов.

Как-то решили повести всех в тюремную баню. Мы долго колебались, но, наконец, решили пойти. Боже мой, какой был ужас. Эту баню я в жизни не забуду. Все были грязные, вшивые, некультурные. Все ругались еще перед тем, как войти. Сдавали всю одежду на дезинфекцию на кольцах без всяких номеров.

Принимали мужчины. В голом виде надо было подойти и одеть одежду. Увидев это безобразие, я начала протестовать, требовать женщину, но напрасно, получила даже пару красивых слов. Больше часу сидели и мучились на полу, ждали пока выйдет та первая партия. В самой бане была невозможная грязь, уже успели там же сделать, стоял жуткий запах, а шум какой, ой!!! Женщины дрались, кричали, тащили друг друга за волосы, а мама все ругала меня, что это я уговорила идти в баню. Но было поздно, уходить уже нельзя было. Все с шайками¹ подходили к двум несчастным кранам, там толкали друг друга, били, ругались. Я кричала, хотела успокоить этих зверей, но почти никто не слушал. Приходилось и мне делать все то же самое. Кое-как помылись и удрали. Банщиком был тоже мужчина. Около нас стояла Ануш Арутюнян и в этом шуме громко пела. Мама подумала, что это радио.

Вот попробовали и тюремную баню.

Дежурные наши сменялись через 12 часов, остальные конвоиры гуляли по городу, шли на танцы, даже произошла большая драка – все конвоиры набили двух граждан из-за девушки и удрали. Через татарина передала несколько писем. Миша помогал покупать серый хлеб, папиросы. Многие всю ночь не спали, несколько раз раздали обед и хлеб. Каждый старший конвоир искал свои вагоны.

Несколько раз устроили танцы во дворе, играли *qhnj qnlbush* – *зурна-доол*, танцевали кавказские танцы, а все офицеры с большим любопытством смотрели.

¹ Деревянные тазики.

Как-то опять дождь пошел, и из-за турчанки¹ начали семьями выводить на улицу под дождь, а женщин с детьми устраивать на их места. Все солдаты и офицеры шныряли по бараку, искали, кого вывести. Мы сразу сажали Рубика, Эдика, Сильву, но их за детей не принимали. Им было неудобно выводить и нас, но все же много пришлось пережить и из-за этого.

Все говорили, что должны отправить по воде дальше на север. Одни говорили, что доплывем за 4 дня, другие – за 10–12 дней. Не хотелось никому верить.

Как-то появились начальники из Томского МВД. Всех собрали в одном месте. Полковник поднялся на возвышенное место и начал говорить о нас. Я кое-как пробралась вперед, в руках у меня были готовые заявления. Он сообщил нам о нашем несчастье – **«Вы выселены пожизненно, без права выезда из Парбигского района Томской области, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25.11.1948 г.»**.

Права голоса не лишаемся. Все студенты с незаконченным образованием имеют право продолжать учебу в высших учебных заведениях, специалисты устроятся на своих местах. Но он не говорил, какие именно люди подлежат этой высылке по этому жуткому указу. Он говорил, что все остальное узнаете на месте, где будете жить под надзором комендатуры. Он также сказал, что государство выделяет вам ссуду на покупку домов и коров, в сумме 5000 рублей, которые должны выплатить в течение 7 лет.

При известии о пожизненной высылке одной женщине стало плохо, но шум не поднялся. Как будто все, также и я, предчувствовали это, и как будто это не было новостью для них. Полковник прочел там всякие указы, сообщили, что тот, кто после заслушивания всего этого сбежит – получит 25 лет, а за укрывательство бежавшего дают 5 лет.

Затем он начал собирать заявления, немного собрал и перестал. А все думали, что он может сыграть какую-нибудь роль в разрешении нашего дела и начали умолять, чтоб принял. Он был не из плохих, а что ему стоило все собрать и не прочесть. Я подошла ближе, просила долго, и так как была в шляпе, он обратил на меня внимание и взял и у меня. Потом он спустился, все окружили, поступала тысяча вопросов, он старался всем ответить. Несколько вопросов задала и я, и, между прочим, спросила – разве выселяют работников МВД. Ему все порядочно надоело, и он еле избавился от нас.

03.07.1949 г. С утра пришли работники областного МВД, милиции и актив города, чтобы провести регистрацию выселенцев. Они объявили, что мы являемся спецпереселенцами.

На регистрацию шли по вагонам, несли свои паспорта и остальные документы. Среди МВД-шников был один симпатичный еврей. Он относился

¹ Одна из выселенных, видимо, с маленькими детьми. Они остались во дворе, под дождем, и чтоб устроить их в конюшне или в каком-либо сарае, пришлось взрослых вывести во двор и на их место поместить ее с детьми.

чутко к папе, они как-то сблизились. Папа все хотел разузнать, что за Парбигский район, что за Парбиг.

Рассказал о себе, о нас и просил, чтоб тот помог устроиться в Парбиге. Папа даже чуть надеялся, что через него можно выхлопотать освобождение, ему дал знать кое-что, но он улыбался и говорил, что в данное время он не в силах это сделать. Я с папой уже строили разные планы. Прошли и мы регистрацию у одной *սոխուշիկի* – *сохушки*¹. Я говорила с ней иронически, записалась как врач, чему она удивилась и успокаивала: «А чего так волнуетесь, вы ведь будете работать по специальности». Во время регистрации нам дали подписаться, что мы выселяемся пожизненно и что нам уже прочитан Указ Верховного Совета СССР, что в случае побега дается 25 лет каторги. Пришлось подписывать такие глупости, но за что, за какие грехи мы подписывались в пожизненной высылке? Мама не хотела подписывать, но какой толк из этого, мы все уговорили, что все равно ничего не получится, они сделали свое. Кнарлик Егикян тоже сопротивлялась, получилось целое недоразумение, составляли акт, и она уже была вынуждена пойти и подписать.

Записали и адрес ближних родственников. Кнарлик Косоян не прошла регистрацию. Все поговаривали, что она агент и что скоро поедет обратно и все боялись при ней говорить. Я вместе с папой после регистрации вместе пошли к этому офицеру-еврею.

Он принял нас хорошо, но стеснялся, так как наше уединение замечали и другие.

Полковник подозвал его и спросил, что мы ему передали. Мы посоветовались с ним насчет работы, а затем он предложил составить телеграмму домой следующего содержания – «Наш адрес: Парбиг, Томская область» и взял телеграмму с собой, обещал передать. Деньги мы имели возможность передать через час, но он не взял. Мы были уверены, что он пошлет нашу телеграмму.

Состояние бабушки Какавянов становилось все хуже и хуже, она была сердечницей, было и большое скопление жидкости в брюшной полости. Ей трудно было дышать, ужасное состояние, она была при смерти.

Седе Самвелян как будто сделали анализ крови и кала и сказали, что у нее малярия и тиф.

Мы все спрашивали у работников тюрьмы, что за Парбигский район, какие люди там живут, чем, в основном, занимаются, какие климатические условия. Узнали, что там, в основном, живут бывшие кулаки, все спецпереселенцы, что все живут зажиточно, никому ничего не продают, очень жадные. Другие говорили, что деревни прямо в тайге, что кругом лес и медведи приходят в поселки, что зимой светлеет в 12 часов, темнеет в 5 часов, другие говорили в 3 часа дня. А мы все эти сплетни разносили. Каждый при встрече

¹ Так армяне между собой иногда называют русских по сходству куполов русских церквей с луковицей. Сох – по-армянски «лук, луковица» (*ред.*).

с другим сразу сообщал новости и так быстро распространялось. Одни говорили, что на воде будем 3 дня, другие – 12 дней.

В ночь с 03.07 на 04.07.1949 г. около 3 часов ночи скончалась мать т. Виктор. Бедная женщина очень измучилась и, наконец, успокоилась. Тикин Виктор, Сильва, Лили много плакали, в таких условиях скончалась их любимая бабушка, они не имели права похоронить ее и не знали, в каких условиях она должна была быть похоронена.

04.07.1949 г. Утром мы все собрались у постели бабушки, т. Виктор, Лили, Сильва попрощались с бабушкой, поцеловали ее, и так мы ее оставили. Лили дала две простыни, чтоб ее завернули.

Я и до этого встречалась с врачом Антоновым. Мы говорили с ним отдельно. Я просила его помочь мне пройти в город вместе с конвоем и побрататься в Томский медицинский институт, договориться с директором о досдаче госэкзаменов. Он в этом мне не мог помочь. Он очень жалел нашу семью, что попала в такие условия, но помочь не мог. Я просила его помочь хоть в том, чтоб обязательно попали бы в Парбиг.

В этот день опять шел дождь, опять нам не повезло, надо было садиться на пароход в такую погоду.

С утра начали приезжать машины и по вагонам выезжать на пристань. Наш вагон был из последних, да еще папа не торопился, так что уехали почти все семьи, а папа все говорил, что успеем. Наконец, погрузились и мы.

В дверях тюрьмы лейтенант и Петя зачитывали фамилии и считали людей, но Пете было неудобно нас считать, как баранов, он поднялся, чтоб посчитать, но тут же спустился. Так мы оставили этот двор томской тюрьмы, где промучились пять дней, не смогли заснуть и порядочно промерзли. Это тоже было какой-то школой в нашей жизни.

Ехали уже по городу, так что удалось кое-что увидеть, город ничего себе. Народ останавливался и с удивлением смотрел на наши машины, которые ехали друг за другом.

Будучи еще в тюремном дворе мы узнали, что на вокзал прибыли эшелоны из Тбилиси. Мы начали переживать, что вдруг Армик будет там, она ведь без денег и одна, без мужа, пропадет.

Все оставляли всякие надписи на дверях барака, в уборной. Все писали, что такие-то выселяются в Парбигский район. Мы тоже начали писать свои имена и даже письма на видных местах, хотели в случае (не дай бог) если выселили и Армик, чтоб она знала наше местонахождение.

Рафик Манасян очень переживал, чтоб интеллигентные были бы вместе. Он очень хотел быть вместе с нами как с культурными девушками. И мы с ним договорились – кто из нас раньше сядет на баржу, тот займет место для другого. Он был из 12-го вагона, уехал раньше нас и занял для нас место.

Доехали до пристани. На воде стояла большущая баржа. Подъехали и – какой ужас! Баржа вся наполнена была до отказа. Каждый тащил вещи,

кричал. Мы подъехали и, увидев этот кошмар, просто не решались выходить из машины. Просто сразу отупели, увидев эту ужасную картину. Но так как с Рафиком был заключен договор, он должен был нас взять к себе. К нашей машине подбежали Рафик, наш Ваник, Азиз (персидский еврей, вор) и несколько других мальчиков, даже не помню кто. Они начали тащить наши вещи. Я, мама, Асик помнили, что в первый раз взяли наш чехол с красными полосками. Затем начали тащить другие. Было невозможно даже вылезти с машины, я просто потеряла рассудок, как и где мы должны устроиться. Воришки воспользовались этим моментом, и наш первый мешок не был доставлен на место. Этот мешок был взят в другое место, воришки упрятали. А вещи тащили друг за другом (их было 17 кусков). Я тоже стала сильной и перетаскивала наши тяжести. Вначале я не понимала, как попасть в эту яму. Кругом все толкались, ругались. Показали и мне дорогу и наше место. Мы расположились между семьями Манасян Рафика и нашего Ваника. Не было места не то что сидеть, а даже стоять. Вещи были разбросаны в разных местах. Мама сразу заметила, что нет нашего красного чехла, мы тоже помнили, что его потащили в первую очередь, но все окружающие начали уверять, что притащили красный чехол Дабагянов. Пришлось согласиться с этим, но все же одновременно не верилось. Но что уже мы могли поделать в такой путанице, суматохе. Стащили и спрятали. Мы начали успокаивать маму, что, значит, красного чехла вообще не было. Посчитали опять со всякими чайниками, молочниками – получилось 17, но это было неправильно. Через несколько дней я в этой обстановке набралась терпения и начала тихонечко проверять содержимое всех кусков, чтоб окружающие не видели. При осмотре обнаружила, что все пальто есть, одеяла и наши немецкие комбинезоны и разное хорошее добро. Этим и пришлось успокоиться. Кое-как устроились и вышли на палубу. Приехали Какавяны, лил дождь, а на барже уже не было даже места. Они долго стояли и опять мокли. Наконец, Гриша с Петей кое-как поместили и их на другом конце баржи. Кто-то из наших армян, мать с сыном, посопротивлялись Пете, он разозлился, начал их бить, бил своими солдатскими сапогами, кулаками бил по лицу и мальчика, и женщину. Вытолкнул их на пристань и приказал стоять на ногах смирно до отхода баржи. Он этого не имел права делать, но начальство проходило, видело этот ужас и делало вид, что не видит. Я опять всей душой начала ненавидеть противного Петю за его зверства над несчастными армянами.

Весь день простояли в Томске. Еще во дворе тюрьмы нам раздали колбасу, масло, хлеб на несколько дней. Мы, кажется, даже продали колбасу за 15 рублей (около 4-х кг) и купили жажик¹ у кировабадских. Если б не было жажика, мы бы остались совсем без ничего.

Наше начальство устроилось наверху.

¹ Творог, смешанный с зеленью и солью (*ред.*).

Внизу негде было стоять, палуба была узкая, один прижимался к стене, чтоб прошел второй. Внизу было душно, шумно, так что поднимались наверх, на палубу.

В проходе между двумя дверьми устроились все из 34-го вагона – Егикян, семья Маруси, Вардануш Абагян с бесчисленным множеством вещей, Вардуш րիբ – нос. Каждый прохожий толкал их. По вечерам они располагались на своих вещах и хорошо отдыхали. Затем они уже не убрали свою постель, в таком же виде и оставалось. Все возмущались, но они стояли на своем. Как-то несколько дней я с Асик не спали, был дождливый день, и мы попросились поспать в их постели. Несмотря на то, что сверху капало, мы как следует поспали, отдохнули.

У нас невозможно было стоять, становилось просто плохо, и мы опять поднимались наверх, но и там тоже была толкотня.

По ночам не то что не могли спать, но уже даже не было места стоять, часто я простаивала на одной ноге, меняя ноги. Сильвочка не могла не спать, мы ее кое-как укладывали на мешки, она спала больше всех, но все-таки бывала недовольна. Кто-нибудь из нас хотел устроиться рядом, но не получалось. По вечерам бывало очень холодно, укрывались нашими хорошими одеялами, но опять мерзли. Иногда устраивались на мешке с мукой или на ведре. От всего твердого бывало больно, негде было вытянуть ноги. Напротив сидели два старика с сыном Сережей. Они все время кашляли с мокротой, даже противно было кушать. Были злыми и вшивыми. Все их вошки переходили к нам. По ночам они все своими грубыми ботинками ударяли по нашим ногам. Когда мы завтракали, они направляли свои взоры на нас, так что всегда (и так у нас было мало) надо было давать и им.

За нами были Самвеляны. Седу уложили, мы часто говорили с ней. Ей становилось все хуже и хуже. Мать там же делала ей клизму, в этих ужасных условиях. У них быстро кончился хлеб, и мать всегда жалела давать Артюше хоть кусочек.

Напротив, наверху, устроилась инженер Роза, она спала на своем чемодане, в общем, устроилась неплохо. Как-то она поднялась на палубу и уступила мне свое место. Я легла, немного поспала, и при движении, оказывается, упал чайник с приемника назад, чуть ли не на голову матери фотографа Гранта (Пушкина). Он до этого уже имел разговоры с этой Розой, был на нее зол, так что, подумав, что лежит Роза, он поднялся и резко потянул меня за руки. А я испуганно посмотрела на него, не понимая в чем дело, он же с удивлением говорит: «Ընչ, Կի՞նք, դու՞նք?» – ой, ты ли это? Мама вообще злилась на Розу, что она все лежала, отдыхала, видела, как мы мучаемся, и не уступала свое место, даже когда уходила. Роза была в дружеских отношениях с Гарником Бахчаняном и с одним неприятным типом. Они всегда завтракали вместе. Как-то достали водку и начали звать папу и угощать, некоторые мужчины опьянели, поднялся даже шум. Эта Роза очень желала попать с нами вместе. Гоарик Татулова (мать Нелли) была с ней в дружеских

отношениях. Как-то она была у нас и начала гадать, нам попало все хорошее. Она тоже желала попасть с нашей семьей. В общем, многие желали быть с нами вместе, как Самвеляны, Егикяны, Роза, Манасяны, Татуловы, Давтяны, Андреасян Эльза и другие.

Давтяны были рядом, Нвард очень переживала за Ваника, чтоб он заснул, отдохнул, поел, в общем, как за маленького ребенка. Она даже не пускала нас в свою часть, толкала или щипала ноги, чтоб мы убрались с ее зоны. Мы злились, но делать было нечего. Все их вагонные пассажиры, особенно семья Арус, все ворчали на Ваника, мол, зачем их взяли сюда. Ваннику было неудобно. Мы терпели, терпели и начала я им грубо отвечать, что места не их собственные, чтоб они замолкли и все. Как-то, проходя мимо, Арус задела ногой наши вещи и упала, получив растяжение сухожилий стопы. Подняла истерику (а она была эпилептиком), мать начала угрожать, что она нам покажет, если дочь получит перелом, а я ей отвечала – «посмотрим еще кто кому даст». Она поднялась на палубу, через несколько минут кто-то из девочек, сверху, из окна попросил на минутку подняться наверх, мол, здесь одна ушибла ногу. Но я, конечно, не поднялась, зная, что это Арус, сказав, что на это есть врач. Невозможно было проходить, весь проход был занят вещами и ногами. Каждый раз приходилось наступать на ноги. Одна старуха (которая в Тбилиси жила напротив нашей Розы) каждый раз ворчала.

Дабагяны были напротив и рядом, но здесь уже не было возможности завтракать вместе.

Грануш измучилась больше всех, совсем истрепалась, похудела, она уже совсем не имела возможности заснуть. Я, если сидела, не могла встать и уступить ей место, такая бывала уставшая. Какавяны были тоже в ужасном положении – разместились в двух концах. Как-то Лили болела, имела высокую температуру. Они подходили к нашему окну и звали нас наверх.

По вечерам не разрешали зажигать свечи, даже вообще не разрешали курить. Конвоиры подходили к окну и принюхивались, в какой части горит свеча, и тогда начиналась ругань. Особенно важничали эти два лейтенанта.

Шалджяны расположились без уборной, внизу, у окна. У них было место где поспать, но во время дождя как следует промокали.

На этой барже мы познакомились почти со всеми эшелонцами, мы увидели, с каким исключительным хламом едем, к кому нас приравнили. На вид все были спекулянтами, ворами, разбойниками, им подходила как будто эта высылка, они не были подходящими людьми для такого города, как Тбилиси. Потому и думали, что просто произведена очистка города, так как он становился городом первой категории. Было больно, что нас приравнили к таким отсталым людям.

Воришки действовали и в таких условиях, они не жалели своих земляков и без всякой совести воровали. Ими была организована шайка, во главе был Азиз. Я боялась даже смотреть ему в лицо. Они были связаны с такими же

распущенными девочками. Эти девочки так вызывающе держались, так ругались, что стыдно было даже стоять рядом с ними.

Они все знали друг друга.

Среди нас было и много сухумских аджарцев. Они тоже были ворами. Но один из них был в близких отношениях с папой, как-то он чуть не убил одного, папа удержал его от этого преступления, и он был ему благодарен и говорил: «Ты мне скажешь, никто не имеет права тебя обидеть».

Некоторые имели бинокль, так что мы часто смотрели на деревни, проезжающие пароходы. Нас тянул «Октябренок». Часто проезжал «Тарас Шевченко» и несколько других хороших пароходов. У них было чисто и просторно, все пассажиры с удивлением смотрели на нас. Рулевым нашей баржи был старичок, который работал на водном транспорте 30 лет. От него узнали, что в 1929–1930 гг. выселили много, особенно с Алтайского края. Их выселяли с семьями и спускали прямо в тайгу без хлеба, без всяких домов, и они сами начинали строить себе дома, заводить хозяйство. Многие из них умерли, осталось ничтожное количество. Мы боялись, что с нами сделают то же самое. Когда проезжали мимо маленьких деревень, с жалостью смотрели на маленькие избышки и желали иметь такие домики. После нашей квартиры с исключительными удобствами мы всей душой желали иметь такую избышку, хоть даже каморку, просто место, где можно было вытянуть ноги.

Все были с большим количеством вшей. У каждого было полно. Все позабыли стыд, снимали белье и в присутствии мужчин уничтожали этих паразитов. У нас у всех тоже было порядочно, мы осматривали друг друга, каждый день проверяли белье, но все же не было им конца, так как переходило с семьи Сережи.

Когда все это делалось открыто, уже без стыда, и если мальчики смотрели сверху, то все говорили: «վայ, իւելիճ աղչիկները, որը որով չէր տեսնուի, հիւս էտել տեսի, ու անանց անանչելու նայումեն, վայ ինչ օրիէնք ընդէ!» – ой, бедные девочки, никогда в своей жизни не видели вшей, а сейчас и это увидели и, не стесняясь, смотрят, ой, до чего дошли. Особенно жалел нас Артюша.

Кроме нашего Ваника, был еще другой и, чтоб их отличить, его называли флейтистом. Он неплохо играл на флейте. На палубе часто собирались вокруг него мальчики, и он играл грустные армянские песни.

Все мужчины давно не брились и порядочно обросли, как медведи, особенно наш Ваник. Как-то флейтист Ваник с кем-то поскандалил, и ему стало плохо, потерял сознание. Быстро прибежали ко мне, я начала звать его, понесла валерьянку, с окна с санитарной сумкой прыгнул Петя, достал нашатырный спирт, но он никак не приходил в себя. Не пойму, что за приступ был с ним. Он взял в руки алюминиевую кружку с валерьянкой и сжал ее – удивительная сила, а сестрички его хором начали плакать. Заболела и сестра Пончика Миши: был ревматизм, вызывали меня, осмотрела я девочку, назначила салицил-

ку, сколько было салицилки – дала, и ребенок постепенно начал поправляться, боли прошли, и ребенок перестал плакать.

Начальство наше не перенесло условия на большой барже и перешло на пароход, который нас тянул. Они там жили как буржуи, купались, пили горячий чай. К ним же перешел врач. На барже осталась медсестра. Все за помощью обращались ко мне. Как-то пароход сблизился, и врач перешел к нам, он был немного выпившим, послал меня к одной больной девочке, за которой ухаживал Сурик Самвелян. Он удивился, как я изменилась за эти несколько дней. Еще бы не измениться, когда не спишь, не ешь как полагаются, дождь мочит, кругом такая грязь. Он успокаивал, что уж ничего не поделаешь, надо бороться с трудностями жизни. Он надоел своими разговорами, пароход был далек, и он не мог уйти. Он все говорил, что это ваши земляки, что вы должны относиться к ним чутко. Я отвечала, что делаю все, что в силах, сколько имею возможности, но я не могу ходить по барже и искать больных. Меня знают многие, так что если что понадобится, пусть обращаются, я не откажу, они мои земляки, и у них тоже одинаковое со мной горе.

Уборная была в конце, и, чтоб попасть в нее вне очереди, надо было идти в 4 ч. утра. Очереди бывали очень большими, целый час надо было уделять этому и если кто пробирался вне очереди, поднимался шум.

В этом же конце был баран персидского еврея, отца Михо и Сони. До Томска баран занимал целый вагон. Ему было просторнее и удобнее, чем нам. Хозяина все называли «Էն զտնի տէրը» – «хозяин того ягненка». До Томска мы имели возможность каждый день посылать одно-два письма, а будучи на воде, мы не имели уже возможности связаться с землей и очень переживали из-за этого, хотя я из Томска писала Армик, что поговаривают, что мы будем долго на воде и уже представляли, как будет тошнить. Когда подъезжали еще к Новосибирску, я писала Армик, чтоб она писала на Новосибирскую главпочту до востребования. А затем писала на Томск, но оказалось ни то, ни другое.

Впереди нас плыла баржа кировабадцев и бакинцев. Все их нечистоты плыли к нам, и мы вынуждены были брать эту воду и пить. Смотрели, как плыли эти испражнения, сами видели, но все же пить хотелось, нельзя было удержаться и приходилось пить эту воду. Я сама не могла видеть это и брать воду, мне легче было пить воду, которую набирали другие. Мне казалось, что вода, взятая другими, чище.

С передней части баржи можно было видеть эту баржу, как-то видели и наших знакомых азербайджанцев. Будучи на барже невозможно было купить что-нибудь из продуктов, у всех кончился хлеб, все доедали уже крошки.

Мы все думали, вот дойдем, оставшийся хлеб сэкономили и уже старались в день кушать один раз, чтоб кое-как хватило.

Дети начинали плакать, просить хлеб.

Не доезжая Колпашево, утонул мальчик 15-ти лет, маленький, щупленький, персидский еврей, брат Арона из 34-го вагона. Их было 4 мальчика и мать. Был дождливый день и почти никого не было на палубе. Мальчик бежал в уборную, поскользнулся и упал прямо в воду – палуба была слишком узкая, доски по краям ее были очень гнилыми. В конце баржи было несколько мужчин, один из них собирался броситься в воду, спасти мальчика, но дежурный конвой не разрешил. Они даже не сообразили бросить какую-нибудь доску, чтоб мальчик ухватился. Конвой думал, что спаситель удерет или же тоже утонет.

Сразу на барже поднялся шум, но что-то не верилось, так как до этого тоже (несколько дней раньше) кричали, что утонул ребенок, родители плакали, а потом он нашелся на другом конце баржи.

Все кричали: «Остановить баржу! Надо спасти ребенка!» Но тянущий нашу баржу пароход вместе с начальством был далек от нас, не было никакой связи с ним и пока кое-как удалось дать им знать, было уже слишком поздно. С парохода на одной лодке поплыли на поиски ребенка, но вернулись уже без ничего. Боже мой, как плакала мать, как плакали все братья. Это был один ужас: в чужом краю, далеко от родины потерять ребенка, да еще в воде. Бедная женщина, как кричала, как плакала, не могла успокоиться всю ночь, все вокруг нее не спали. Все были грустными, никто уже не смеялся, все жалели ребенка, а некоторые говорили: «Էի յերանի արան, գնաց ազատվեց, էլ էս տանջարներ չի տեսի» – эх, повезло ему, ушел, избавился, больше не увидит этих страданий.

После этого несчастного случая все начали следить за своими детьми, не пускали наверх.

На следующий день после смерти ребенка пассажиры баржи справили панихиду. Флейтист Ваник играл похоронные песни, на барже все замолкли и чтили память мальчика.

Иногда пароход останавливался, мы приближались к нему и просили кипятилок, чтоб согреться, и тогда поднимался шум – «Есть чай!»

На барже мы сблизились с дочкой Бахчаняна Гарника – Мелуш и с Валец – дочкой Какояна, хорошие были девочки, они тоже умоляли быть вместе, как будто это зависело от нас. Мы мечтали сделать так, чтоб хоть несколько приличных семей попали вместе.

Город Томск стоит на реке Томи (приток Оби). Когда баржа тронулась, никто не мог понять, мы стоим или плывем, так это было незаметно, тихо, без каких-либо качек, толчков (после эшелона). Все спорили: один говорил, что уже едем, другой говорил, что пока нет.

Бедный дядя Мукаел поднялся на вещи и смотрел, двигаются ли деревья, чтоб определить, едем или стоим. Но за это ему здорово досталось от Ваника и тети Нвард. Они вообще грубо обращались с ним, и Ваник ему кричал: «Эй капитан, ну как, подать бинокль?»

Когда плыли, никак не могли определить, плывем по течению или против течения реки.

После Томи начали плыть по Оби. Обь была намного шире. Река была очень спокойная, большая, судоходная.

Плыли по очень красивым местам, просто можно было любоваться этой красивой природой, если бы душа была спокойна, если бы ты не выселялась без всякой вины... На Оби долго стояли на пригородном районе города Колпашево. Здесь остановились и азербайджанцы. Был солнечный день. Все вышли на берег, на траву и начали стирать. Я тоже вместе с тетей Нвард сделала стирку. Сидели на берегу и видим: посередине течения реки плышет труп. В Колпашево поговаривали, как будто нашли упавшего в воду ребенка, подобрали рыбаки. Все обрадовались, но напрасно. Ребенок не был жив.

Все эшелонцы расположились на травке, на берегу Оби. Всех очень беспокоили вши, все потеряли всякий стыд и начали раздеваться и уничтожать своих паразитов. Многие просто вытряхивали свое белье. Было очень смешно, но и грешно видеть, как все искали вшей на своих одеждах. Многие вынесли даже коврики и отдыхали. Мужчины не убивали вшей, а прямо бросали в траву. Девушки помогали мальчикам, осматривая их одежду. Мы тоже потеряли стыд и в присутствии всех начали убивать своих паразитов, которых было до черта.

Мою и Асикину голову хорошо осмотрели Кнарик вместе с Марусей. Головы как-то успокоились. С города приехали две машины с продуктами. Все встали в большую очередь. Петя и татарин хотели папу провести первым и из-за этого несколько раз расстраивали очередь. Купили галеты, конфеты и замечательное сгущенное молоко. Азербайджанцы развели огонь, сварили обед, картошку, испекли лаваш¹. Из наших тоже многие сварили картошку. Когда шли за продуктами, проходили через баржу азербайджанцев. Здесь мы встретились с нашими знакомыми.

Удалось купить рыбу – штука 10 копеек.

Ровно восемь дней помучались на большой барже. Много было с ней связано. Когда шел дождь, то крыша вся протекала, с окна тоже мочило. Мы всячески хотели прикрыть наши вещи, ведь мы не имели ни одного чемодана. Прикрывались единственным дождевым плащом, открывали два наших зонтика. Бедная Седа, вся постель была мокрой. В нашей стороне протекало меньше по сравнению с другими местами. Анна-бабо² Джамбазян расположилась между двумя столбами – перевернутая стропильная форма. Она вся промокла, постель, которой укрывалась, тоже была мокрой. Сколько не защищалась клеенкой, все равно до ниточки промокла.

Вдруг она начала плакать, напевая грустные песни, плакала очень громко. Муж не мог ее успокоить и, оставив ее одну в гнездышке, поднялся на

¹ Армянский хлеб из тонкораскатанного теста (*ред.*).

² Бабушка (арм.) (*ред.*).

верх. Она плакала долго, никак нельзя было ее успокоить, ничем нельзя было утешить бедную мокрую старушку. Плача, она говорила: «Շուշիկ ջան, Շուշիկ ջան» – *Шушик джан, Шушик джан*.

11.07.1949 г. На восьмой день доехали до Усть-Бакчара, он уже был на берегу притока Оби – реки Чая. Река Чая цвета темного чая, видимо, потому и так называется. Она по сравнению со спокойной Обью была более бурная и гораздо уже. Воду эту было очень противно пить. В некоторых местах она была настолько узка, что баржа задевалась лесами берегов, деревья задевали стоящих на борту людей и спокойно могли бы сбросить человека в воду.

По реке Чая плыло много плотов, часто приходилось стоять часами, чтоб дать возможность проплыть плотам, которые чаще бывали в виде отдельных больших деревьев. Когда они с силой ударялись о баржу, баржа качалась.

Река Чая была с резкими и частыми поворотами. Посередине были электрические указатели пути. В Усть-Бакчаре провели ночь и ночью стали переходить на маленькие баржи. Маленьких было 5, так что не хватило места всем и несколько вагонов оставили, их должны были перебросить до Крыловки на подводах. С помощью Пети нас перебросили на маленькую баржу, они нашли и для нас место. Какавянов вагон был после нас, так что на маленькую баржу они не попали. Хотя вагон Кнарик был 33-й, но и они не попали на маленькие баржи, а нас устроил Петя. Мы не хотели расставаться, но места уже для них не было. Они сели на подводы и поехали в сторону Крыловки. А мы поплыли опять на барже.

Это было уже 12.07.1949 г.

При переброске вещей опять был дождь. Ваник помогал нам в переброске вещей. На помощь пришли Артюша, Сурик Григорян, Сурик Самвелян и другие. Все наши вещи кое-как вместе с вещами Дабагянов поместили в конечной части баржи, но места не было для нашего огромного неуклюжего мафраша. За дело взялся Артюша, пошел искать нам место, начали вытеснять турок, они бедные, беззащитные, но все же сопротивлялись, не хотели потесниться и делили между собой сахар. Артюша, не долго думая, приказал бросить мафраш вниз и прямо на их сахар. Как раз там сидели Григоряны, я уже узнала Гено как ворчливую и драчливую даму, и когда маму посадили на наш мафраш, я попросила маму быть с ней вежливой, не отвечать ей, так как мне было неудобно перед ее сыновьями, которые нам помогали. Мама с ней говорила очень вежливо и она отвечала ей так же, а с остальными ссорилась. А там, где, в основном, устроились мы, негде было сидеть, даже стоять. Потолок был очень низкий, было темно. В самом конце расположились Сара и Цицо – все просили открыть верхнее окно. Они были далеки от первого открытого окна. Напротив нас сидела Вардануш и очень переживала, чтоб мы не сели на ее барахло. Здесь тоже порядочно промучились, не имели возможности заснуть, кое-как отдохнули по часу. Петя и Гриша уложили Седу Самвелян, она просила позвать меня, кое-как меня спустили к ней. Отдохнув часок, я выбралась из этой духоты. Днем все взялись за осмотр своей одежды, наверху многие

просто побросали вшей, так что уже брезговали сидеть на досках. У кого-то оказалась карта, и я им объясняла, куда и как едем. На нашей барже были Шалджяны, Джамбазян (которого лечила), Косояны, Григоряны, Самвеляны, Муша-оглы, Якуб-кзы, Седа Енгибарян, Погосян Седрак, семья Костика, Абаян и многие другие. Здесь у нас были только крошки от хлеба, возмущались, но никто на это не обращал внимания, говорили, что скоро доедете. С нами на барже были Петя и Гриша. Баржа имела одного работника, который руководил ее движением. Он был молод, жил там же вместе с женой (которая была старше него), с матерью и двумя ребяташками. Они там хорошо обставили маленькую комнатку, имели там же плиту и много дров. Выселенцы начали чистить картошку и за деньги давать им варить. Я и Сурик Самвелян тоже вымыли целую кастрюлю и дали варить.

За нашей баржей была баржа нашего Ваника, нас тянул один пароход, они были в хвосте. Мы собирались в конце баржи, там было просторнее и переговаривались с ними.

Как-то они даже перешли к нам, но было опасно это делать. Там был и Артюша с братом-композитором, он что-то часто болел, стоял грустный, смотрел вдаль. Там же был и Азиз. Мы были рады, что на нашей барже не было воришек, я очень боялась их, не хотела с ними попасть в одно место.

Другой пароход тянул три баржи одну за другой. Мы часто встречались друг с другом. То они были впереди, то мы. Как расставались, начинались прощания. При встречах очень радовались, кричали: «*printiqhftu?*» – «*откуда ты, из каких краев?*». Друг другу давали наставления, обещали переписываться. Рафик Манасян очень сожалел, что не попал с нами и, грустный, смотрел со своей баржи, а наша баржа жалела его. Рафику я дала пять рублей и просила, если он доедет вдруг до Парбига, пусть на почте спросит телеграмму на наше имя и, если она окажется, пусть даст ответ, что мы живы, здоровы и скоро сообщим свой адрес.

По реке Парби (приток Чая) мы плыли на маленькой барже, большая не могла плыть по этой сравнительно маленькой реке. Наш регулятор говорил, что только нашу баржу высадят в Крыловке, а остальных возьмут до Парбига и там только распределят. Всю дорогу все говорили, что распределят по две-три семьи в разных деревнях. Я уже представляла, как нападают звери, разбойники. Я представляла, что в этих краях живут только бывшие заключенные.

13.07.1949 г. Рано утром доехали до Крыловки. Здесь встретило нас начальство. Только нашу баржу спустили на берег (без вещей). Здесь нас всех распределили по вагонам, затем по семьям и начали вызывать и регистрировать. Регистрацию производили Слинкин, Кравцов и по семьям отводили в сторону. До того как спуститься на берег, баржу никак не могли подвести к берегу. А на берегу грязь была невозможная. Когда нас взяли на берег, на барже осталась только Седа Самвелян, мы попросили следить за нашими

вещами, так как с соседней баржи могли пройти к нам, а все было оставлено на произвол судьбы.

Во время регистрации Кнарлик Косолян не хотела проходить ее и начала объяснять, что ее насильно втолкнули в эшелон, что ее вообще не было в списке. Но она все же была записана, на этом настаивал наш подполковник, но новое начальство обещало это дело выяснить. Подполковник, будто, всю дорогу обещал, что она вернется вместе с ним, но здесь уже отказывался помочь.

Когда мы подошли к Крыловке, видим, подбежали Лили и Сильва. Мы начали переговариваться с ними, Сильва уже плакала, что мы расстаемся. Но, слава богу, нас тоже должны были спустить. После регистрации нас опять взяли на баржу и стали выгружать по очереди. Остальные баржи уплыли, уплыл и пароход с начальством. Врач начал нам махать, но я отвернулась, а Асик попрощалась с ним. Попрощалась я с Мишей и Бондаренко.

Петя, Гриша и один азербайджанец помогли нам вытащить вещи на берег. Была невозможная грязь, просто ноги не могли вытащить из этой грязи. Петя и Гриша подошли к Слинкину и хорошо высказались о нашей семье, как примерной, культурной и просили определить нас в более или менее приличное место.

Начали подходить подводы одна за другой, и кто подходил первым к ним, садился и ехал, а мы что-то не торопились, папа все говорил, что успеем.

Слинкин видел, что папа у меня спрашивал, где же наш начальник, майор, и в это время говорит мне, что вы все переходите ко мне, улыбнулся и отошел. Я начала говорить: «Папа, вот он так-то говорит, надо поговорить с ним», а папа не верил. Я начала объяснять Слинкину, что я врач, он очень вежливо слушал и успокаивал, что все будет хорошо.

В Крыловку прибыли люди из разных колхозов, организаций и подбирали себе нужных людей. Мы познакомились с одним Петей из ДОСАРМ¹ Парбига. Он искал себе инструктора. Получалось уже так, что остались всего каких-нибудь две-три подводы, а мы все еще там. Я начала волноваться, подбежала к Слинкину и просила отправить и нас. Последние две подводы он отправил нам, говоря – «Взять семью врача». Погрузили вещи на двух подводах, кое-как сели и поехали в сторону Высокого Яра, который был в 15-ти км от Крыловки. С нами ехал и Петя из Парбига.

А Петя Лабушняк провел нас до дороги, ему было жалко нас, но он уже ничем не мог помочь нам. Он сам попросил у нас адрес нашей Армик и сказал, что они сейчас прямо поедут в Москву и он ей напишет открытку, что мы живы, здоровы. Папа ему за помощь дал 25 рублей. Семья Самвелян, Костики остались в Крыловке при Заготзерне.

¹ Дом Советской армии (ред.).

В конце деревни Крыловки был магазин – как раз здесь остановились все подводы. Все были голодные и успели до нашего приезда раскупить хлеб. У нас не было ни крошки, голод уже мучил нас.

Мы попросили кусочек хлеба у Шалджян и каждому раздали по кусочку. Петя парбигский по знакомству взял для нас две буханки свежего хлеба, ой, как мы начали его есть и сразу уничтожили.

Так мы уже ехали в Высокий Яр. По дороге подъехали и другие подводы и наши вещи разделили по подводам, так что я, папа и Рехан попали на одну подводу, Асик, Сильва, мама – все оказались на разных подводах.

Часто шел дождь, кругом была грязь. Все мое новое серое пальто было запачкано грязью, я переживала, что грязь не пройдет.

Лошадьми управляла Рехан, лошади все сбивались с дороги. Мы уже прошли вперед и потеряли наших, они отстали. Я уже начала переживать, вдруг что-то случится и успокаивалась, что Бабкен с ними.

По дороге пересели на подводы какого-то Васи из села Пушкино, и он взял нас в Высокий Яр через село Пушкино, а остальные ехали прямо. Этот Вася с удивлением смотрел на зонтик и шляпу. Я не знала, что он в жизни не видел зонтика, а я с ним говорила, много расспрашивала об этой местности. Он даже не видел паровоза и не представлял, какой он может быть. Всю жизнь он провел с лошадьми, и они понимали его язык. Днем, наконец, доехали до Высокого Яра. Всю дорогу мучились от комаров, пауков и от толчков повозки. Привезли в колхозный гараж. В это же время видела, как отъезжали подводы, как видно, там была и Кнарник Егикян. В бараке случайно увидели и Какавянов. Оказывается, их вагон тоже хотели отправить дальше, но они начали просить Кравцова оставить в Высоком Яре, и он случайно разрешил. Так мы случайно опять встретились и были очень рады этому.

Пришлось много попереживать, пока приехали Асик, мама, Сильва – все в отдельности. Мама, оказывается, всю дорогу кричала на подводчика, чтоб тот не обгонял подводу с Сильвочкой, а он все делал наоборот. Она много переживала за Сильвочку, что она по этой тайге ехала совсем одна с подводчиком. Приехала злая, а мы не понимали, в чем дело.

Так мы устроились в этом большом бараке и были рады тому, что хоть здесь сможем вытянуть ноги и, наконец, заснуть. Начальство все крутилось вокруг нас, обращались с нами очень вежливо. Кто-то из них (оказывается, это был Храмцов) с больным зубом обратился ко мне за помощью. Нашу семью узнали все сразу и показывали друг другу.

В бараке были Какавяны, Казарян, Енгибарян Седа, Григоряны, Шалджяны, Дабагяны (Грануш болела), Караханяны, Бабкен, Кососяны, Седрак Погосян, Джамбазы, Абагян, Муша-оглы, Рехан и много азербайджанцев. Мы все были до невозможности грязные, вшивые. Здесь начали очищаться, но каждую минуту приходили то из комендатуры, то из сельсовета, то из колхоза, МТС. Всем было очень интересно посмотреть – кого привезли, что за люди, что из себя представляют.

Приходили группами и часами глядели на нас, каждый заговаривал, расспрашивал, надо было всем отвечать. Как находили свободное время, бежали к бараку, а милиционер не разрешал, так как мы были еще опасны. Народ мне понравился, все казались наивными, жалкими. Но пришли два молодых парня с МТС во время своего обеденного перерыва и начали тихо говорить, что здешним не доверяйте, они на вид наивны, а так злы, плохой народ. При приближении к нам Федя Ширяева (работник комендатуры) они моргнули и замолчали.

Но я не растерялась и на вопрос, о чем разговор, не ответила и продолжала как будто свой разговор, спрашивая «А медведей много?» и все в этом роде. На нашу семью начали указывать как самую хорошую, красивую, культурную и каждый передавал другому, прибежали, смотрели.

Вечером все взрослые заснули, а молодежь пекла картошку.

Крестьяне продавали молоко, картошку, яйца. Каждый считал долгом рассказать – как везли их в 1929 г., в каких ужасных условиях жили – прямо в тайге, что почти все вымерли от голода, «А вас привезли уже не так, вы на всем готовом и т.д.».

Сразу все узнали, что у нас аккордеон и просили сыграть. Наши играли, собралась большая компания, познакомились с директором клуба Мишей Середой. Он говорил слишком много и щеголял перед нами. Сам тоже сыграл на аккордеоне, ничего себе, но одни и те же куплеты повторял много раз подряд, доводил до дурноты. Он был прикреплен дежурным и ночью ходил по бараку, а мы спокойно спали. Вдруг ночью поднялся шум, кто-то искал свою телогрейку и кричал, что стащили. Оказывается, только перепутали, так как было темно. Они, увидев Мишу, начали кричать ему и получалось так, что сваливали на него. Он растерялся, заволновался и сказал, что больше не будет дежурить.

14.07.1949 г. На второй день приезда Волков и Федя решили посчитать нас. Начали выводить из одних дверей: то получалось 119, то 121. И так они были вынуждены опять считать снова. Нам было и смешно, и грешно, что считают как баранов.

В клуб, в деревню и в столовую нас не пускали, так как был карантин, боялись, что распространим заразное заболевание.

15.07.1949 г. Начали поговаривать, что будут распределять по колхозам. Мы надеялись попасть в Парбиг, но семейных туда не посылали. Миша Середка не советовал ехать в Парбиг, все говорил, что в Высоком Яре даже лучше, лишь бы мы не уехали.

По разговорам колхозников узнали, что колхоз «Идея Ленина» лучше всех.

Затопили баню МТС и мы кое-как выкупались, одежду сдали в дезкамеру, составили список распределения. По первому списку оставались – Александяны, Какавяны, Шалджяны, Дабагяны, Казаряны, Муша-оглы, Григоряны и еще три семьи, которых не помню. Косояны, узнав, что их там нет, подня-

ли шум и столько возмущались, что список снова переменяли – исключили Шалджянов, Дабагянов, Муша-оглы. Кто узнавал, поднимал шум, но я была уверена, что сколько бы ни изменяли, нас не исключат, так как за нас особо стояли Федя и Миша. Все волновались за список.

16.07.1949 г. Узнали, что список снова изменили и уже будут посылать по колхозам. Из-за того, чтобы быть с Дабагянами (жена просто умоляла), мы попадали в «Рассвет». Когда я узнала, разозлилась, подняла шум, что все это сделал Погосян Седрак. Я с папой пошли в сельсовет и с помощью Феди и Миши нас включили в список, а из-за нас исключили Казарянов. Бедный Миша, шел на такие уступки – терял аккордеониста. Нашу семью записывали – семья врача. Мы уговорили Мишу, что будем выступать, устраивать концерты. Дабагяны очень беспокоились, просили, но ничего не получилось. Я с Аней долго просили Федю и они тоже были включены. Одиночек посылали в Парбиг на лесосплав, но Бабкен не попал, его выручил папа, всем говорил, что он его племянник. Подъезжала машина и всех по семьям брали в школьный дом. Я успела побежать на почту и подать Армик телеграмму: «Наш адрес Высокий Яр Парбигского района, Томской области Арфик». Я не подумала от волнения, что надо писать «живы, здоровы», просто и в голову не пришло. Побежала обратно, и мы поехали в школьный дом. В школьном доме устроились в комнате у Поли Сеченовой с дочкой Люсей. Комната большая, светлая. В кухне же устроились Какавяны.

Каждую минуту приходили группами местные и стояли часами, приходилось с каждым заводить разговор. Рядом в комнате были Шалджяны, Муша-оглы, Рехан, Косояны, а напротив Джамбазяны, Вардуш, Григоряны. По вечерам все выходили на улицу, но комары не давали покоя, надо было без конца бить по ногам и рукам.

17.07.1949 г. Первый раз в жизни взяли на работу в колхоз. Пошли я, Асик, Лили, Сильва, Анаид, Сара, Рехан. Таня Другова нас повела далеко полоть овес. Заучивали новые выражения. Взяли без всякого предупреждения. Даже не сказали, что нужны перчатки. Здорово измучились, пока дошли. Каждому дали участок, немного кое-как попололи, и пошел сильный дождь. Побежали в лес, но негде было укрыться, промокли до ниточки, а дождь не переставал. Тогда решили в такой дождь идти домой. Немного проехали на повозке, но он больше не брал, мол, лошади устали. Боже мой, в каком мы были состоянии, как измучились. В жизни нельзя забыть этот первый день работы. Дошли и начали плакать.

{...}

Кто есть кто¹ (комментарии – А. Алексанян)

Храмцов (Кузик) – председатель колхоза «Идеи Ленина». Пил и матерился, как все население. Жена симпатичная, не работала.

Слинкин – наш комендант, жил в селе Светлозеленое, 12 км от Высокого Яра. Добродушный, высокий, на вид полноватый.

Федя – помощник Слинкина. Жил в селе Пушкино в 5–6 км от Высокого Яра. Демобилизованный солдат, без образования. Стеснялся, старался быть вежливым. Они все понимали, что народ наш говорит правду.

Семья Какавян:

д. Арташ – ванский, одноклассник нашего папы. Слесарь, хороший мастер, неразговорчивый, добрый. Умер через 6 месяцев после освобождения.

т. Виктория Галикян – его супруга из богатой ванской семьи. Ее брат Галикян профессор университета, был репрессирован в 1937 г.

Лилик Какавян – старшая дочь 1918 г. рождения, боевая, крепкая. Инженер-железнодорожник.

Сильва Какавян – младшая дочь. Сослана с 4-го курса Политехнического ин-та, скрипачка, моя подруга, дружим по сей день.

Их семья жила с нами в одной комнате, пока нас не выселили из школьного дома. Жили дружно.

Семья Джамбазяна Амбарцума и жены Анна-бабо. Ванские. Анна-бабо в г. Ване работала в школе преподавателем, а в Тбилиси продавала молоко. Добрая, приветливая, культурная бабуля. Нас любила, мы тоже ее любили и уважали. Дядя Амбарцум – высокий, стройный старик, нас любил, радовался нашему появлению. Они купили дом в центре села, напротив почты, так что у них ежедневно было много посетителей. Они этому были рады. Их сын Паркев погиб на фронте, потому что они были освобождены одними из первых. В дневнике отмечена дата освобождения.

Мир тесен до какой степени. Прошло много времени после нашего освобождения. Я в кинотеатре «Россия» с детьми на дневном сеансе и вдруг на экране документальный фильм (раньше перед худфильмом показывали журнал) про Паркева Джамбазяна. Я даже крикнула от неожиданности. Показали моих стариков и рассказали про Паркева Джамбазяна – сын его дочери был режиссером-документалистом. Малян или, может, Маилян.

Семья Григорянов. Отец Геворк – рабочий, Гено – его жена, беззубая, вид шизофренички, неуравновешенная, сутулая.

Сурик – старший сын, на вид ничего. Психоват, неуравновешенный, вспыльчивый. С нами дружил, нашего папу слушался больше, чем своих родителей. Потом после моего переезда в Томск жена-простушка начала всякие небылицы рассказывать про нашу семью и отношения ухудшились.

Семья Самвеляна. Мать Калипсе, ванская. Дочь Седа – больная, недоброжелательная, может, туберкулезная интоксикация. Сурик – старший сын Калипсе, неудачник, много говорил, полуголодный, младший сын (?).

¹ Приведены комментарии только на лиц, встречающихся по тексту публикуемого фрагмента.

Семья Погосяна Седрака. Седрак – простой, сплетник. Жена – Салби – простая, скромная, зубной щеткой пользовалась только в русской бане и об этом объявляла всем. Лида – их дочь школьного возраста, но в деревне не училась. В настоящее время живет в Чаренцаване.

Семья Кососянов. Бедные, безработные, ленивые. Дочь Амалия, по-моему, была со мной в леспромхозе.

Семья Рафика Манасяна. Рафик – инженер без диплома (в моем положении), но потом устроился более-менее. Отец – больной человек, сестра – добродушная. Жена Рафика приехала из Тбилиси. Я крестная мать Рафикиных дочерей.

Семья Шалджян. Бабушка – ванская, слепая. Анаид Шалджян – инженер-механик. Амалия – худая: ни одного дня не поработала в колхозе, ухаживала за бабушкой. Освободились рано, в 1951 г.

Семья Давтяна Ваника. Он мой родственник. Его мать Нвард и мой папа двоюродные брат-сестра по отцу. Жили в Парбиге. Сильвочка четыре месяца прожила у них, но Армик ежемесячно из Тбилиси посылала им деньги. Нвард очень скупая, недоброжелательная. Ваник хорошо зарабатывал на МТС. Потом он женился на Сильве Какавян.

Семья Никогоса Караханяна – ванские, веселый, но больной человек. Офик – его дочь – веселая, немного чокнутая. Никогос умер в Сибири. Сын из Тбилиси не помогал. Караханян Рафик – его сын, умер от туберкулеза тоже в Сибири. Офик в 2000 г. умерла в Ереване. Муж ее Лорис Гратян – добродушный, мы вместе работали на лесозаготовке и он мне очень помогал.

Семья Маруси Геворковны Ованесян. Брат – Жирайр немного поработал с папой на МТС. Жили в поселке Верхняя Болотовка. Маруся вышла замуж за Арама – брата Лориса Гратяна. У Арама были братья – Альберт, Эдик. После освобождения нашей семьи семья Маруси переехала в Высокий Яр.

Егикян Кнарик и ее отец – маленький, косоглазый. Кнарик была однокурсницей моей близкой подруги Беты. Кнарик – экономист. Вышла замуж за фотографа Гранта, родила двух сыновей. Но в Тбилиси они разошлись. Сыновья живут в Ереване.

* * *

Публикуется фрагмент воспоминаний Р.Т. Малаяна «Страшная ночь 14 июня 1949 года...», которые сохранились в личном архиве Арпеник Александрия. Машинописный вариант воспоминаний приложен к двум страницам издания¹ с дарственной надписью «Дорогому Акопу! от Рубена XI-92 г.». Семьи Александриянов и Джамбазянов вместе отбывали ссылку и на страницах дневника Арпеник можно найти много упоминаний о Джамбазяне Амбарцуме Аветисовиче (1881 г.р.) и его жене Анне Каркосовне (1877 г.р.). Воспоминания написаны зятем Джамбазянов – Рубеном Малаяном, семья которого также подлежала выселению, потому что жена Шушаник Малаян (Джамбазян) проходила по учетам как бывшая «турецкоподданная». Однако их семье, в отличие от родителей жены, удалось избежать ссылки. Публикация подготовлена Натальей Аблажей и Арутюном Марутяном.

Рубен Малаян

Страшная ночь 14 июня 1949 года...

Работал я на Тбилисском Кожевенном заводе № 1 с 1938 года по 1962 год после окончания химического факультета Тбилисского индустриального института одновременно начальником в основных цехах и начальником ОТК завода. Мне приходилось временами ездить в служебные командировки.

13-го июня 1949 года я вернулся из Астрахани, куда был командирован за кожевенным сырьем для завода.

Днем вместе с женой и 3-мя сыновьями – 10 лет , 6 лет и около 2-х лет, побывали в доме родителей моей жены по адресу: Арсенальный пер., дом № 15 в частном доме. Под вечер вернулись обратно к себе домой, а проживали мы по адресу: ул. Колхозная № 18, 3 этаж в двухкомнатной квартире. Когда наступило время спать, жена уложила детей и тоже легла спать. Я один не лег и долго сидел в другой комнате за письменным столом, с плохими предчувствиями, ничего не делал, хмурый, не думая ни о чем, устремив взгляд в одну точку, окаменевший, как будто кого-то ждал.

Время было около двух часов ночи.

Вдруг звонок в дверь.

Открываю дверь коридора, заходят к нам трое мужчин, один из них солдат с винтовкой, другой – в форме ГБ, третий в штатском.

Первый вопроса: «Вы Малаян, мы пришли проверить паспорта...». Зашли все вместе в комнату, сотрудник спрашивает: «Есть ли у вас оружие». Я отрицаю, а он утверждает, что у меня есть оружие. Тогда я признаюсь, что да имею пистолет и удостоверение на право его ношения.

¹ Малаян Р.Т. Страшная ночь 1914 года... Ереван, 1992. (Издание обнаружить не удалось).

Пистолет системы «Веблескотт» за № 51811 я достаю вместе с кобурой из-под шифоньера, а также разрешение, выданное Управл. республ. милиции за номером 1217 от 25 июня 1947 года и передаю сотруднику ГБ. После изъятия пистолета сотрудник ГБ объявляет, что необходимо разбудить жену и детей и что они должны уехать из города в глубь страны. «Собирайте вещи в течение одного часа», – говорит он.

Я, наивный, вначале мгновенно подумал, что наверное начинается война с Турцией и мою семью, как семью одного из активных членов партии района им. Кирова и секретаря партбюро завода хотят обезопасить, а меня оставляют... Мечты, мечты... когда понял гнусность решения правительства. Жена испугалась с самого начала и стала будить детей, а затем начала собирать вещи в бардан и чемоданы одежду, обувь, разную домашнюю посуду и другое.

Я, ошалевший происходившим у нас в квартире, взял в руки кучу наших семейных фотокарточек и начал рассматривать и делить их на две части, мои это мне, а это ей и таким образом совсем не помог ей в деле укладки вещей, а она, бедная, то следила за одеванием сонных детей, то собирала вещи. Наконец к трем часам ночи собрали все. Я вышел в коридор, где увидел нашего соседа Оганеса Амаза, который вышел на шум. После командировки у меня не было денег, чтобы передать жене на дорогу, и попросил у Амаза, а он, за неимением, отказал мне.

Мы все вместе с вещами спустились с 3-го этажа вниз во двор дома, а на улице возле ворот дома стояла грузовая автомашина за номером 49-02, которая, судя по номеру, была машина дворца строительства.

Многие жильцы нашего дома из своих окон, а некоторые даже выйдя к своим подъездам, следили за происходящим...

Мы погрузили вещи, посадив детей и жену в кузов, к ним поднялся и солдат с винтовкой, а сотрудник ГБ сел рядом с водителем.

Мгновенно я решил тоже сесть на машину и тут же попросил представителя проводить мою семью и поехать на машине с ними. Он разрешил, и мы все вместе поехали... У товарной станции Навтлуги меня вывели, а машина заехала во внутрь двора.

Я недолго думая, тоже зашел вслед за машиной на большую площадь товарных вагонов. Там находилось множество автомашин с семьями и вооруженными солдатами. Все ждали очереди для посадки в товарные вагоны поездов с длинными составами, стоящими параллельно на ж/д путях.

Я ходил между машинами разыскивая своих и нашел машину за номером 49-02, на которой находилась моя семья. Младший сын Эдуард, которому было меньше 2-х лет, с машины увидев меня, стал требовать, что хочет мочиться, а я сказал ему, мочись, стоя на машине.

Я ходил вокруг других машин и чувствовал, что здесь могут быть и родители моей жены. Но я не нашел их. Тогда им было более 70 лет. Их единст-

венный сын, капитан Паркев Джамбазян, родившийся в 1910 году в городе Ване /Турция/, погиб в 1943 году /извещение от Тбилисского райвоенкомата от 24 июля 1949 за номером 1041/ на Орловско-Курской дуге. Он ушел на фронт добровольно в марте 1942 года. О судьбе родителей моей жены и ее брата будет сказано ниже.

Во время поисков тестя и тещи, между машинами я встретил моего знакомого еще со времени учебы в Грузинском Индустриальном институте на химическом факультете, который мы окончили вместе в 1938 году. Звали его Джаошвили Вахтанг Шалвович. Он решил, что я тоже принимаю участие в высылке из Тбилиси лиц армянской национальности. Я рассказал ему о своей горе и ужасном положении, в котором оказалась моя семья. Он посочувствовал мне и посоветовал сейчас же пойти к приезжим генералам из МГБ СССР – представителям этой «важной операции».

Поблагодарив Джаошвили, я сразу же начал разыскивать этих генералов и вскоре увидел их вместе с человеком высокого роста, в штатском, среди многочисленных людей и машин. Было заметно, что генералы в форме ГБ и тип в штатской форме были приезжими.

Я попросил разрешения обратиться к ним и они спросили меня в чем дело. Я спросил их, почему мою семью и 3-х малолетних детей привезли на вокзал и отправляют в глубь страны, за что?

Я рассказал им, что являюсь членом партии с 1941 года, советский инженер, окончил институт с отличием в 1938 году и в том же году женился, работаю уже 12 лет на заводе, был секретарем партбюро завода в годы войны в течение 5 лет, создал приличную семью, имею трех сыновей – 10 лет, 6 лет и 2 года, жена с педагогическим образованием работала с 1932 года до 1942 года учительницей в школах, а теперь домохозяйка, а сегодня, 14 июня 1949 года, за одну ночь меня лишают моей семьи и детей, что это несправедливо, незаконно, я поражен и прошу объяснить мне в чем дело?

Один из генералов мне отвечает, что очевидно есть причина для высылки и во-вторых, дети до 16-ти лет по закону принадлежат матери, второй генерал добавляет, что детей можно отнять от матери только решением суда, а третий генерал говорит, что если мать отдаст детей по своей воле мужу, то можно и без суда. В это время подошел к нам генерал Нибладзе¹, заместитель министра Госбезопасности Грузии, вместе со своими помощниками и спрашивает, в чем дело, и обратился ко мне, я объяснил суть дела и попросил объяснить причину высылки моей семьи. Нибладзе через своих помощников потребовал из специального вагона принести «дело» моей жены, узнав заранее ее фамилию.

¹ Автор по-разному пишет фамилию – Нибладзе, Набладзе.

Нибладзе Ираклий Ильич (1906–1984) – грузинский чекист, генерал-майор (1945). Заместитель министра ГБ ГрузССР по общим вопросам (1946 – 4 декабря 1951 г.). За организацию выселения награжден орденом Отечественной войны I степени (24 августа 1949 г.). В сентябре 1955 г. уволен из КГБ.

Нибладзе открыл «дело», перелистал бумаги, прочел одну справку и, показывая мне узенькую прямоугольную справку, читает в присутствии всех генералов, что «Милаян-Джамбазян Шушаник, 1915 года рождения, стала советской гражданкой в 1944 году!!!... Удивительный вздор. Спрашиваю, как же я женился на иностранке в 1938 году, как же она преподавала в школах в течение 10 лет, с 1932 года по 1942 год после окончания Пед. техникума в Тбилиси /аттестат № 1415/10, выданный 27/1 1934 г./. Генерал Нибладзе занервничал, мол долго отнял я у них время и приказал грузить мою семью в товарный вагон, тогда я спросил, почему же отправляют моих детей? Московские генералы и человек в штатском молчали. Ген. Нибладзе после паузы говорит мне: «Хочешь, бери детей». Я вначале поколебался и сразу решил взять среднего сына, а мол потом покажет время. Не лишать же мне детей матери, и решил старшего оставить жене помощником. Высадив среднего сына, машина подошла к одному из пустых вагонов и вдруг... Подходит к нашему вагону ген. Нибладзе и говорит мне: «Милаян, бери всю семью вместе с детьми и женой и езжайте домой».

Вай... Чудо... Чудо... Какая радость!

Я попросил недалеко стоящих водителей машин помочь мне перегрузить обратно вещи на машину 49-02, посадил жену с младшим сыном рядом с водителем, а я в месте с двумя сыновьями, поднялись на кузов и выехали с территории адского двора через ворота, где уже стояла охрана. Тысячи людей стояли на тротуарах вокруг и всматривались на ворота, за которыми находились их родные, друзья, знакомые, соседи, которым было суждено покинуть родину, сесть в товарные вагоны и уехать в дальние, северные края в неизвестность...

И вдруг из толпы слышу голос моей старшей сестры Сандухт, которая вместе с племянницей Жанной и несколькими их соседями пришли на товарную станцию в надежде что-нибудь разузнать, а может и увидеть нас и попрощаться с нами. Я с кузова машины дал знать водителю, чтобы он остановился там, откуда слышался голос сестры. Остановилась машина и многолюдная толпа народа на улице окружила нашу машину со всех сторон. Кричат из толпы: «Как сумел? Каким образом?» Подсадили сестру, племянницу с их соседями к нам в машину и я попросил водителя скорее ехать от толпы подальше...

Приехали мы домой, подняли вещи и я сказал жене, чтобы она не распаковывала вещи и оставила как они есть. К нам в квартиру поднялись многие соседи разузнать о происшедшем ночью с нами, и все обрадовались, что мы избавились от этой чумы... Время было уже около 7 часов утра.

До нашего возвращения из ада, оказывается, пришли к нам от соседей, где проживали родители моей жены, чтобы сообщить нам о том, что ночью их забрали на машине и, не найдя нас, узнали адрес моей сестры, которая живет поблизости, на ул. Бараташвили. Они пошли сообщить об этом моей сестре и тут она узнала, что забрали нас тоже. Пришедшие соседи от родителей жены

сообщили также, что один представитель с ночи ждет меня на квартире родителей, чтобы все вещи и ключи от их квартиры передать мне, как велел мой тесть.

Я недолго думая решил пойти в Груз. ГБ и позвонить моему земляку, зам. министра ШБ по кадрам Гвишиани Жоре, которого знал еще с юношеского возраста из гор. Ахалциха. Позвонил ему и рассказал обо всем, что произошло со мной ночью 14 июня, а также о том, что освободил мою семью ген. Нибладзе в присутствии генералов из Москвы, но у меня нет документов об освобождении и я боюсь, что могут заехать к нам повторно. Он успокоил меня и сказал, что раз освободили, повторно не придут, поскольку ген. Нибладзе является ответственным в этой операции по посылке граждан из Тбилиси. Я повторно попросил документ об освобождении, мол боюсь... Он мне в ответ, что не придут повторно, но если и придут, то позвони мне по телефону, и передал свой номер, который начинался через индекс «б». Вернулся домой, вроде успокоился малость и отдохнул немножко. На следующий день пошел на работу. Побывал также в райкоме партии Кировского района и все рассказал секретарю Хаштория К.И.

Прошла неделя, и у нас на заводе было назначено партийное совещание, на которое приехали из городского руководства партии и объяснили, что было проведено важное государственное мероприятие в ночь на 14 июня, часть населения Грузии была репрессирована и отправлена в глубь страны, поскольку некоторая часть народа долгие годы живет у нас в республике с иностранными паспортами, а другие нигде не работают, ведут паразитический образ жизни, являются балластом и компрометируют общество. В этом большом, важном и сложном государственном мероприятии были допущены отдельные ошибки, которые были исправлены, и некоторых привезли обратно с дороги. Привилегии имели те граждане, которые долгие годы занимались полезным трудом, или дети таких людей участвовали в Отечественной войне, были награждены правительственными орденами и медалями и т.д.

Вот здесь я проснулся и отрезвел после выступления и объяснения представителя по поводу массовой высылки из города в глубь страны 14 июня 1949 года...

Решил заняться вопросом высылки наших стариков-родителей моей жены, отца Амбарцума Аветисовича, 1881 года рождения, матери Анны Карко-совны, 1877 года рождения, Джамбазянов, которые были беженцами из гор. Вана в 1915 году, вместе с ними и дети: сын Паркев, 1910 года рождения и дочь Шнорик /Шушаник/ 1915 года рождения, моя будущая жена.

Какие страдания, унижения, холод и голод, эпидемии и болезни и даже смерть сопутствовали беженцам 1915 года из Турецкой Армении знает только Бог...

Семья Джамбазянов вначале побывала в Эчмиадзине, Тифлисе, Армавире, Ростове и только в 1921 году окончательно обосновалась в Тифлисе без выезда до 14 июня 1949 года.

Отец жены – Амбарцум всю свою жизнь работал сапожником, в основном в производственных артелях и производственных предприятиях Тбилиси, что подтверждается нижеприведенными справками.

1. Справка от 28/1 36 года за номером 382: являлся членом «Промсбыт-снабтоварищества» и работал с 1928 года по 27/III 1935 г.

2. Справка от 2-го сентября 1949 года за номером 291 из Производственного предприятия «Монкавшири», где работал с 1938 года по март 1941 года.

3. Справка от 25 июня 1949 года № 1/97 артели «Инсацкомбината», где работал с марта 1941 г. и был освобожден с 15/VI 49 года в связи с высылкой из города вместе с женой.

Все эти годы с 1921 года по день высылки Джамбазян Амбарцум Аветисович был тружеником и вел семейную жизнь, занимался полезным трудом, не был судим и не был осужден органами Советской власти, и не был паразитом в жизни. Это, во-первых, о его полезном труде.

Во-вторых, вырастил своих детей воспитанными, трудолюбивыми, полезными для общества людьми. Оба они, Паркев и Шушаник, окончили в Тбилиси Армянский педагогический колледж, сын в 1931 г. и дочь в 1932 г., и оба стали преподавателями в советских школах, Паркев в десятилетке города Тбилиси, а Шушаник – в 40-й школе г. Тбилиси.

Паркев в 1934 г. уехал в Москву и окончил Историко-литературный-философский институт, женился в Москве и в 1940 г. приехал с семьей, с двумя дочерьми в гор. Ереван и стал преподавателем истории в педагогическом институте им. Жданова. После начала Отечественной войны Джамбазян Паркев, член партии, не мог остаться в стороне и с марта 1942 года добровольно пошел на фронт защищать Родину. После героической защиты Сталинграда их часть двигалась на Орловско-Курскую дугу. В боях на Курской дуге капитан Паркев был тяжело ранен 6 июля и умер в госпитале 9-го июля 1943 года. Этот факт был подтвержден извещением номер 1041 райвоенкомом Тбилиси, врученным отцу Джамбазяна 24/VI 1949 г. Это тоже подтверждает необоснованность и грубую ошибку МГБ Грузинской Республики при высылке как ненадежных родителей, воспитавших героя, погибшего за нашу Родину, защитника Сталинграда.

Чтобы закончить мой рассказ о Паркеве Джамбазяне, нужно отметить также, что Полевая почта 71773 А направила ответ матери Анне Джамбазян письмецо начальника штаба гвардии майора Демкова от 3-го октября 1943 г. в Тбилиси, сообщая, что «Ваш сын гвардии ст. лейтенант Джамбазян П.А. в боях за родину проявил доблесть и героизм, был тяжело ранен 6-го июля 1943 г. и эвакуирован в госпиталь. Очень и очень сожалеем Вам. С приветом». Подпись нач. штаба гвардии майор Демков. Он же сообщает, П.С. «Тов. Джамбазян представлен к правительственному ордену Красного Знамени».

Вооружившись этими обоснованными данными о жизни и трудовой деятельности отца и его сына, погибшего на фронте, документами ради спра-

ведливости и исправлении ошибки МГБ Грузии в отношении необоснованной высылки, я как член партии, был обязан ради справедливости в отношении безвинных родителей моей жены добиться освобождения их и возвращения обратно, обрадовать их в преклонном возрасте, спасти стариков от тяжелой для них, невыносимой жизни в условиях дальнего севера. Ради справедливости и решил сам по себе заняться, обращаться во все органы партии и правительства, просить, разъяснять, доказывать, бороться за их невиновность и не отстать от этого с первых дней их высылки, которая длилась 3 года и 5 месяцев.

В конце концов в 1952 году 26-го ноября родители моей жены Амбарцум в возрасте 72 лет и Анна 75 лет Джамбазяны были освобождены из спецпоселения по указанию МГБ СССР.

В основном все письменные заявления и жалобы я подавал от имени моей жены – дочери стариков, от имени самих стариков и лично от меня. Ниже приведу ряд заявлений, жалоб одновременно в органы МГБ Грузии, Сов.мин. Грузии, Прокуратуры СССР, МГБ СССР, на имя Сталина, на имя Ворошилова, на имя ЦК КП Армении Арутюняна. Специально я был на приеме в ЦК КПСС, у прокурора по спецделам СССР, был на приеме в МГБ СССР, и наконец... Ответы на заявления из этих органов были шаблонные, бездушные, отрицательные, и они считали, что выселение стариков проведено правильно, эти же заявления оставлены без последствий. Вот конкретные ответы этих органов, которые ниже приводятся почти в хронологическом порядке:

1. Обращалась с заявлением моя жена вначале к Министру КГБ Грузии Рухадзе, ответ получен 25/VI 49 г. Сообщили нам, что заявление оставлено без последствий. Подпись неразборчива.

2. Заявление я подал пред. совмина Грузии Чхубианишвили и лично был на приеме у него и в присутствии его зама Ишханова рассказал им суть «дела». Они обещали заняться и через неделю получаем ответ от Управления Совмина о том, что заявление переслано Мингосбезопасности т. Рухадзе от 15/VII 49 г. за № М-189"78, куда Вы должны обратиться за ответом. Подпись – С. Ростиашвили.

3. Заявление подано на имя Сталина /Совмин/ и вручено в экспедицию комендатуры от 2/VIII 49 г. Оставлено без ответа.

4. Заявление в МГБ Груз. ССР, ответ от 2/VIII 50 г. Удовлетворить не представляется возможным. Подпись зам. нач. отдела Казахишвили. Без номера.

5. Специально поехал в Москву в начале января 1950 г. заняться «делом» стариков-родителей моей жены, добиваться справедливого подхода к их судьбе и возможного освобождения их из спецпоселения. С собой я имел все необходимые фотодокументы, фотоснимки, альбомы об ужасах геноцида армян в Турецкой Армении в 1915 году, резне армян и о беженцах, среди

которых были и родители. Записался на прием к Прокурору Союза по спецделам и в день приема рассказал прокурору историю о высылке стариков 14 июня 1949 года из Тбилиси в глубь страны на север без суда и следствия. Прокурор выслушал меня. Рассказал я также о их сыне Паркеве, об их детях. Паркев погиб на фронте. Рассказал и о дочери-педагоге, имевшей 3-х сыночек. Прокурор велел мне все рассказанное изложить письменно, написать заявление и на следующий день он примет мое заявление. Ночью сидел у моей тети и написал все рассказанное прокурору. На следующее утро 19-го января при морозе 30 °С добился отпечатать написанную мною ночью жалобу на имя Прокурора Союза, приложив справки, фотодокументы и отдал все прокурору по спецделам.

Получив ответ на мое заявление из Прокуратуры Союза ССР от 11/Ш 50 г. за № 10/4420-49 мол нами проверена жалоба и выселение проведено обоснованно. Подпись И.О. Зам нач. отдела по спецделам. Неразборчиво.

До обращения в Прокуратуру Союза ССР 10 января 1950 года в Москве, решил обращаться в ЦК КПСС и просил женщину в комендатуре ЦК записать меня на прием к Маленкову, а она спросила по какому делу или вопросу? Я категорически заявил ей, что не скажу и не пытайтесь. Она дала мне знать, что Маленкова нет в Москве, он в Ставрополе. Тогда я потребовал приема у других секретарей ЦК или же ответственных работников. Она сказала: «Ждите, мы сообщим вам». Жду минут 15 и из другого кабинета, открыв дверь, спрашивают: «кто здесь из Грузии» и приглашает меня мужчина в кабинет, здесь стоят стол и два стула. Сели за стол и он сказал мне, что он ответственный работник ЦК, зав. орготделом и сказал свою фамилию – Громов. Я решил выложить всю историю моего деда, рассказал историю резни 175 миллиона армян в 1915 г. в Турции, о беженцах и о родителях моей жены, а также о погибшем на фронте их сыне. Правда, он посочувствовал мне и сказал, что мол мы должны обратиться к Берия, который занимается республиками Закавказья, добавил при этом, что «вопрос этот не партийный и что я должен обратиться в правительство». Я заявил, что Сомин Грузии отказал мою просьбу, и я пришел к вам жаловаться на правительство. В общем, и на этот раз ничего не вышло.

Решил на следующий день обратиться в Кремль за ответом написанного нами заявления на имя Сталина, которое вручено в Москве 2 августа 49 г., получено обратное уведомление, и было оставлено без ответа. Позвонил в комендатуру Кремля, мне ответили, что Ваше заявление отправлено на Кузнецкий мост № 24, обратитесь туда. Прохожие указывают на ст. метро, и я нахожу это здание и оказывается, что это КГБ Союза. Захожу в приемную к полковнику Антонову и рассказываю, показывая всю документацию, о погибшем на фронте моем шурине, о родителях, которые находятся в далекой Сибири. Он, Антонов, на бумаге отмечал отдельные моменты, сказанные мною, и наконец отвечает, что ваша жалоба будет рассмотрена на особом совещании тройки и получите вы ответ. На следующий день я позвонил же-

не и узнал от нее, что, оказывается, вечером из КГБ Москвы позвонили в КГБ Грузии, чтобы проверить факт существования сына Паркева. А здесь в Тбилиси соседи по дому родителей сразу же пришли к моей жене и сообщили о расспросах сотрудников из МГБ Грузии.

6. Ответ получен на заявление самого старика Джамбазяна А.А., которое было послано министру юстиции СССР, ответ из прокуратуры Союза за № 10/4400-49 от 11/III 1950 г. Сообщили, что высылка произведена правильно. Подпись и.о. зам. нач. отд. неразборчива.

7. Было обращение с заявлением в Глав. Полит. Управл. Советской Армии, откуда сообщили, что заявление направлено на рассмотрение в секретариат МГБ Грузии от 7/VIII 50 г. за № 72390. Подпись нач. отд. писем – Фешанков.

8. Было направлено заявление в Военное министерство СССР, которое переслано на рассмотрение в МГБ Грузии и получен ответ из МГБ Груз. ССР от 29 августа 1950 г., что удовлетворить просьбу не представляется возможным. Подпись зам. нач. отдела МГБ Груз. ССР Казахишвили.

9. Старик Джамбазян подал из места поселения заявление первому секретарю ЦК КП Армении т. Арутюняну в феврале 1951 года и заявление было направлено в Прокуратуру Союза ССР, который направил ему ответ от 30/IV 51 г. в село Высокий Яр. Трафаретный ответ, что рассмотрено и оставлено без удовлетворения, т.к. «вы выселены правильно». Подписал и.о. нач. отдела по спецделам, гос. советник юстиции Камочкин.

10. Прокуратурой Союза ССР рассмотрена жалоба от 16 июля 1952 г. за № 13/4430-40, оставлено без удовлетворения, т.к. выселение из Грузинской ССР Джамбазянов А.А. и А.М. произведено правильно. Подпись и.о. нач. отдела по спецделам Гос. советн. юст. Камочкин.

11. Джамбазян Анна, мать погибшего Паркева, подала заявление в Прокуратуру СССР из мест поселения село Высокий Яр Парбигского района Томской области об освобождении ее и мужа от ужасов, в которых они находятся. Ей был послан ответ в село Высокий Яр Томской области от 31 июля 1952 г. за № 13/4490-49: «Выселение произведено правильно». Подпись зам. нач. отдела А. Сучков.

Упорно и безустанно я с женой все время продолжали обращаться во все высокие инстанции страны и республики. Просили, указывали невинность родителей, представляли справки, документы, фотоснимки, и все безуспешно в течение трех лет и 5 месяцев. И, наконец, мы по совету моего старшего брата обратились к опытному юристу с просьбой составить жалобу, обосновать невинность родителей, незаконность действий МГБ Грузинской ССР в деле высылки родителей из Тбилиси в глубь страны на север. Собрали все материалы, документы, относящиеся к деятельности старика, об их детях, дочери, о гибели сына на фронте, рассказали все по делу этому юристу, который нам помог юридически обосновать и составить жалобу в порядке надзора на 5 печатных листах, описав подробно незаконность действий МГБ,

нарушивших Советскую конституцию, высылке в далекие края, к тому же еще в преклонном возрасте, что это недопустимо для советского правосудия и должна быть исправлена ошибка МГБ Груз. ССР и что старикам должно быть разрешено вернуться обратно в Тбилиси.

На всех наших заявлениях, обращениях мы описывали, что на всех высланных лиц на местах было неофициально направлено мнимое обвинение, что они являются иноподданными, тогда как родители моей жены, как сказано выше, являлись беженцами из Турецкой Армении в 1915 г. и перешли затем на территорию России, вначале в Ереван, Тбилиси, Сев. Кавказ, Ростов и с 1921 года обосновались окончательно в городе Тбилиси и до дня высылки, 14 июня 1949 г. безвыездно 28 лет жили в Тбилиси и во время первой паспортизации советских граждан в 1933 получили паспорта мать, отец и брат. Но в 1943-м или 1944 г. ввиду военного времени были приняты меры охраны государства и взяты на учет как иноподданные. Почему-то у части беженцев из Турции отобрали советские паспорта, заменили их документами, свидетельствующими, что они являются лицами без гражданства. Для чего это нужно было делать – непонятно и поныне. Тот же, при изъятии советских паспортов, паспортный отдел Грузии давал им формы заявления и анкеты для заполнения, чтобы якобы вновь стать советскими гражданами. После заполнения эти анкеты и заявления вызванные граждане сдавали обратно в паспортный стол и через некоторое время они вызывались в паспортный отдел, где им вновь выдавались новые постоянные паспорта. Отцу выдали паспорт за № 528567, а матери за № 528566. Одновременно с историей паспортной операции родителей была вызвана и моя жена, которая также получила новый паспорт. Это было в 1944 году. Вот откуда в 1949 году они и моя жена именовались иностранными подданными с советскими паспортами! Это все необоснованно, абсурдно, извращение закона, которое было искусственно создано МГБ Грузии в 1944 году. Выселенцев из Турции в 1915 году, во времена царской империи живущих в Грузии и Советском Союзе с советскими паспортами, через 28 лет их считать иностранцами. Ведь даже после 1944 года в их руках в день высылки 14/VI 1949 г. были же советские паспорта. Вообще у них не клеилось это «дело», нет логики, и кто же может ответить? Кто виноват? Да, скажу прямо, есть отдельные граждане, живущие долгое время в Союзе, имея на руках паспорта иностранных государств, не работали, вели паразитический образ жизни, то это другое дело. В военное время против них надо было принять меры.

В общем, здесь до 12-го пункта я остановился поподробнее и считаю, что было необходимо, т.к. написанная жалоба с документами мною уведомлением было послано заказным, ценным письмом, через отделение связи № 26 из Тбилиси в адрес МГБ СССР 30-го июня 1952 года за № 103.

12. Одновременно в тот же день второй экземпляр жалобы был выслан в Москву, Пушкинская № 15а на имя Генерального прокурора Сафонова, тоже с документами и с уведомлением заказным, ценным письмом под № 104.

Через две недели получаю из Прокуратуры СССР ответ от 16/VII 52 года за № 13/4420-49 о том, что жалоба оставлена без удовлетворения и что выселение Джамбазянов произведено правильно.

13. Долго ждали ответа из МГБ Союза на нашу жалобу, и наконец через 2½ месяца я пошел в отделение связи № 26 и потребовал объяснения, почему еще не получено уведомление из Москвы от Министерства Госбезопасности Союза на мое ценное письмо № 103, посланное почтой 30 июня 1952 г., и как мне быть уверенным, что наша жалоба вручена адресату. Начальник отделения связи уверил меня о запросе уведомления. После запроса получаем ответ из Москвы в сентябре числа 8–10-го от начальника Бюро жалоб Московского почтамта Авдеева и ст. инспектора Канунцова с их подписями о том, что з/п № 103 из Тбилиси от 30/VI 52 г. с адресом Москва, Министерство Госбезопасности получено 4/VII 52 г. и выдано 20/IX 52 г. под расписку Глав.[...] по доверенности КГБ и в конце их две подписи с должностями. Наконец то! Вот это д[...]! Не удивительно, почему жалоба вручена так поздно, с задержкой после 2-х месяцев и двух дней. А я настойчиво требовал уведомления в отделении связи. Где была задержка жалобы и почему? Вот загадка! Я все же успокоился, что наконец-то жалоба попала адресату и жду ответа.

Мы еще долго ждали ответа по рассмотрению жалобы из МГБ страны и не дождались. Вдруг, в конце ноября 1952 года от родителей поступает телеграмма о том, что они освобождены со спецпоселения и выедут обратно только через 6–7 месяцев, когда откроется навигация по реке Обь.

Вот наконец-то ответ на последнюю жалобу и радость, восхищение, т.к. справедливость восторжествовала благодаря нашему неустанному упорству. Это решение было принято еще при жизни Сталина и палача Берии.

Я должен описать еще один эпизод о том, что после освобождения моей семьи с детьми на товарной станции в ту адскую ночь 14-го июня 1949 года, через 1–1½ месяца днем пришел сотрудник госбезопасности к нам в дом и пригласил мою жену пойти с ним в отделение милиции нашего района. Жена взяла с собой паспорт, по дороге стала сомневаться и говорит сотруднику, что мол наша милиция находится на другой улице, значит, ее ведут в комитет госбезопасности республики, испугалась. безусловно. Допрашивают ее и удивляются тому, что почему она не в Сибири, берут расписку от нее о невыезде из города Тбилиси. После работы прихожу домой, а она в ужасе, в испуганном состоянии рассказала мне об этом, я успокоил ее и решил написать рапорт на имя министра госбезопасности Грузии Рухадзе и изложил все как и что происходило в ночь на 14 июня на товарной станции Навтлуги с моей семьей при встрече с генералами из Москвы и зам. министра генерала Нибладзе, который наконец вынужден был освободить всю мою семью, очевидно, с ведома генералов из Москвы и человека в штатском. При этом кроме генералов из Москвы и человека в штатском как свидетели присутствовали и сотрудники КГБ, помощники Нибладзе, среди которых и майор Зедгинидзе Ваничка, мой земляк из гор. Ахалцихе.

Прошло еще 1–2 месяца и мы получаем повестку явиться в комитет госбезопасности Грузии и, как всегда, на 2–3 дня повестка приходит раньше, чем день назначения явки. Это время мучительно действует на вызванных граждан, и все думаешь за что и что скажут... На этот раз в приемной комнате женщина в форме, за письменным столом, сообщает нам, что для нас радость... жена от восторга чуть не падает в обморок, т.к. мы все время жаловались в разные органы и в том числе в органы госбезопасности относительно родителей и совершенно не ожидали, что сотрудница приемной продолжала, открывая папку «дел», обращаясь к жене: «Вы освобождены...» Вот что: оказывается, что моя жена освобождена решением только теперь... после ночи 14-го июня... Мы даже забыли об этом и подумали, что радость относится к нашим родителям...

Материальное мое состояние вообще было даже ниже среднего, несмотря на то, что все время я работал на производстве начальником разных основных цехов, начальником ОТК завода, все же была нужда в семье, ведь время было послевоенное... Жена не работала с 1942 года, воспитывала троих детей и вдобавок 3½ года родители находились в ссылке, требовалось временами посылать им посылки, платя только за 1 кг веса 7 рублей. Правда, во время их ссылки мы добились через военкомат назначения им пенсии за сына, гвардии капитана Паркева, погибшего на фронте в 1943 году, в размере 400 рублей, а также семье Паркева тоже в размере 400 рублей. Семья его и две дочери жили в Ереване, откуда Паркев ушел на фронт в марте 1942 года.

Тесть мой до высылки материально понемногу помогал моей семье и я, как зять, не мог отойти от их несчастья и не бороться за справедливость, не обращаться насчет их освобождения, будучи уверенным, что они не виновны...

Мы писали одно за другим заявления, жалобы, обращались ко всем, как описано выше... /И в середине июня 1953 года старики приехали к нам в Тбилиси. Наша радость была велика. К нам приходили поздравлять родственники, знакомые, соседи/.

Город Тбилиси, столица Грузии, давно считался одним из интернациональных городов Советского Союза, где с давних пор жили многие нации, в том числе армяне, где была сосредоточена армянская интеллигенция. Армянское население в Тбилиси насчитывало около до 400 тысяч человек. Многие армяне принимали активное участие в общественно-политической жизни города, в производственно-хозяйственной деятельности общества как равноправные граждане и жили и развивали свою культуру наравне с грузинской, не ущемляя друг друга. Армянских школ в городе насчитывалось до 50, они имели свой театр, выходила ежедневная газета, трудились специалисты, ремесленники. Что же произошло после войны, непонятно.

Все вышеприведенные факты, справки, документы, отказы и данные, фотоснимки у меня на руках.

Мы на семейном совете решили после их возвращения из ссылки в 1953 году переехать в Ереван на постоянное жительство, но после того, как освобожденные из ссылки и реабилитированные старики будут обеспечены жильем. Начали обращаться в соответствующие органы власти и требовать – вернуть им обратно прежнюю квартиру в частном доме, куда после их ссылки Тбилгорсовет вселил других жильцов. Пришлось обратиться в народный суд. Через ряд мытарств суд решил выселить жильцов и вселить родителей моей жены. На суде тестя попросили подождать до весны, т.к. семью, которая имеет малолетнего ребенка в зимний период невозможно выселить, а тесть как порядочный человек согласился подождать до начала мая месяца 1954 года отложить выселение. В начале мая мы с вещами на машине поехали, предупредив заранее судебного исполнителя для выселения жильцов из квартиры по адресу Арсенальный пер. дом № 16, домовладелец Самхарадзе, и вселения родителей моей жены. Судебный исполнитель захотел пойти в суд и вернулся и объявил нам о том, чтобы реабилитированным гражданам не возвращать их прежнее жилье, а местным органам власти – взять их на учет и обеспечить в первую очередь новыми квартирами.

Нам пришлось из учета района им. Молотова г. Тбилиси перейти в наш район им. Калинина, т.к. родители жили у нас и вновь стали на учет в исполкоме нашего района.

Здесь началась новая волокита, которая длилась до 1960 года, т.е. в течение 6 лет и, наконец, выделили старикам одну комнату в новом доме 3-го массива, находящегося недалеко за Навтлугом в районе 26-ти Комиссаров. Прожили мы еще 2 года в Тбилиси и через городское бюро обмена обменяли наши обе квартиры на гор. Ереван тоже в разных районах города. Мы в Ереване вновь обменяли через год наши квартиры на квартиру из 3-х комнат в Маштоцском районе на ул. Эстонская дом № 13 /объект 1219/. Наконец-то осуществилась наша мечта, и радость объединения в общую семью с родителями жены в возрасте более 80 лет. Им нужен был постоянный уход и каждодневная забота, которую исполняла моя трудолюбивая жена...

...Моя теща, Анна Маркосовна, 1877 года рождения, после убийства турками ее отца с 10 лет была определена в детский приют и школу, которые организовали в гор. Ване американские миссионеры. Она жила и воспитывалась там же и после окончания этой школы преподавала там географию. Она с детства была очень религиозной, верила в Бога, и ее вера была протестантской. Вышла замуж в 1908 г. за тестя моего и заимели 2-х детей. Паркева, 1910 года рождения и Шнорик /Шушаник/, 1915 года рождения, в будущем моя жена. Она играла на фисгармонии и пела у нас религиозные песни по нотам. Теща умерла в 1965 году в возрасте 88 лет.

Мой тесть Амбарцум Аветисович, 1881 года рождения, о котором было сказано выше, работал сапожником до высылки 14 июня 1949 г. После возвращения из ссылки не работал, занимался нашим садиком. Он был аккуратным, строгим, справедливым, трудолюбивым человеком. После смерти жены

прожил всего 2 года и 7 месяцев. Умер он в возрасте 86 лет. Они похоронены на кладбище «Кармир блур», рядом, в армянской земле. Устроили ограду на могиле и установили мраморную плиту с их именами, прибавив имя их сына. Ежегодно в день памяти покойных ходим на кладбище и зажигаем свечи на их могиле.

Это были порядочные люди, трудолюбивые, справедливые, желающие людям всегда добра и помощи...

{...}

РАЗДЕЛ III. Исследования

Наталья Аблажей

Армянская депортационная кампания 1949 года*

После окончания Второй мировой войны в эпицентре депортаций оказалось население западных и закавказских территорий СССР. Власть и силовые структуры аргументировали необходимость принудительных переселений борьбой с националистическим подпольем и необходимостью ускоренной советизации. Депортации с западных территорий начались еще в годы войны, но активизировались в 1947–1949 гг. Волны выселений шли одна за другой: в 1947 г. в ссылку попали больше 75 тыс. чел., в 1948 г. – 77 тыс. чел. На 1949 г. пришелся пик принудительных переселений, а их география расширилась. В январе МГБ инициировало, а в конце марта провело выселение 90 тыс. чел. из Прибалтики; затем очередь дошла до южных территорий страны – Закавказья и Причерноморья; вслед за ними массовые депортации ожидали Молдавию. Всего в 1949 г. в ссылку в отдаленные районы страны было отправлено более 183 тыс. чел. По итогам проведенной кампании по выселению граждан из Прибалтики, Молдавии и с Черноморского побережья Кавказа боевыми орденами и медалями 24 августа 1949 г. были награждены 3324 сотрудника МВД и МГБ¹.

Российскому исследователю Н.Ф. Бугаю еще в середине 1990-х гг. удалось, основываясь на материалах МВД, ввести в научный оборот данные о численности высланных в ходе одной из операций, проведенной 14 июня 1949 г. Согласно его данным, высылке тогда подверглось 57,5 тыс. чел.² Благодаря исследованиям Н.Л. Бугая, А.Н. Коцониса и И.Г. Джуха³ операция получила в историографии название «греческой», при том что доля этнических греков в составе высланного контингента не превышала и половины; второй по численности этнической группой, попавшей в эту депортацию, стали армяне. Кроме двух вышеперечисленных народов, в эту кампанию попали представители еще десятка национальностей. Бугай первым сделал предположение, что вслед за самой массовой, июньской операцией, выселе-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-21-200001.

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1949 г. «За выселение из Прибалтики, Молдавии и с Черноморского побережья Кавказа». Отменен указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1964 г. в части награждения за выселение из Молдавии и Кавказа (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 82. Д. 116. Л. 158–173).

² По данным Бугая (без ссылок на источник) 14 июня 1949 г. было выслано 57 680 чел.

³ Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М.: ИНСАН, 1999. 159 с.; Джуха И.Г. Спецшелоны идут на Восток: История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 557 с.

ния «греков», «турок» и «дашнаков» были пролонгированы и происходили с сентября 1949 по август 1951 г.¹ П.М. Полян склонен характеризовать события 14 июня 1949 г. как комбинированную акцию, проведенную в формате трех операций («греческой», «дашнакской» и «турецкой»), направленную на «зачистку» Причерноморья и Кавказа от националистических и иногражданских элементов². По мнению Поляна, высылка 14 июня 1949 г. имела значительное сходство как с предвоенными кампаниями по «зачистке границ», так и с послевоенными выселениями из Прибалтики, Молдавии и Западной Украины, направленными на советизацию и ослабление национальных движений.

Инициатива масштабной «чистки» Закавказья и Причерноморья исходила от МГБ СССР. На это указывает тот факт, что именно это ведомство разработало проекты постановлений правительства о выселении. Первые два решения – «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР» и «О выселении турецких граждан, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье» – были одобрены и утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) 4 апреля 1949 г.³ Решение от 11 апреля санкционировало «выселение дашнаков, проживающих в Грузинской ССР»⁴. Судьба греков была решена Политбюро немного позже, 17 апреля. Для всех трех подкатегорий высылаемых была использована универсальная мотивировка – «политически неблагонадежный элемент», но именно политическая подоплека этого по сути этнического выселения остается неочевидной. Его нельзя свести к превентивным шагам власти относительно возможных действий «пятой колонны» или к «этнической чистке» приграничья в условиях начинающейся холодной войны.

Попробуем ответить на этот вопрос. Среди специалистов сегодня не вызывает сомнения тот факт, что выселение армян 14 июня 1949 г. было проведено в формате не только «дашнакской», но также и «турецкой» операций. Более того, есть веские основания полагать, что «дашнакская» депортация 1949 г. стала кульминацией борьбы с «армянским национализмом». Широко использовавшийся в 1930-е гг., этот лозунг вновь был взят на вооружение. Не следует забывать и о постоянном стремлении центральной власти играть на противоречиях в Закавказье. Начиная с 1947 г. призывы «повысить бдительность» и «разгромить армянский национализм» звучали не только в массовой пропаганде в Армении, но и использовались руководителями соседних республик как политический аргумент для центральной власти. Так, в пись-

¹ Бугай Н.Л. Л. Берия – И. Сталину... С. 241–244.

² Данная точка зрения наиболее емко была отражена П. Поляном в лекции «Депортационные операции на Кавказе», прочитанной на международной летней школе «Методология исследований советских репрессий: работа в архивах и метод устной истории» (Армения, Севан, 17–23 июня 2015 г.).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 140–141.

⁴ Там же. Л. 144.

ме Сталину 1948 г. «О деятельности армянских националистов в Закавказье» первый секретарь ЦК КП Грузии К. Чаеквиани писал о «раскольнической деятельности армянских националистов», попытках «за счет соседних республик построить Великую Армению», «свободном проживании дашнаков» в регионе¹.

Не менее решительно был настроен первый секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров, неоднократно публично выступавший против «армянского национализма». 7 марта 1949 г. в обширном письме Сталину Багиров писал о провокационной и «антисоветской работе дашнаков», об «общности» «армянского национализма» и «империалистических заговоров»². Нельзя не учитывать и то, что на фоне массового выселения «на добровольных началах» азербайджанского населения из Армении, начатого еще в 1947 г. и проводимого по «взаимному согласию» Багирова и Арутинова³, – от армян тоже «требовалась жертва».

В то же время следует подчеркнуть тот факт, что в отличие от властей Грузии⁴ и Молдавии, фактически попросивших Сталина провести депортацию с территории собственных республик, руководство Советской Армении с «такими» инициативами в Кремль не обращалось.

«Дашнакская линия» в Армении четко обозначилась со второй половины 1947 г., а к середине 1949 г. по политическим статьям в республике было осуждено уже более тысячи человек. Армению буквально захлестнула очередная волна борьбы с буржуазным национализмом, что проявилось в очередной антидашнакской кампании, кульминацией которой стали массовые аресты и, конечно же, депортация. В ходе этой операции предусматривалась «зачистка» территории Армении, Азербайджана, Грузии и Краснодарского края от «националистов-дашнаков». Помимо этого, армяне, проживающие на территории Грузии, Краснодарского края и Азербайджана, могли попасть под выселение как бывшие «турецкоподданные».

Уже в апреле 1949 г., т.е. за полтора месяца до выхода приказов МВД СССР о выселении, в регионах, «особо засоренных» «националистами» и «иноподданными», началась работа по выявлению и учету контингентов, определенных к выселению. Эта работа проводилась конспиративно. Сначала составлялись списки, затем справки-меморандумы и предварительные заключения о необходимости выселения. Основу собранных данных составляли материалы учета и оперативных разработок, агентурные сведения (донесения/доносы агентов и сексотов). Все документы, относящиеся к той или

¹ Гасанлы Дж. Территориальные претензии Армении к Азербайджану и Грузии. Депортация азербайджанцев из Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2011/08/m260526.htm> (без ссылки на источник).

² Там же (со ссылкой на: АПД УДП АР. Ф. 1. Оп. 221. Д. 78. Л. 3–5).

³ Речь идет о письме М. Багирова и Г. Арутинова И. Сталину от 03.12.1947 г.

⁴ На это прямо указывает решение Политбюро от 11 апреля 1949 г.: «Принять предложение ЦК КП(б) Грузии о выселении с территории республики дашнаков, численностью 1950 человек, составляющих 650 семей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 144).

иной семье, комплектовались в особое учетное дело – «дело на выселение семьи». Еще в конце 1948 г., накануне новой волны депортаций, МГБ СССР разработало и выслало на места подробные инструкции по порядку их оформления.

За апрель – май 1949 г. МГБ И МВД Армении проверили по разным «учетам» и разработкам более 50 тысяч жителей республики. В итоге были сформированы предварительные заключения на выселение примерно 3 тыс. семей. Первые из них были датированы 20 апреля (!), основная же масса подготовлена в мае; только пятая часть первичных заключений были оформлены в начале июня. Второй, скорректированный, вариант заключения составлялся уже после выселения, но датировался обычно кануном или днем высылки; таким образом, учетные дела дорабатывались уже после того, как фигуранты по ним отправлялись в ссылку. В каждом деле, таким образом, имеются два заключения на выселение. В Москву для рассмотрения Особым совещанием при МГБ СССР отправлялись более поздние по времени варианты заключений.

Согласно указаниям из столицы, высылке в качестве «дашнаков» подлежали лица армянской национальности, «связанные в прошлом и настоящем с дашнакской партией». Основу этого контингента составили прежде всего семьи, главы которых уже были осуждены как «дашнаки-националисты» в 1920–1940-е гг., особенно в период Большого террора. Зачастую во многих из этих семей в живых уже не было членов, осужденных за годы советской власти за явную или мнимую принадлежность к дашнакской партии; кто-то получил высшую меру наказания в начале 1930-х гг. или в 1937–1938 гг. или умер в заключении.

«Дашнакский контингент» пополнили и те советские военнопленные армяне, которые к лету 1949 г. еще оставались на свободе. Как известно, большинство армян, обвиненных в коллаборационизме за службу в армянских легионах¹, попали в крымскую высылку 1944 г. Что касается вернувшихся в Армению репатриантов из числа советских военнопленных, то в ходе фильтрации среди них также активно «выявляли» «легионеров». Усилиями республиканского МВД в 1946–1948 гг. в ссылку с формулировкой «легионер» был отправлен каждый десятый репатриант из числа советских военнопленных, прибывших на территорию республики.

¹ «Армянский легион» существовал в 1942–1945 гг. и пополнялся как за счет советских военнопленных армянской национальности, так и за счет молодежи армянской диаспоры из разных стран Европы. Общая численность легиона на конец войны достигала 10 тыс. чел. Охоту на «легионеров» с 1944 по 1947 г. вел СМЕРШ, в ходе нее были арестованы лидеры армянского националистического движения. В распоряжение МГБ Армянской ССР были переданы захваченные СМЕРШем в Болгарии генералы Нжде (Гарегине Тер-Арутюнян) и Ованес Деведжян, закрытый трибунал над которыми состоялся в Ереване в апреле 1948 г. Коллаборационистов выявляли в ходе фильтрации, по ее итогам многих как «власовцев» отправляли в особые лагеря, а в 1946 г. – на спецпоселение.

Еще одной категорией, включенной в «дашнакский» контингент, стали зарубежные армяне, добровольно прибывшие на родину после Второй мировой войны. Госпроверку (фильтрацию) проходили все репатрианты, по ее итогам составлялись «учеты», в первую очередь это касалось тех, кто накануне въезда в Советскую Армению публично, через просоветскую прессу диаспоры, заявил о разрыве с «Дашнакцутюн», или лиц, в ходе проверки которых была «установлена» связь с этой партией. Таким образом, в число подлежащих выселению попали люди с очень разными судьбами, но объединенные министерством госбезопасности вместе со всеми членами семей в единый «дашнакский контингент».

Попытаемся разобраться, за счет кого был сформирован контингент «турецкоподданных». В СССР большую часть бывших подданных Турции (точнее, Османской империи) составляли греки и армяне, вынужденно переехавшие на историческую родину из-за опасений истребления на этнической почве (беженцы от геноцида). Но поскольку греки составили отдельный контингент, подлежащий выселению, а большинство армян, среди которых как минимум треть были выходцами из Западной Армении, были квалифицированы как «дашнаки», перед органами стояла непростая задача сформировать контингент «турецкоподданных» (или «турок»). Помимо части греков и армян, которых все же записали как «турецкоподданных», к таковым были добавлены также ассирийцы, азербайджанцы, лазы, езиды и представители других народностей, те, кто хотя и были выходцами или беженцами из Османской империи, но постоянно проживали в СССР. Многие из них в 1924 г. получили на руки документы советского образца (виды на жительство), что на тот момент квалифицировалось как получение советского гражданства. Однако Конституция 1936 г. и Закон о гражданстве 1938 г. реанимировали в отношении обладателей подобных документов статус лиц без гражданства и иностранцев (в том числе и бывших). Как «иноподданные» и «бывшие иноподданные» они проходили по учетам НКВД (МВД) и ОВИР Главного управления милиции начиная с середины 1930-х гг. Переучеты иностранцев были довольно частой процедурой, зачастую они завершались репрессиями. Итогом одного из таких переучетов стала депортация «иностранцев» из Крыма в июне 1944 г. Согласно постановлению Совета министров СССР № 590-227сс от 11 февраля 1949 г. были скорректированы правила проживания в стране иностранцев и лиц без гражданства. Им предписывалось в обязательном порядке проходить регистрацию раз в три месяца, получать в милиции разрешение на перемену места жительства. Вскоре последовала и очередная волна высылки иноподданных.

В активную стадию операция по подготовке и организации массового выселения с территорий Закавказья и Причерноморья вошла в конце мая 1949 г. 28 мая 1949 г. министр МГБ Абакумов подписал приказ № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных,

бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями, с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья». 29 мая 1949 г. Сталин как глава Совета министров СССР подписал постановление с грифом «Особо секретно» за № 2214-856сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря». Непосредственно само выселение осуществляли органы МГБ; за МВД, согласно решению правительства, оставались транспортировка и размещение контингента.

2 июня 1949 г. за подписью министра внутренних дел С.Н. Круглова для реализации на местах был спущен приказ № 00525сс «Об обеспечении перевозок и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря». В своих решениях власть обозначила только регионы выселения и вселения, вопрос же о численности депортируемых был отдан на откуп местным органам госбезопасности и внутренних дел. В приказе № 00525сс констатировалось: «...направить на вечное поселение: в Алтайский край дашнаков 3620 семей 13 000 человек, в Томскую область турок 1500 семей 5400 человек, в Джамбульскую область греков 6000 семей 21 600 человек, в Южно-Казахстанскую область 1500 семей 5400 человек». Таким образом, к выселению было определено 45,4 тыс. чел. Конвоирование «спецконтингента» с Кавказа поручили 432-му Минскому Ордену Кутузова и Александра Невского мотострелковому полку конвойных войск МВД СССР (в/ч № 7555), который начиная с 1947 г. активно участвовал во всех депортациях. Для сопровождения депортируемых, исходя из численности эшелонов, было сформировано 42 конвоя¹. Обеспечение режима ссылки ложилось на министерство внутренних дел.

Проведение спецоперации, получившей кодовое название «Волна», предполагало привлечение значительного количества сотрудников разных силовых структур. На проведение операции командировался весь местный оперативный состав ГБ и МВД, военнослужащие внутренних войск, партийные и советские активисты. Мобилизовались также части ближайшего погранокруга, военизированные части железнодорожного и автотранспорта, военной контрразведки. Недостающий оперативный состав привлекался из других регионов СССР. переброска войск и транспорта происходила накануне операции; вводился усиленный режим охраны государственной границы. Иногда численность войск и актива соответствовала, но нередко и значительно превышала общую численность выселяемого контингента.

Оперативное командование спецоперацией «Волна» номинально осуществлял заместитель Абакумова генерал-лейтенант Н.Н. Селивановский; фак-

¹ РГ ВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 288. Л. 150.

тическим руководителем стал глава МГБ Грузинской ССР генерал-лейтенант Н.М. Рухадзе, печально известный по депортации чеченцев в 1944 г. Для проведения операции создавалось восемь оперативных штабов: три – в Грузии (Абхазия, Аджария и Грузия), два – на Украине (в зоне которых были Херсонская, Николаевская, Одесская, Измаильская области и Крым), по одному – в России (Краснодарский край), Азербайджане и Армении.

В Армении для планирования и реализации подготовительных мероприятий был создан оперативный штаб, куда вошли руководитель республиканского МГБ полковник С.А. Корхмазян и два сотрудника центрального аппарата МГБ СССР: генерал-лейтенант Я.А. Едунов и заместитель уполномоченного по войскам МГБ генерал-майор П.А. Леонтьев. Едунов, занимавший должность заместителя начальника 2-го Главного управления МГБ СССР, одновременно являлся начальником особого отделения «2-Н», созданного для «борьбы с националистическим подпольем». Именно он возглавлял борьбу с «украинскими националистами» в западных областях Украины. Леонтьев, будучи командиром 5-й дивизии войск МГБ СССР, участвовал в проведении в марте 1949 г. на территории Прибалтики спецоперации (выселения) «Прибой». По линии МВД операцию курировал министр внутренних дел Армянской ССР Х.И. Григорян. Позднее к работе штаба подключился заместитель начальника отделения Отдела спецпоселений МВД СССР майор Абрамов, курировавший конвойное сопровождение эшелонов из Армянской и Азербайджанской ССР. Оперативный штаб, отвечавший за организацию и непосредственно процесс выселения, был обязан информировать о проведении операции. При штабе создавались особые группы, отвечавшие за оперативную, учетную и информационную деятельность, транспорт и хозяйственное обеспечение.

Подготовка выселения перешла в решающую стадию в начале июня, после прибытия в Ереван генералов Едунова и Леонтьева. Территория республики была разделена на оперативные секторы (крупные города и районы), которые, в свою очередь, подразделялись на административные районы. Столица республики город Ереван с пригородами была разбита на 10 оперативных участков. При городских и районных отделениях ГБ создавались штабы для обеспечения руководства операцией на местах. Для большей наглядности вся оперативная информация (дислокация оперативных секторов; количество семей, подлежащих выселению в каждом административном районе; численность задействованных войск и активистов; количество необходимого транспорта и станции погрузки) заносилась на специальную карту, которой присваивался гриф «совершенно секретно».

Известно, что 5 июня 1949 г. было проведено оперативное совещание с начальниками городских и районных отделов МГБ Армянской ССР. На нем были обнародованы сведения о количестве лиц, подлежащих выселению по городам и районам. Начальникам отделов на руки выдавались списки лиц,

подлежавших выселению; заключения на семьи высылаемых; бланки опросных листов и посемейные справки-расписки¹. Следующее совещание с оперативным составом было проведено уже накануне операции, где были скорректированы цифры по выселению, выданы инструкции начальникам станции погрузки и памятки для начальников оперативных групп. Там же утвердили план погрузки и отправки эшелонов. Станциями погрузки на территории Армении были определены Улуханлу, Камарлю, Джаджур, Эчмиадзин и др. Так как погрузка привязывалась к ближайшей узловой станции, некоторые из них, например Кафан, Манжеваль, Нарошен, где также предполагалась погрузка в эшелоны жителей Армении, находились на территории соседнего Азербайджана.

Накануне операции в республику прибыли командированные сотрудники из числа сотрудников внутренних и конвойных войск. К сожалению, у нас нет данных о количестве лиц, привлеченных к операции в Армении, но по аналогии с другими выселениями, проведенными в том же году, можно уверенно утверждать, что их число, скорее всего, превышало 10 тыс. чел. По материалам учетных дел лиц, высланных из Армении, известно, что в операции принимали участие военнослужащие особых отделов следующих частей внутренних войск МВД: 49552, 55066, 05732, 05627, 54738, 49552, 65162, 61787, 14665, 28760, 43857, 02270, 4959 и др. Командированы были сотрудники УМГБ и райотделов ГБ Ростовской, Куйбышевской, Сталинградской, Грозненской и ряда других областей. В операции были задействованы войска 39-го (Ленинакан), 40-го (Октемберян) и 127-го (Мегри) пограничных отрядов. Для вывоза населения был мобилизован почти весь имеющий авто- и гужевого транспорт колхозов и предприятий. По сути, выселение представляло собой полноценную чекистско-войсковую операцию.

Кульминационной точкой спецоперации стала ночь с 13 на 14 июня 1949 г. За два часа до полуночи начальникам оперативных секторов по высокочастотной связи была спущена директива МГБ СССР о начале спецоперации «Волна». Предписывалось провести выселение в установленные сроки и единовременно по всей территории республики. Операция стартовала в полночь и должна была завершиться с рассветом.

Негласное наблюдение за местами проживания высылаемых обычно устанавливалось еще накануне. Само выселение проводили специальные оперативные группы, которые ближе к полуночи прибыли по заранее намеченным адресам и приступили к «подъему семей». Начальников оперативных групп заранее ознакомили с адресами проживания выселяемых и наименованием железнодорожной станции, куда последних нужно было доставить. Обычно одну оперативную группу задействовали на высылке одной или двух семей, но нередки были случаи, когда за ночь они «поднимали» и по

¹ НА РА. Ф. 116. Оп. 5. Д. 28. Л. 1–2.

четыре семьи¹. Официально на выселение семьи отводилось до двух часов, но в среднем на сборы давали один час.

Оперативную группу обычно возглавлял сотрудник ГБ, которого сопровождали вооруженный солдат и два лица в штатском из числа работников совпартактива. Согласно инструкции, начальник опергруппы обязан был зачитывать на русском или армянском языке постановление о выселении семьи в отдаленные районы СССР. Стандартные тексты таких постановлений выдавали всем начальникам опергрупп, но на практике оперативники обычно ограничивались констатацией факта выселения. Инструкции рекомендовали при выселении проводить обыски с целью возможного изъятия «антисоветских документов, оружия и т.д.». Основное внимание уделялось оформлению бумаг, а через них и проверке наличия всех назначенных к выселению лиц. Начальник группы руководствовался списком на выселение, в котором перечислялись глава семьи и ее члены. На предмет установления личности каждого опрашивался не только глава семьи, но и все взрослые члены семьи; соответствующие данные заносятся в опросные листы. Одновременно на каждую семью заполнялась справка-расписка типовой формы в двух экземплярах: один экземпляр справки – для начальника конвоя на пункте погрузки, второй – для приобщения к делу о выселении. При заполнении опросного листа сначала фиксировали возраст, семейное и социальное положение, затем все сведения сверялись с имеющимися документами: паспортами, справками советских органов, метрическими свидетельствами и др. При отсутствии какого-либо члена семьи (бежал, скрылся, в отъезде, умер, тяжело болен и т.д.) делались соответствующие отметки в опросном листе и справке. Обязательно предпринимались меры по установлению местонахождения отсутствующих и, по возможности, срочной доставке их к эшелону. В отношении семей, в составе которых устанавливались участники Великой Отечественной войны, заведенные учетные дела тут же прекращались, выселению они не подлежали. Также это касалось лиц, имевших особые заслуги перед государством, награжденных орденами и медалями СССР.

Высылаемым рекомендовали сразу же приступить к сбору вещей. Опись имущества не велась, поскольку конфискации имущества не было. С собой разрешалось брать деньги (не более 100 тыс. руб.), ценности, одежду, обувь, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь, запас продовольствия. Объем вывозимого имущества не должен был превышать тонну на семью. Разрешалось оформить доверенность на родственников или иных лиц, и только на личное имущество. Квартиры городских жителей после выселения печатавались, оставшееся имущество передавалось под ответственность домоуправлений и под охрану милиции. Однако вскоре эти квартиры, как правило, передавались в общегородской фонд и распреде-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 42. Л. 101–115; НА РА. Ф. 1991. Оп. 6. Д. 2448.

лялись среди нуждавшихся в жилье. В сельской местности оставшееся после выселения имущество, жилые и хозяйственные постройки описывались представителями местной власти и безвозмездно передавались колхозам. По окончании сборов семья и имущество грузились на машину, которая и доставляла их на станцию погрузки.

На станциях погрузки создавались временные комендатуры, в состав которых входили комендант, заместитель коменданта по железнодорожному транспорту (выделяемый Управлением охраны МГБ ж.д.), заместитель коменданта от районов, производящих погрузку выселяемых на данной станции, 2–3 оперативных работника и столько же машинисток. По периметру станции и на путях, на которых стояли эшелоны, выставлялась охрана, которую усиливали по мере прибытия грузовиков с выселяемыми за счет высвобождающегося оперативного состава и войск. При приезде на станцию начальник оперативной группы был обязан сдать семью не только в строго определенный эшелон, но и в строго определенные вагоны, обозначенные для посадки. Связано это было с тем, что одновременно высылались три контингента, каждый из которых предназначался для разных регионов: «дашнаки» ехали на Алтай, «турки» – в Нарым, греки – в Казахстан, вследствие чего категорически запрещалось «смешение контингентов в одном вагоне»¹. На некоторых станциях производилась погрузка не целого эшелона, а группы вагонов. В дальнейшем эти вагоны при соответствующей охране доставлялись до станции формирования эшелона. В Армении ситуация с погрузкой существенно упрощалась на том простом основании, что из республики высылали только один контингент – «дашнаков». Семью принимали в эшелон на основании посемейных справок-расписок. По мере заполнения вагонов составлялся повагонно-эшелонный список.

Весь «дашнаковский контингент» (контингент «Д»), «поднятый» в ходе спецоперации «Волна» и собранный в тринадцать эшелонов, был 14–15 июня 1949 г. отправлен с нескольких узловых станций Закавказской железной дороги. Жители Армении вывозились эшелонами с порядковыми номерами от 97104 до 97114 (хотя из отчета МВД Армянской ССР следует, что на территории Армении сформировали 10 эшелонов). В эшелонах 97104 и 97111 оказались высылаемые не только из Армении, но и из Азербайджана. На территории Грузии было сформировано два эшелона с контингентом «Д» – за № 97103 и 97140. 21 июня 1949 г. замминистра МВД СССР В.С. Рясный посредством телеграммы проинформировал начальника УМВД по Алтайскому краю Д.Ф. Федорова о численности контингента «Д», следовавшего в каждом из 13 эшелонов.

28 и 29 июня первые армянские эшелоны прибыли на станции разгрузки на Алтае: эшелон № 97103 – ст. Кулунда, эшелоны № 97104 и 97105 – ст. Славгород, эшелоны № 97107, 97108, 97110, 97114 – ст. Алтайская/Чесноковка, эшелон № 97109 – ст. Бийск, эшелон № 97112 – ст. Руб-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 42. Л. 101–115.

цовск. 1 июля на ст. Алейск прибыл эшелон № 97113. 2 июля прибыли эшелоны № 97111 (ст. Алейск) и 97140 (ст. Рубцовск). Позднее всех – 4 июля – на ст. Бурла прибыл эшелон № 97106. Суммарно в них находилась 3741 семья (15 598 чел.)¹. Таким образом, данные эшелонной статистики несколько расходятся с приведенной Бугаев цифрой в 15 485 выселенных «дашнаков»².

Согласно отчетам МВД Грузии по операции «Волна», из республики выслали 2677 «дашнаков»³. Из аналогичных отчетов Азербайджана и Краснодарского края следует, что здесь были высланы как «дашнаки» 1045 и 164 чел. соответственно. Таким образом, количество высланных из Грузии, Азербайджана и Краснодарского края составило 4926 чел. В таком случае, число высланных из Армении должно составить 10 672 чел. К сожалению, среди отчетной документации, поступившей в ОСП МВД СССР, материалов по Армении нет. В архивах Армении отсутствуют материалы «особых» и «тематических» папок, отражающие взаимодействие власти и силовых ведомств; не увенчались успехом и наши поиски в ведомственных архивах. Краткая информация о массовой высылке из республики отложилась только в квартальных отчетах МВД Армянской ССР. На основании подобного отчета МВД Армянской ССР за 3-й квартал 1949 г. следует, что в рамках выполнения приказа № 00525сс из республики было выслано 11 561 чел.⁴, что существенно выше 10 672 чел.

Согласно подсчетам А. Манукяна, из Армении было выслано 2938 семей (13 272 чел.)⁵. А. Вирабян, основываясь на количестве личных дел высланных с территории Армении, переданных бывшим КГБ Армянской ССР на государственное хранение, указывает только количество семей – 2754⁶. Из анализа массива этих дел следует, что из Армении выслали 2682 семьи, в составе которых было 12 457 чел.⁷ 12 272 чел. были высланы 14 июня. Частично сохранились и так называемые этапные списки некоторых райотделов милиции, приблизительно на 5,5 тыс. чел.⁸, но они далеко неполные. Так, в списке высланных с территории Арташатского района числятся 335 чел., в то время как общая база указывает на 604 чел.⁹; данные же по г. Лениакану, напротив, оказываются сопоставимыми – 489 и 502 чел. соответственно.

¹ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1 Д. 476. Л. 14–15.

² Бугай Н.Л. Л. Берия – И. Сталину... С. 241.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 34.

⁴ НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 53. Л. 5–7.

⁵ Манукян А. Политические репрессии в Армении в 1920–1953 гг. Ереван, 1999. С. 229–230. (на арм. яз.)

⁶ См.: Вирабян А. Документы о высылке 1949 г. // Вестник архивов Армении. 1990. № 3. № 68–76 (на арм. яз.).

⁷ Работа по обработке учетных дел, протоколов Республиканской комиссии и составлению базы данных проведена исследовательским коллективом под руководством Г. Харатян.

⁸ НА РА. Ф. 116. Оп. 5. Д. 15–37.

⁹ Приблизительно у 5 % высланных место жительства на момент выселения установить не удалось.

Обычной практикой тех лет было проведение спустя какое-то время после массовой высылки операции по довыселению. Обычно МВД И МГБ ссылались на нарушения конспирации, некачественный набор партийно-советского актива, недостаточную внезапность операции, что в итоге якобы «не позволило» провести все запланированные задержания. На территории Армении и Грузии подобная операция производилась 16 июня 1949 г. Инициатива шла от МГБ Грузинской ССР, а ее необходимость обосновывали наличием «значительного числа невыселенных» и «желающих выехать добровольно». Из Грузии планировали выслать 65, из Армении – 280 чел.¹ Довыселение провели еще раз по распоряжению МВД СССР № 1/14012 от 15 сентября 1949 г. Процедура подготовки и проведения была аналогичной.

Спустя день в Москву доложили, что объединенным эшелоном № 97248-97249-97250 из Армянской и Грузинской ССР отправлено 315 выселенцев категории «Д» для расселения в Алтайском крае². Согласно отчету МВД Армянской ССР за 3-й квартал 1949 г., из республики 16 сентября было выслено 148 семей, или 203 чел.³ 7 октября эшелоны прибыли на Алтай; начальник УМВД по Алтайскому краю сообщил, что прибыло 237 чел., особо подчеркнув, что в составе прибывших «добровольцев» нет⁴. При сопоставлении данных по численности лиц, выселенных во вторую волну, получается разница в 78 чел., которые скорее всего прибыли в ссылку добровольно. По косвенным данным известно, что воссоединение семей продолжалось до зимы 1949 г.

Кроме того, армяне попали в волну выселений из Грузии, проведенных в феврале 1950 г. и в конце 1951 г. Можно согласиться с Бугаем, что эти выселения стали логическим продолжением июньской депортации 1949 г. В Грузии в ходе кампании по выселению лиц, не попавших в первую волну, армяне опять попали в контингенты «дашнаков» и «турок»; они могли быть также представлены и в контингенте «иранцы». Выселения, о которых идет речь, были реализованы на основании постановления Совета министров СССР № 727-269 от 21 мая 1950 г., распоряжения Совета министров СССР № 14133рс от 10 августа 1951 г. «О довыселении иранцев, греков, турок и дашнаков из Грузинской ССР», постановления Совета министров СССР от 29 ноября 1951 г. № 4893-2113сс «О выселении с территории Грузинской ССР антисоветских элементов»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 103, 104.

² Там же. Л. 106–107.

³ НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 54. Л. 5–6.

⁴ ИЦ УМВД АК. Ф. 8. Д. 4. Л. 1.

⁵ Согласно постановлению Совета министров СССР № 4893-2113сс от 29 ноября 1951 г. предполагалось выслать из Грузии 6,3 тыс. «враждебных элементов», в числе которых упоминаются в частности: реэмигранты, прибывшие в 1946–1949 гг. из Франции, Ирана и Китая; бывшие военнопленные, служившие в национальных формированиях; лица, связанные с турецкой разведкой и др., среди которых, безусловно, могли оказаться армяне (текст опубликован: История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 544–545. Док. № 196).

Высланных 14 июня 1949 г. армян разместили в 27 районах Алтайского края. План расселения был предписан приказом № 0080 от 23 июня 1949 г. Управления МВД по Алтайскому краю, который был тем же днем без изменений утвержден распоряжением № 512 сс Алтайского крайисполкома¹. После прибытия на Алтай, вслед за армянами, также лиц, высланных из Молдавии, был сверстан единый план расселения почти 5 тыс. семей, утвержденный распоряжением крайисполкома № 713 с от 25 августа 1949 г.²

Согласно данным, поступившим от УМВД, численность высланных с Кавказа составила 3837 семей, или 15 700 чел. В разрезе районов расселение было следующим: Алейский – 144 сем./633 чел.; Баевский – 236/991; Благовещенский – 124/441; Бурлинский – 302/1313; Залесовский – 145/493; Змеиногорский – 59/297; Знаменский – 223/1041; Зональный – 125/490; Калманский – 187/608; Косихинский – 63/211; Краюшкинский – 98/315; Локтевский – 54/271; Павловский – 29/135; Парфеновский – 16/50; Пospelихинский – 155/703; Родинский – 174/585; Рубцовский – 151/605; Славгородский – 321/1479; Сорокинский – 359/1470; Суетский – 61/274; Топчихинский – 47/168; Третьяковский – 24/129; Троицкий – 122/487; Угловский – 305/1325; Усть-Калманский – 172/668; Шипуновский – 62/233; Яминский – 70/280³. Лидерами по приему армян стали Бурлинский, Славгородский, Сорокинский и Угловский районы; здесь разместили более трети выселенцев. С прибытием армян в ряде районов края произошло удвоение численности ссыльных. В некоторых селах Сорокинского района, где армяне оказались расселены наиболее компактно, даже возникли неофициальные поселения, что нашло отражение в появлении неофициальных топонимов типа «Еревань», «Армянская горка» и пр.

Армяне, высланные как «турецкоподданные», оказались на севере Томской области, в Нарыме. После прибытия в Томск люди переходили на баржи, которые через неделю плавания по р. Оби и ее притокам доставили ссыльных до мест поселения. Многонациональный контингент, объединенный в категорию «турки», численностью 1391 семья (4606 чел.), расселили в Бакчарском, Васюганском, Парбигском и Верхне-Кетском районах⁴. Согласно данным июльского 1949 г. отчета УМВД Томской области, в составе контингента «турки» числилось 642 армянина⁵.

Принимая решение о депортации «дашнаков», союзная власть определила для них Алтай лишь как географический район ссылки; что касается трудоустройства, то право решать этот вопрос получили краевые власти. Они, в свою очередь, сделали ставку на использование новой партии ссыльных в сельском хозяйстве и лесной промышленности. Высланных распреде-

¹ ГААК. Ф. Р-1 сч. Оп. 1с. Д. 64. Л. 3–4.

² Там же. Л. 87, 129–134.

³ Там же. Л. 86–86 об.

⁴ ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 37. Л. 130.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 42.

лили между четырьмя хозяйственными объединениями: «Зернотрест», «Сах-свеклотрест», «Молтрест» и «Алтайлес». Доминирование аграрного сектора в экономике региона обеспечило занятость ссыльных армян в основном в разных отраслях сельскохозяйственного производства. Часть ссыльных изначально предназначалась для вселения в северо-восточные районы Алтая и последующей занятости в лесной промышленности, которая переживала в те годы бурное развитие. Всего на территории края первоначально к колхозам приписали 1797 семей (7669 чел.), совхозам – 1265 семей (5035 чел.), предприятиям лесной промышленности – 672 семьи (2510 чел.), прочим промышленным предприятиям – 114 семей (487 чел.)¹. Аналогичная ситуация с трудоустройством высланных сложилась и в Нарыме. Несмотря на настойчивые просьбы треста «Томлес» передать ему весь «контингент с Кавказа», ссыльных распределили не только в лесной, но и в аграрной сфере.

Расквартирование ссыльных оказалось для местных властей, руководства предприятий и райотделов МВД сложной задачей. Особенно напряженная ситуация сложилась в леспромхозах Залесовского и Сорокинского районов, куда согласно разнарядке попали бывшие жители Еревана. Так, в отчете в Москву в Отдел спецпоселений МВД СССР краевой отдел внутренних дел признавал, что на середину августа 1949 г. «в Сорокинском районе в отдельных домах проживали только 20 семей, в порядке уплотнения – 264 семьи, в помещениях, не пригодных для жизни в зимних условиях, – 75 семей, в том числе размещены в палатках 33 семьи»².

Местные власти были заинтересованы в максимально быстрой интеграции переселенцев в сельские сообщества и их хозяйственном обустройстве. Уже в августе 1949 г. после поступления из Москвы директив, призванных уравнивать хозяйственное положение спецпоселенцев с положением добровольно прибывших сельскохозяйственных переселенцев³, алтайский крайисполком принял специальное распоряжение, согласно которому районным властям предписывалось выделить каждой семье приусадебный участок, ссуду на жилищное строительство и приобретение скота; колхозам рекомендовалось расчет со спецпереселенцами производить наравне с колхозниками. Кредитование спецпереселенцев предусматривалось осуществлять за счет кредитов, открытых Алтайскому краю на 1949 г. для переселенческих мероприятий. Согласно плану хозяйственного обустройства, затраты на обустройство 20 тыс. новых ссыльных, оказавшихся на Алтае в 1949 г., краевые власти оценили в 35 млн рублей⁴. Однако эти цифры так и остались на бумаге.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 44–45.

² Там же. Д. 505. Л. 60.

³ Речь идет о распоряжении Совета министров СССР № 10793рс от 16 июля и постановлении № 3229-1341с Совета министров СССР, принятом 24 июля 1949 г., оговаривавшем вопросы хозяйственного устройства ссыльных армян (ссылка на решения: ГААК. Ф. Р.-1сч. Оп. 1с. Д. 64. Л. 126).

⁴ ГААК. Ф. Р.-1сч. Оп. 1с. Д. 64. Л. 134.

Низовое звено системы управления спецпоселениями обеспечивали спецкомендатуры. Поскольку на Алтае доминировали районные – с численностью от 1 тыс. до 2 тыс. чел. и поселковые – от 300 до 500 чел. комендатуры, армяне оказались расселены на территории 40 из 162 спецкомендатур. Все спецпоселенцы находились в ведении комендантов и сотрудников регионального Отдела спецпоселений. Под «армянский контингент» Москва обещала УМВД по Алтайскому краю увеличение штата комендатур (23 коменданта, 23 помощника коменданта и 70 надзирателей), но вместо 116 штатных единиц выделили только 91. Расходы на содержание районных и поселковых спецкомендатур частично формировались за счет ежемесячных отчислений от заработной платы спецпоселенцев: в конце 1940-х гг. они составляли около 5 %. Зачастую на местах процветала практика использования труда спецпоселенцев в личном хозяйстве сотрудников МВД и неофициальное трудоустройство, доходы от которого шли в «черные кассы» комендатур. Не стоит забывать, что для спецпоселенцев-колхозников (взрослых и подростков), помимо необходимости выработки минимума трудодней, существовали обязательные отработки в общественном хозяйстве колхозов, трудовая и гужевая повинность на лесозаготовках; для всех обязательными были поставки продуктов, производимых в индивидуальном хозяйстве.

Армяне, высланные в 1949 г., относились к категории «выселенцев», т.е. отбывающих «вечное поселение»; статус выселенца был наследственным. В ходе учета «дашнакского контингента», который провели на территории Алтайского края в первой половине июля 1949 г., были переписаны взрослые, дети старше 16 лет и несовершеннолетние. Предусматривался посемейный и персональный учет взрослых, кроме того, на главу семьи дополнительно заводился особый учетный документ – «дело спецпоселенца». Вновь прибывших вписывали в специальные книги посемейного и поселкового учета, которые вели спецкомендатуры. Сюда не вносили только членов семей выселенцев, прибывших добровольно и не считавшихся выселенцами. Однако на практике многие из добровольно прибывших все же были поставлены на общий учет спецпоселения. (Стоит отметить, что «безосновательное взятие на учет спецпоселения» могло повлечь и дисциплинарное взыскание в отношении коменданта). В ходе учета вводилась система гласного и негласного контроля за спецпереселенцами. Гласный контроль за компактно проживающими спецпоселенцами осуществляли старшие барачников, десятидворок и доверенные лица из самих высланных; обязательной была также практика негласного наблюдения за спецпереселенцами.

Власть всегда пыталась подвести под административную ссылку фундамент «законности». Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» определяло их как «полноправных граждан», сохраняющих избирательное право. Государство при этом отбирало паспорта, выдавая взамен «удостоверение спецпоселенца» и лишало права

на территориальную мобильность, запретив покидать районы вселения, обслуживаемые специальной комендатурой. За самовольный выезд с места обязательного поселения, который трактовался как побег, спецпоселенцев привлекали к уголовной ответственности. С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. стало возможным осуждение выселенцев на «20 лет каторги»¹. Только со второй половины 1954 г. вместо ежемесячной обязательной личной явки в органы МВД ввели регистрацию один раз в год.

Основанием нахождения той или иной семьи на спецпоселении были решения Особого совещания при МГБ СССР (не входившего в структуру судебных органов в СССР), которые легализовали массовые высылки, проведенные во второй половине 1940-х гг. под флагом борьбы с националистами на западных, кавказских и прибалтийских территориях СССР. Особое совещание рассматривало дела выселенцев-«дашнаков» в «альбомном порядке», применяя практику «осуждения», использованную внесудебными инстанциями в годы Большого террора. После получения решения Особого совещания дело о выселении считалось «законченным». На обороте решений, большинство из которых датировано зимой – началом весны 1950 г., сохранились штампы о направлении выписок в УМВД Алтайского края для вручения данного решения высланным. Еще раньше у спецпоселенцев были взяты расписки об ознакомлении с режимом спецпоселения и указом 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег». Первостепенной задачей органов внутренних дел было исключение всякой возможности для побегов спецпоселенцев и обеспечение их постоянного проживания в местах расселения. Периоды послабления режима ссылки сменялись кампаниями по его ужесточению.

Массовое освобождение из ГУЛАГа и возвращение из ссылки² стали возможными после решения Президиума ЦК КПСС о пересмотре всех дел на людей, осужденных за «контрреволюционные преступления». В мае 1954 г. право пересмотра дел осужденных и ссыльных получили специальные объединенные комиссии, состоявшие из представителей Прокуратуры–МВД–КГБ, созданные как на уровне союзного Центра, так и некоторых регионов. Подобная комиссия была учреждена в июне 1954 г. и в Армении³.

¹ Этот печально знаменитый указ был отменен Президиумом Верховного Совета СССР только в июле 1954 г. Вновь стала применяться статья 82 ч. 1 УК РСФСР, которая предусматривала наказание в виде 3 лет ИТЛ с последующим водворением к месту поселения. Вместо уголовной стала доминировать административная ответственность. За нарушение режима широко применялись административные меры в виде штрафов или ареста на 5 суток. Еще спустя 2 года за нарушение режима (в том числе побег) отменили аресты, оставив только штрафы.

² В позднесталинский период имели место случаи признания выселения необоснованным. Решения выносились Особым совещанием при МГБ СССР.

³ Председателем комиссии был назначен Прокурор республики К.И. Ионнесян, членами: министр юстиции – генерал-майор А.В. Карапетян и министр МВД генерал-майор П.В. Пискунов, начальником секретариата комиссии – Г.Б. Муратов. В целом комиссия работала практически все время в учрежденном первоначально составе. На какое-то время П.В. Пискунов был

Согласно приказу Гепрокуратуры, КГБ, МВД и Минюста СССР от 21 сентября 1954 г. в отношении лиц, необоснованно выселенных, комиссия была правомочна принимать решения об освобождении от спецпоселения¹. При этом упрощенный механизм освобождения не предусматривал отмены постановлений Особого совещания.

Пересмотр дел производился на основании жалоб и заявлений, поступавших от выселенных и их родственников. Основной объем работы лег на 2-е и 3-е отделения 1-го спецотдела МВД Армянской ССР, сотрудники которых исполняли запросы в отношении пересмотра дел спецпоселенцев, ими же по рассматриваемым делам проводились оперативно-следственные мероприятия. По законченным делам информация передавалась в комиссию, оформлялись протоколы решений, которые и направлялись в Алтайский край². Информация об освобождении шла под грифом «совершенно секретно». Все освобожденные со спецпоселения подлежали снятию с оперативно-го учета.

Слухи о создании и деятельности в Армении специальной комиссии довольно скоро дошли и до самих спецпоселенцев. Поначалу коменданты даже знакомили спецпоселенцев с полным текстом решений Республиканской комиссии, однако в марте 1955 г. распоряжением № 8 сс УМВД по Алтайскому краю это было категорически запрещено на том основании, что они «тем самым разглашают перед спецпоселенцами существование этой комиссии, мотивы, на основании которых принимаются решения и фамилии докладчиков»³. С этого момента спецпоселенцам стали объявлять под расписку, что они сняты с учета спецпоселения или оставлены на поселении на основании решения МВД, КГБ и Прокуратуры АрмССР. На руки выдавалась только справка об освобождении, которая давала право на получение общегражданского паспорта.

Дела ссыльных, находившихся на Алтае, пересматривались Республиканской комиссией в период с 27 сентября 1954 г. по 2 июня 1956 г. Только за полгода 1955 г. были рассмотрены жалобы-заявления от 900 семей⁴. Согласно отчету министра МВД Армянской ССР генерал-майора П.В. Пискунова от 16 июня 1956 г., по итогам работы республиканской комиссии по пересмотру дел было составлено донесение, отправленное на имя министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова. Согласно этому документу, комиссия рассмотрела 1963 дела (из общего количества 2698); нерассмотренными остались 735 дел. По результатам работы было освобождено от спецпоселения 1779 семейств; отказано 184 семьям. По указанию ЦК КП Армении, «отказ-

заменен на Г.А. Бадамянца; с середины 1955 г. в составе комиссии работали Е.Е. Макусудян и Г.А. Татевосян.

¹ НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 96. Л. 33–34.

² Там же. Д. 115. Л. 29–30, 158; и др.

³ ИЦ МВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 22–24.

⁴ НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 113. Л. 17.

ные» дела были повторно пересмотрены в апреле – мае 1956 г.¹, и очень многих освободили. На январь 1958 г. на спецпоселении оставалось 132 «дашнака»². Последние ссыльные этой категории были освобождены в августе 1958 г.

Дела на семьи «легионеров» стали пересматриваться после решения об амнистии (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.³). Секретарь ЦК КП Армении С.А. Товмасян в ноябре 1955 г. подал записку в Секретариат ЦК о нарушении закона, допущенного при выселении «дашнаков» из Армянской ССР. По итогам ее рассмотрения в декабре 1955 г. было подтверждено, что выселения в 1949–1950 гг. из Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР и Краснодарского края, осуществленные на основании «постановлений Правительства», не предусматривали высылку «легионеров»⁴. Были даны указания, в том числе и УМВД Алтайского края, об их освобождении, что и было сделано 30 ноября 1955 г. указанием № 39 сс, принятом в соответствии с директивой МВД РСФСР № 110 сс от 21 ноября 1955 г.⁵ Освобождение «легионеров» происходило как на основании заключений МВД, так и решений Республиканской комиссии.

Освобождение армян, высланных с территории Грузии, Азербайджана и Краснодарского края, шло через Верховный Совет СССР и Верховные суды. В июне 1955 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР дал право пересмотра решений Особого совещания о направлении на спецпоселение Верховным судам союзных республик, с территории которых проводилось выселение. Завершился этот процесс с принятием 22 сентября 1956 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указа об освобождении лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных.

Большинство армян, депортированных в Алтайский край, вернулось в Армянскую ССР. По переписи 1959 г. в Алтайском крае проживало 1,6 тыс. армян. Надежды региональных властей на оседание бывшего спецконтингента в местах бывшей высылки оказались несостоятельными.

Освобождение не привело к реабилитации. Первая волна обращений ссыльных за реабилитацией относится ко второй половине 1960-х гг.⁶ На основании протестов прокуратуры в порядке судебного надзора дела поступали в Судебную коллегия Верховного суда Армянской ССР, которая и выносила постановление об отмене решения Особого совещания, т.е. о прекращении дела о выселении «за отсутствием состава преступления». Но да-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 54–56; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 247.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 60, 143; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 265.

³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 522. Л. 110–112.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2 Д. 467. Л. 129–130.

⁵ ИЦ МВД АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 108.

⁶ См., напр.: НА РА. Ф. 571. Оп. 5. Д. 4902; и др.

же эти долгожданные решения объявлялись заявителю исключительно кулуарно, в стенах МВД и КГБ, или отправлялись почтой. Реабилитация не стала публичной и не была завершена. После распада СССР все постсоветские страны приняли национальные законы о реабилитации жертв политических репрессий и активизировали государственную политику в этой сфере. Депортированные были отнесены к жертвам политических репрессий, однако процесс реабилитации до сих пор остается незавершенным.

Грануш Харатян

**Контингентность и/или этничность:
армяне в фокусе депортации 1949 года***

В 1930–1940-е гг. в СССР армяне неоднократно подвергались принудительным выселениям. При этом, высылая армян, советской власти каждый раз удавалось не акцентировать внимание на этничности, хотя, по сути, большинство выселений, в которые попали армяне, были именно этническими. Даже самую массовую депортацию армян – 1949 г. – власть завуалировала под политическую кампанию, хотя и квалифицировала ее как «борьбу с национализмом». Крайне любопытен и тот факт, что чаще всего армян высылали в связке с этническими группами, исповедующими ислам (турками, азербайджанцами, курдами и др.). Неоднократно армяне попадали в выселения и так называемых иноподданных или бывших иноподданных Османской империи (Турции), Персии (Ирана) и Греции. В их числе могли оказаться и уроженцы Карской области и Ардагана (население которых до 1917 г. были российскими подданными), и беженцы из Западной Армении (восточных вилайетов Османской империи), которые в 1915–1918 гг. пополнили население российского Кавказа, и репатрианты разных лет.

Первая волна выселений армян происходила уже в 1937–1938 гг. в ходе зачисток южных границ СССР. Исследователи пока крайне мало знают об этих депортациях. Первая высылка из приграничья Армянской и Азербайджанской ССР была проведена на основании постановления СНК СССР № 2123-420 сс от 17 декабря 1936 г. В Казахстан выслали 1121 семью (5889 чел.). По данным отдела трудпоселений ГУЛАГа, численность армян вместе с «тюрками»¹ составила 568 семей (2788 чел.) К сожалению, у нас

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта 15 РГ-27.

¹ В СССР этноним «азербайджанец» за туркоговорящим населением Закавказья официально закрепился в 1936 г. В переписи 1926 г. в качестве этнонимической идентификации тех, кого в дальнейшем называли «азербайджанцами», фигурирует название «тюрки», и, чтобы отличать их от османских турок, по отношению к последним в таблицах переписи фигурирует отметка «тюрки османские» В переписи же 1939 г. «тюрки» стали «азербайджанцами», а «тюрки осман-

пока нет данных, чтобы скорректировать статистику и этнический состав высланных¹. Следующее выселение из пограничной полосы с Ираном и Афганистаном из Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР провели 10 октября 1937 г. на основании постановления ЦИК и СНК СССР № 103/1127-267сс от 17 июля 1937 г.² В Закавказье эта высылка затронула довольно значительное число курдов, турок, армян (в литературе указывается, что в нее попали в основном хемшилы, т.е. армяне-мусульмане, проживавшие разрозненными группами, в основном вдоль Черноморского побережья Кавказа)³. В Национальном архиве Армении отложились дела на 497 семей, по которым проходят 2867 чел., высланных с территории Армении. Все высланные числились как «советские граждане». Анализ этнического состава показывает, что среди высланных оказалось 305 семей (1708 чел.) армян, среди которых 77 значились как «уроженцы Турции»⁴. Необходимо особо отметить, что эта высылка не затронула Грузию, где, собственно, и проживали хемшилы-армяне. Ни в Армении, ни в Азербайджане хемшилы не проживали. Армян-хемшилов массово выслали вместе с турками и курдами по приказу НКВД СССР № 001176 20 сентября 1944 г. о переселении из пограничных районов Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов⁵. В том же 1944 г. почти 10 тыс. армян были высланы из Крыма как «немецкие пособники» и «бывшие иностранные подданные».

ские» – «турками». Начиная с 1937 г. в Армении в официальных документах придерживались официального этнонима «азербайджанец».

См: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2275; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам республик СССР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=5

¹ Данные приведены на апрель 1939 г. начальником отдела трудпоселений ГУЛАГа М.В. Конрадовым после проверки хозяйственного устройства переселенных из Азербайджана в Казахстан курдов, армян и турок (См.: Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 77 (со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 24–28).

² Сталинские депортации... С. 75 (со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 292).

³ Хемшилы, хемшины, хамшенские армяне – армянское население небольшой административной единицы Хамшен (Hamshen) Лазистанского санджака Османской империи начала XIX в. Название Hamshen территория получила от имени поселка Хамамашен (Hamamashen), основанного в византийский период в VIII в. армянским князем Хамамом (Hamam). Армяне Хамшена насильно омусульманены в конце XVIII – начале XIX в., но сохранили свой специфический армянский диалект и армянскую идентичность. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. многие хамшенцы с восточно-османского побережья Черного моря переселились на черноморское побережье Российской империи, в основном в Крым, Абхазию и Аджарию.

⁴ Национальный состав высланных из Армении: армяне – 305 семей (1708 чел.), азербайджанцы – 169 (993), тюрки – 15 (98), русские – 2 (9), греки – 1 (9), езиды – 3 семьи (25 чел.), прочие – 25 чел. У 98 чел. этничность отмечена как «тюркок» (у одного – «азербайджанец-тюркок»), все уроженцы Армении.

⁵ Сталинские депортации... С. 534–535 (со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 184. Л. 105).

Самые массовые высылки этнических армян относятся к 1949 г., тогда в ссылку как «дашнаки» и «турецкоподданные» попало около 17 тыс. армян из Армении, Грузии, Азербайджана, Украины, Краснодарского края. Выселения турецкоподданных в Грузии были продолжены в 1950–1951 гг.

Армяне в ссылке были представлены в первую очередь контингентами «дашнаков» и «хемшинов/хемшилов», но включались в состав следующих контингентов и подконтингентов: «бывшие кулаки», «армяне и курды из Закавказья» (позднее армяне выпали в контингент, который обозначался как «курды»), «турки», «иранцы», «турецкоподданные», «ираноподданные», «националисты (армянские)», «из Крыма 1944 г.», «из Грузии 1944 г.», «с Черноморского побережья 1949 г.», «власовцы/легионеры». Кроме того, армяне входили в состав «греческого контингента». По данным Отдела спецпоселений МВД СССР, по состоянию на 1 января 1953 г. общая численность армян в ссылке составила 20 238 чел.¹ Нам представляется, что эти данные далеко не полные, однако скорректировать их довольно сложно, потому что при учете ссыльных доминировала принадлежность к определенному контингенту, а не к этносу.

Самое массовое выселение армян относится к 1949 г. 4 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР». Аналогичное решение было принято 11 апреля того же года в отношении армян-дашнаков, проживавших в Грузии. За этими решениями последовал приказ министра государственной безопасности СССР от 28 мая 1949 г. № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья». Итогом массовой депортации, проведенной 14 июня того же 1949 г., стало выселение не менее 17 тыс. этнических армян. Большая часть из них (около 16 тыс.) как «дашнаки» оказалась в Алтайском крае, а те, кого причислили к «туркам» (или «турецкоподданным»), – на севере Томской области.

Депортированные армяне крайне фрагментарно представлены в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», сформированной обществом «Мемориал» и в других тематических ресурсах и мартирологах². Это объясняется тем, что данные ресурсы изначально не были сфокусированы на ссыльных («Книг памяти» представителей данной категории репрессированных издано крайне мало). При создании банков данных о жертвах политического террора в СССР акцент был сделан на персонализацию данных об

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 205.

² Проект базы данных «Жертвы политического террора в СССР» реализован по инициативе общества «Мемориал». В этой базе интегрированы все национальные и региональные «Книги памяти» и мартирологи, изданные или подготовленные на постсоветском пространстве.

осужденных. Из почти трехмиллионной базы на репрессированных, аккумулярованной усилиями специалистов (в том числе и ведомственных) со всего постсоветского пространства, только треть приходится на депортированных. На данный момент в базе данных «Мемориала» ссыльные армяне представлены исключительно за счет устаревших ресурсов ГУВД Краснодарского края и УВД Томской области.

Приведем несколько примеров на высланных в 1949 г. из Грузии, Азербайджана и Краснодарского края¹:

Габрелян Арусяк Габриеловна. Родилась в 1927 г. Проживала: Грузия. Приговорена: в 1949 г. Приговор: выслана на спецпоселение в Алтайский кр. (*Источник: Сведения ГУВД Краснодарского края*).

Габрелян Георгий Енокович (Жора). Родился в 1949 г. Проживал: Грузия. Приговорен: в 1949 г. Приговор: выслан на спецпоселение в Алтайский кр. (*Источник: Сведения ГУВД Краснодарского края*).

Габрелян Енок Каранетович. Родился в 1925 г. Проживал: Грузия. Приговорен: в 1949 г., **обв.: как дашнак-националист.** Приговор: выслан на спецпоселение в Алтайский кр. (*Источник: Сведения ГУВД Краснодарского края*).

Вартанян Варастан Георгиевич. Родился в 1927 г. Проживал: Грузия. Приговорен: Особое совещание при МГБ СССР № 39-а 7 июля 1949 г., **обв.: СОЭ**². Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Вартанян Мариам Аветисовна. Родилась в 1887 г. Проживала: Грузия. Приговорена: Особое совещание при МГБ СССР № 39-а 7 июля 1949 г., **обв.: СОЭ.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Арутюнова Варда Нересовна. Родилась в 1905 г. Проживала: Азербайджан. Приговорена: Особое совещание № 48-а 14 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Арутюнов Акоп Сирунович. Родился в 1883 г. Проживал: г. Туапсе. Приговорен: в 1949 г., **обв.: по нац. признаку (армяне).** Приговор: выселены на спецпоселение в Томскую обл. (*Источник: Сведения ГУВД Краснодарского края*).

Аракелян Амазас[n] Степанович. Родился в 1931 г. Проживал: Краснодарский кр. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Приведенные примеры наглядно показывают, что «обвинения», по которым фигуранты отправлены в ссылку, размыты и идентифицируются по разным основаниям: в одном случае это национальность – «армяне», в другом – контингент – «турки», «СОЭ», а в отношении сосланных на Алтай

¹ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/index13.htm>

² Социально опасный элемент.

(куда отправили «дашнаков») он вообще не указан. При этом база «Мемориала» позволяет увидеть несоответствия, когда одна и та же семья, согласно данным МВД района выселения, могла квалифицироваться при ссылке по одному признаку, а в районе вселения, согласно данным МВД, – по другому.

Весьма наглядным представляется нижеприведенный пример:

Манукян Мирон Давидович (Миран). Родился в 1929 г. Проживал: Краснодарский кр., г. Туапсе. Приговорен: в 1949 г., **обв.: по нац. признаку (армяне)**. Приговор: выселены на спецпоселение в Томскую обл. (*Источник: Сведения ГУВД Краснодарского края*).

Манукян Мирон Давидович. Родился в 1929 г. Проживал: Краснодарский кр. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки**. Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Из почти 16 тысяч армян, сосланных как «дашнаки» на Алтай, база «Мемориала» фрагментарно отражает только высланных из Краснодарского края и тех немногочисленных ссыльных-армян, которые, будучи в ссылке, были осужденными по политическим статьям¹. Сведения на них содержат данные о национальности, но сфокусированы не на выселение, а на другой репрессии.

Приведем пару примеров:

Барсемян Мукуч Погосович. Дата рождения: 01.01.1911. Место рождения: Эриванская губ. Национальность: армянин. Место работы: должность – чабан к-за «Искра Ленина». Место жительства на момент репрессий: Бурлинский район; нас. пункт – Петровка. Решение о применении репрессий: 29.05.1952; принято Алтайским крайсудом по статье 58-10 ч.1 УК; решение: осужден к 10 годам лишения свободы; дополнительные меры: с пп на 5 лет. Сведения о реабилитации: 16.05.1955; принято Верховным судом РСФСР.

Восканян Манвел Михайлович. Дата рождения: 01.01.1906. Место рождения: Эриванская губ. Национальность: армянин. Место работы: должность – член к-за «Красный октябрь». Место жительства на момент репрессий: Баевский район; нас. пункт – В.-Чуманка. Решение о применении репрессий: 17.07.1952; принято Алтайским крайсудом по статье 58-10 ч. 1 УК; решение: осужден к 10 годам лишения свободы; дополнительные меры: с пп на 5 лет. Сведения о реабилитации: 30.11.1965; принято Верховным судом РСФСР.

Таким образом, в существующей на данный момент базе «Мемориала» в отношении депортированных армян имеются лишь фрагменты старых баз данных МВД и персональные данные, содержащиеся в изданных в постсоветских странах и в некоторых российских регионах «Книгах памяти» и

¹ Включены в единый ресурс на основании многотомного издания «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае».

мартирологах. Несмотря на то, что Республика Армения одной из первых постсоветских стран открыла ранее секретные архивы и начала публикацию списков жертв политических репрессий, в 1990-е гг. тема советских репрессий, в отличие от геноцида, не стала приоритетной для национальной историографии. В то время как российский «Мемориал» и ряд других международных филиалов этой общественной организации приступили с конца 1990-х гг., наряду с институтами национальной памяти и их аналогами, к работе по созданию в рамках межгосударственного проекта «Жертвы политического террора в СССР» единой базы данных на всех репрессированных, отделение «Мемориала» в Армении, наряду с профессиональными историками и архивистами, не приняло участия в реализации этого проекта. Тем не менее именно база «Мемориала» позволяет как специалистам, так и обычным гражданам осуществлять поиск лиц армянской национальности, в том числе высланных в 1949 г.

На сегодняшний день единственным источником пополнения базы «Жертвы политического террора в СССР» являются только «Книги памяти». Существенно расширить этот ресурс могли бы базы данных на ссылках, к настоящему времени сформированные практически во всех ИЦ МВД тех регионов России, где была ссылка. Эти базы содержат существенно большее количество параметров, так как в массе своей они сформированы на основе учетных дел ссылных, а не учетных карточек. Важно также отметить, что в этих базах обязательно указывается национальность высланного, но при этом практически нивелирована «категория учета». Существенно осложняет работу и то обстоятельство, что данные в них агрегированы в формате персональной (обычно на взрослых мужчин с указанием состава семьи и родства), а не посемейной справки (на главу семьи). В среде специалистов общепризнано, что создание баз данных, в том числе «Книг памяти» на ссылных, предполагает формирование не персональной, а в большинстве случаев посемейной справки, потому что ссылка была формой коллективной репрессии. Необходимо отметить, что ресурсы ИЦ МВД России созданы и используются преимущественно в ведомственных целях (в первую очередь для исполнения запросов граждан¹), поэтому они не могут тиражироваться в публичное пространство, что тем не менее не закрывает возможности для исследователей работать с ними.

¹ ИЦ ГУ МВД РФ осуществляется государственная услуга по выдаче справок о реабилитации жертв политических репрессий в соответствии с требованиями приказа МВД России «Об утверждении Административного регламента МВД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о реабилитации жертв политических репрессий» от 23.11.2011 № 1165. Согласно регламенту ИЦ МВД обязаны предоставлять информацию об административном порядке ссылки, высылки, направления на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», родственникам и прямым потомкам репрессированных. В настоящее время именно ИЦ МВД на основании имеющихся у них баз данных на ссылных и материалов личных дел реализуют закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 № 1761-1.

Несмотря на наличие возможностей у родственников репрессированных через МВД узнать информацию о ссылке, сохраняется острая необходимость в персонализации жертв политического террора. В полной мере эту задачу выполняют «Книги памяти». На это направлен и коллективный российско-армянский исследовательский проект «Армянская депортационная кампания 1949 г. и ее отражение в исторической памяти». В ходе работы предполагается создание электронной базы данных на депортированных, с последующим переводом ее в печатный формат «Книги памяти». В течение 2016 г. в Национальном архиве Армении был выявлен и обработан массив учетных дел и протоколы Республиканской комиссии на лиц, высланных с территории республики в 1949 г. Итогом этой работы стала база данных на 2682 семьи, по которым числятся 12 457 чел.¹ Данная база создается как часть электронной Национальной базы жертв политических репрессий в Армении. В дальнейшем, по итогам работы с электронной базой данных ИЦ МВД Алтайского края, база на ссыльных будет дополнена и скорректирована.

Согласно требованиям национальных законодательств, подобного рода издания должны выполнять информационно-справочную функцию, содержать открытую и доступную широкому кругу людей персональную информацию по истории репрессий, а не чувствительные (чувствительные) данные личного характера. В качестве примера приведем вариант итоговой справки, которая после перевода из базы в печатную форму будет подготовлена для «Книги памяти депортированных».

Варжапетян Абгар Мартиросович, 1899 г.р. Армянин. Прибыл из Болгарии в 1946. Проживал в Кировакане. Выслан с семьей в 14.06.49 в с. Топольное, Угловский р-н, Алтайский край (ссылка оформлена решением ОС 01.04.50). Решением РК АрмССР 30.04.56 семья со спецпоселения освобождена. Сняты с учета 23.07.56. Реабилитированы СК ВС 28.11.68. Состав семьи: жена Аршалуйс Меркеросовна 1918 г.р.; сын Айрапет 1940 г.р.; сын Мартирос 1944 г.р.; дочь Дуран 1945 г.р.; дочь Пайлацун 1947 г.р. В ссылке родился сын Леку 1950 г.р.

На основании уже имеющейся базы данных на ссыльных 1949 г., включающей информацию по 29 параметрам, можно в полной мере судить о национальном и социальном составе депортированных, семейном положении, проживании до выселения и в ссылке, освобождении и реабилитации. Такие параметры, как «место рождения», «национальность», «гражданство», «категория учета», позволяют по группировке признаков сделать заключение о целевых группах, подвергшихся репрессиям.

Напомним, что на территории Армянской ССР выселение 14 июня 1949 г. было проведено в формате «дашнакской» операции. На основании

¹ Работа проведена коллективом под руководством Г. Харатян. Подсчеты сделаны членом проекта Г. Зограбяном.

анализа базы данных можно утверждать, что абсолютное большинство высланных с территории республики были армянами. 1764 семьям инкриминировали в прошлом «членство и связи с армянской националистической партией Дашнакцутюн». Почти 13 % (339 семей, 1441 чел.) от общего количества высланных составили «репатрианты», большинство из которых в 1946–1948 гг. прибыли в Советскую Армению на постоянное жительство из Ирана, Египта, Ливана, Сирии, Палестины, Ирака, Греции, Болгарии, Румынии, Франции, США¹. Их также обвинили в принадлежности к дашнакской партии. Почти треть – 851 семья (31,8 %) были квалифицированы как «легионеры»². В отношении 67 семей, судя по материалам учетных дел, каких-либо конкретных обвинений сформулировано не было. Из 2682 лишь 20 семей (88 чел.) не относились к армянским, среди них: восемь ассирийских, пять греческих, две курдских, три езидских и две турецких³. В отношении четырех греческих и двух турецких семей обвинение отсутствует. Один ассириец с семьей депортирован как «легионер». Все остальные – 7 ассирийских, 3 езидских и 2 курдских семьи выселены с обвинением «дашнак». Среди 12 457 чел. общее количество не-армян (вместе с женами и матерями в составе выселенных армянских семей) составило 120 чел.

Согласно базе, как минимум каждый пятый высланный из Армении в 1949 г. родился «за границей», каждый десятый – «в Турции» (так написано в личных делах депортируемых, хотя по году рождения очевидно, что родились они в государстве, официальное название которого в то время было «Османская империя»). Рожденные «в Турции» среди депортированных, естественно, взрослая часть, их возраст 29 лет и более (беженцы от геноцида 1915–1920 гг. в 1949 г. не могли иметь меньший возраст). С учетом членов семей, особенно рожденных уже в СССР детей, количество «турецких армян» значительно возрастает. Хотя такие параметры, как «место рождения» и «гражданство», лишь частично отражают долю выходцев из Западной Армении и их потомков, можно утверждать, что высылка в значительной степени затронула «западников», т. е. выходцев из Западной Армении. Подтверждает этот факт также свидетельство секретаря ЦК по вопросам кадров Антона Кочиняна, будущего первого секретаря ЦК КП Армении. Из его рассказа следует, что 11 июня 1949 г. он был срочно вызван на заседание бюро

¹ К репатриантам относили и беженцев, спасавшихся от геноцида 1915 г. в турецкой Армении (Западная Армения) и переехавших в Советскую Армению (Восточную Армению) из третьих стран. В Турецкой Республике в 1926 г. были приняты законы, лишавшие гражданства беженцев-армян и запрещавшие им возвращаться на родину.

² Народная память в Армении зафиксировала высылку 1949 г. как кампанию против бывших пленных.

³ В графе «национальность» указано именно «турки», а не «тюрки» или «азербайджанцы». Так как армяне туркоговорящих мусульман Кавказа традиционно называли «турками», трудно понять, кто именно «скрывается» под этнонимом «турки» в графе «национальность» этих двух сосланных семей (не исключено, что они «азербайджанцы»).

ЦК КП Армении, где увидел «много незнакомых чекистов» и первых секретарей районных и городских парторганизаций. «Выступил первый секретарь ЦК КП Армении Г. Арутинов. Он доложил о политическом и государственном значении организации “чистки”. Затем выступил министр КГБ Армении С. Корхмазян, подробно объяснил, что в республику уже прибыли особые военные отряды, которые с помощью партийного актива должны за ночь закончить эту работу. Списки актива – кто в какой район поедет, были заранее подготовлены. Я должен был поехать в Ленинакан... Сразу поехали... надо было за ночь, к рассвету, завершить “операцию”... Утром 14 июня вместе с первым секретарем городской парторганизации Армо Аренцем решили увидеть выселяемых... Всюду плач, крики детей, удивление и негодование... В этот день ко мне [за помощью] обратились многие. К сожалению, я не мог ничего сделать. Тем не менее записал адреса трех, вернулся в горком Ленинакана. Представитель министерства КГБ и начальник отделения Ленинакана наотрез отказались исполнить мою просьбу об освобождении этих трех семей... “Они же родились за границей”. Вскоре выяснилось, что старшие члены этих семей – один из Сарыкамыша, а двое – из Карса. Только тогда я узнал, что по отношению к родившимся в Западной Армении [высылка] проводится особенно строго...»¹.

Существовал ли молчаливый консенсус считать «турецких армян» «турецкоподданными» и «дашнаками» и на этом основании отправлять в ссылку, мы сказать пока не можем. Бесспорно то, что за счет западных армян частично «укомплектовали» оба этих контингента. Мотивы выселения для многих армян оставались неясными, но когда при прохождении регистрации на месте высылки они узнали, что их записывают как «турки», у армян это вызвало особый протест. Наиболее ярко эта ситуация представлена в воспоминаниях А. Алексанян, родители которой, будучи беженцами из Вана, вместе с детьми были высланы из Тбилиси в Нарым (Томская область) как «турецкоподданные». «Пошли на регистрацию... Видим – на регистрационных листах написано выселенка-турчанка. Вот еще, уже превратили в турок. Мы подняли шум, но все равно, надо подписываться и все. Федя объяснил, что это просто *категория выселенцев*, а не нацию трогают. Мы в основных списках опять указаны армянами, а это [турки] – категория выселенцев, как спец. переселенцы, кулаки, рязанцы и т.д. и т.п. *Папа говорил, напишите русский, китаец, но не турок*. Все это напрасно, так как мы знали, что Гурген сопротивлялся, но все же заставили. Мама, узнав, что подписали и за нее, подняла большой шум, нас ругала и оскорбляла, что мы так быстро изменили свою нацию»².

Заметим, что вся семья (без указания, что они армяне) в базе «Мемориала» отражается как «турки».

¹ Кочинян А. За колючей проволокой // Гарун. 1989. № 3. С. 47–50 (на арм. яз.).

² Алексанян А. Сибирский дневник 1949–1954 гг. Ереван, 2007. (Антропология памяти. Вып. 1). С. 158–159.

Алексян Арай Арамович. Родился в 1885 г. Проживал: г. Тбилиси. Приговорен: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Алексян Арфеник Араевна. Родилась в 1926 г. Проживала: г. Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Алексян Аишен Георгиевна. Родилась в 1898 г. Проживала: г. Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Алексян Искуи Араевна. Родилась в 1928 г. Проживала: г. Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

Алексян Сильва Араевна. Родилась в 1935 г. Проживала: г. Тбилиси. Приговорена: Особое совещание № 48-а 6 июня 1949 г., **обв.: турки.** Приговор: спецпоселение в Томской обл. (*Источник: УВД Томской обл.*).

В этой семье из пяти человек бывшими турецкоподданными по факту рождения были только двое – отец и мать. Любопытно, что места рождения членов этой семьи в базе «Мемориала» не отражены, между тем дети родились в 1926, 1928, 1935 гг. уже в Советской Грузии, были гражданами СССР и никогда турецкоподданными не были.

Аргументов за то, почему именно западные армяне оказались в 1949 г. одной из целевых групп, попавших в репрессию, достаточно много, и они требуют особого анализа. В данной статье мы лишь констатируем факт. В этой связи крайне любопытным представляется дело Галуста Кебабчяна, 1885 г.р., записанного уроженцем Эрзурума и высланного 14 июня 1949 г. из Батуми как «бывший дашнак». На основании двух показаний свидетелей ему были предъявлены обвинения в том, что он «в прошлом являлся членом армянской к-р буржуазно-националистической партии “Дашнакцутюн” и принимал участие в боях в дашнакских отрядах против турок. В 1920–1930 гг. поддерживал связь с бывшими дашнаками и помогал материально семьям репрессированных дашнаков»¹. Ссылку оформили решением Особого совещания при МГБ СССР от 12 ноября 1949 г., где он указан как уроженец Турции, а сослан вместе с семьей как «дашнак-националист».

Вообще по материалам дела Кебабчяна вопрос «рождения в Турции» крайне противоречив. Сразу после попадания на место ссылки, в село Краюшкино Алтайского края, 7 августа 1949 г. Кебабчян пишет заявление Сталину с просьбой пересмотреть дело и описывает свой жизненный путь – от досоветского сироты, батрака-бедняка до советского производственника, чье имя «не сходило с Красной доски». В данном заявлении он родился «в 1885 г. в селе Хотарждур Ереванского района Армянской

¹ Архив МВД Грузии. Ф. 13. Д. 35. Л. 1.

ССР» (!)¹, «отец убит турками», в 1904 г. переехал в Батум, «когда нужда меня заставила в поисках заработка», основное жизнеописание строит исключительно вокруг жизни в России и СССР².

Однако в письме от 1 октября 1950 г., адресованном МГБ СССР, уже после того, как он узнал, что обвинение – «дашнак-националист, родившийся в Турции» (Кебабчян пишет, что при написании первого письма «я не знал, в чем обвиняюсь или в чем заподозрен»), а также, очевидно, познакомился с другими ссыльными армянами со схожими «турецкими» биографиями, все его повествование строится вокруг «рождения в Турции». В письме он пытается обосновать абсурдность самого обвинения и «оправдать» свое рождение в Турции. Он задает риторический вопрос: «можно ли в вину ставить человеку его рождение в Турции», пытаясь сам же на него и ответить: «...разве ребенок был виноват, что его мать разрешилась от бремени в Турции, а не в Грузии? Разве я, одиннадцатилетний мальчик, стал виноватым потому, что после рождения 10 лет прожил в ТУРЦИИ, а потом ТУРКИ перерезали моих родителей³, а меня мальчиком кто-то спас и привез в РОССИЮ. Или, может, это не обвинение – рождение в Турции, а просто сказано так, но сказано так, что звучит как обвинение»⁴. Остальное повествование письма Кебабчяна строится на его приверженности большевизму и заканчивается просьбой снять с него «позорное слово “дашнак-националист”, восстановить репутацию честного, преданного гражданина СССР».

В деле Кебабчяна сохранились показания двух армян, Симоняна и Мелконяна, уроженцев Турции («с. Тапованг (Турция)», «г. Карс /Турция/»), допросы которых проведены 12–13 апреля 1949 г. сотрудниками МГБ Аджарской ССР и буквально «заточены» под выявление среди армян, проживающих в Батуми, уроженцев Западной Армении. По итогам только одного допроса был получен список на 35 чел. (все уроженцы Западной Армении), среди которых оказался и Кебабчян⁵. На некоторых приведены комментарии, для других указан только факт «рождения в Турции». Пока у нас нет никакой информации, чтобы рассказать о судьбах этих людей, но подобные материалы позволяют осуществлять персональный поиск в условиях, когда нет возможности, опираясь на однородные массивы архивных дел, создавать базу на депортированных. Учетные дела на выселенных в грузинских архивах сохранились лишь фрагментарно. Однако есть девять томов поэшелонных списков на высланных в 1949–1951 гг., что может быть взято за основу

¹ Хотрджур находится в Эрзурумском вилайете Турции, в Западной Армении. Это несоответствие не осталось незамеченным сотрудниками МГБ, о чем говорят пометы красным карандашом.

² Архив МВД Грузии. Ф. 13. Д. 35. Л. 13.

³ Речь идет о резне армян 1895 г., организованной султаном Османской империи Абдул Гамидом в восточных вилайетах страны (на территории Западной Армении). Считается, что в 1895 г. было перерезано 300 000 армян.

⁴ Архив МВД Грузии. Ф. 13. Д. 35. Л. 34.

⁵ Архив МВД Грузии. Ф. 13. Д. 27. Л. 109–112.

для составления базы с последующей ее доработкой на материалах баз данных ИЦ МВД Алтайского края и ИЦ МВД Томской области.

На данный момент можно утверждать, что в Национальном архиве Армении находятся дела только 2682 семей (12 457 чел.), высланных из Армении в 1949 г. Армяне в 1949–1951 гг. массово выселялись и с территории Грузии, Азербайджана, Краснодарского края, и, по приказу, из Украины. Согласно отчету министра МВД Грузии, на спецпоселение из Грузии в 1949–1950 гг. было выселено 9923 семьи в количестве 43 344 чел., среди которых, помимо греков и ираноподданных, 677 семей, или 2718 чел. «дашнаков», и 907 семей, или 2834 чел. «туркоподданных»¹. Если в отношении первых можно с уверенностью говорить об абсолютном доминировании армян, то этнический состав категории «туркоподданных» вызывает вопросы, ответы на которые только предстоит найти.

Сергей Красильников

История и память. Потенциал взаимодействия*

В постсоветский период можно наблюдать своего рода волнообразность внимания российского социума к своему историческому прошлому. В 1990-е гг. кризис «советскости» преломлялся в массовом общественном сознании в глобальное переосмысление и переоценку прежних мировоззренческих ценностей, сформировавшихся в советскую эпоху. Запрос на упомянутое выше переосмысление находил выход в валовом росте работ историко-публицистического характера, начиная от формата газетно-журнальных публикаций до выпуска значительными тиражами полупрофессиональных, а нередко и квазипрофессиональных, работ на тему «исторического пути России», где событиям советского периода отводилось знаковое место.

Всплеск разножанровых публикаций в дальнейшем только закреплялся, что свидетельствовало об устойчивости потребности со стороны социума, отдельных его групп и общностей в выстраивании собственной идентичности, и с определенного момента (с так называемых нулевых годов) попал в поле интереса институтов власти. В информационном поле, особенно после 2010 г., появляются устойчивые словосочетания «историческая память», «государственная политика памяти» как очевидные свидетельства того, что государственные институты оценили потенциал исторического прошлого в качестве одного из важных факторов укрепления своей легитимации, с одной стороны, и ресурса социальной мобилизации – с другой.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-21-200001.

¹ Архив МВД Грузии. Ф. 13. Д. 27. Л. 1–2.

Ввиду многозначности терминологического словосочетания «историческая память» следует договориться о его природе, смыслах и границах применения. В профессиональной исторической науке на этот счет есть несколько отрефлексированных позиций. По одной из них следует четко отграничивать понятия «история» и «память». «История» – по своей природе – это *историческое знание*, или отрефлексированная, закреплённая и упорядоченная информация о прошлых событиях, явлениях, процессах. «Память» – по своей природе и формам существования – социальная, коллективная, групповая. Социальная память основана на *ценностях*. Можно говорить и о культурной памяти, которая также выражается в ценностях, символах, нарративах. Социальная или культурная память – это тоже рефлексия о прошлом, но формируемая, закрепляемая и передаваемая по иным основаниям, нежели историческое знание. Отсюда и проистекает интеллектуальная традиция разведения понятий «история» и «память».

Среди историков данная позиция в наиболее завершённом виде формулируется французским исследователем Пьером Нора: «Память – явление всегда современное, это переживаемая связь с вечным настоящим; история же – представление о прошлом. Так как память эмоциональна и легковерна, ее устраивают только те детали, которые ее упрочивают... История же, будучи операцией интеллектуальной и секуляризаторской, требует анализа и критического дискурса. Память помещает воспоминание в разряд священного, история же выгоняет его оттуда... память по своей природе является многосложной и делимой, коллективной, множественной и индивидуализированной. История же, наоборот, принадлежит всем и никому, что сообщает ей устремленность ко всеобщему»¹.

Его соотечественник, Антуан Про, выступая, безусловно, на стороне П. Нора, размышляя о том, как найти выход из противоречия между природой и целеполаганием социальной памяти и научной рефлексией о прошлом, ищет поле разумного взаимодействия между социальным и научным обращением к прошлому. Его он находит в следующем: «Наше... общество боится уже не утонуть в прошлом, а потерять его... Охватившая нас “мемориальность”, требующая от историков компетентного и авторитетного участия, сопровождается беспрецедентным подъемом интереса к культурному наследию»². Однако профессиональные приоритеты должны быть соблюдены: «...история не должна идти в услужение к памяти; она должна, конечно, считаться со спросом на память, но лишь для того, чтобы превратить этот спрос в историю»³.

В соответствии с вышесказанным, коль скоро речь идет о принципах и границах взаимодействия истории и памяти, тогда словосочетание «историческая память» должно иметь определенную оговорку, или допущение: ис-

¹ Цит. по: Про Антуан. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 313.

² Про Антуан. Двенадцать уроков по истории. С. 314–315.

³ Там же. С. 319.

торическая память (ИП) – это прикладное, или практико-ориентированное, применение исторических знаний, движение истории навстречу запросам и требованиям социальной памяти. *Тогда ИП в ее узком и инструментальном значении – это причастность и ответственность профессиональных историков за формирование и трансформацию всех разновидностей памяти – социальной, национальной, культурной, этнической и др.*

Другая принципиальная грань проблемы ИП – это ее субъектность: кто выступает создателем/хранителем/интерпретатором при упорядочении информационного корпуса, называемого исторической памятью в ее практическом приложении. Здесь мы вступаем в пространство информационно-коммуникационных связей, для понимания механизмов действия которых следует воспользоваться знаменитой формулой американского социолога Г. Лассуэлла: *кто – что – как – кому – с каким эффектом* сообщает/передает информацию.

Нейтральной социальной информации практически не бывает: она всегда ценностно окрашена. Отсюда вырастает ценность обладания информацией и механизмами ее распространения. Следовательно, субъектность «мемориальности» является ключевой. Отсюда знаменитая формула из не менее знаменитого романа Дж. Оруэлла «1984» об одном из постулатов тоталитаризма: «Кто управляет настоящим – тот управляет прошлым»¹. Отсюда и проблема «управляемой памяти», или институциональный аспект: политика в области исторической памяти. Нужна ли она, и если – да, то далее – содержательные аспекты: возможности и границы/пределы воздействия на ИП. Какой была/есть/может быть государственная политика памяти (ГПП) – жесткой/директивной/прямой или мягкой/косвенной, опосредованной?

Здесь может быть уместен пример из раннесоветской эпохи, когда, придя к власти и удержав ее в период Гражданской войны, большевики решали задачу упрочения нового режима. Проблема прямого контроля над прошлым напрямую в первой половине 1920-х гг. не стояла, однако для политического руководства насущной задачей выступали стратегия и тактика овладения культурным наследием или овладения мировоззренческими «высотами». В наиболее отчетливой форме партийно-государственная линия оказалась выражена в публицистической статье Л.Д. Троцкого «Партийная политика в искусстве» (1923): *«Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где она только содействует. Есть, наконец, области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно – руководить».*

Далее Троцкий высказывает весьма актуальные мысли о партийной политике и практике ее реализации в сферах культуры в широком смысле,

¹ Оруэлл Дж. 1984. М., 1989. С. 36.

включая сюда науку, литературу, искусство. Здесь он выступает за разумное сочетание твердости и гибкости: «Критерий наш – отчетливо политический. Но именно поэтому он должен ясно очерчивать пределы своего действия. Чтобы выразиться еще отчетливее, скажу: при бдительной революционной цензуре – широкая и гибкая политика в области искусства, чуждая кружкового злопыхательства.

Совершенно очевидно, что и в области искусства партия не может ни на один день придерживаться либерального принципа *laisser fair, laisser passer* (предоставьте вещам идти своим ходом). Весь вопрос только в том, с какого пункта начинается вмешательство и где его пределы; в каких случаях – между чем и чем партия обязана делать выбор. И этот вопрос вовсе не так прост...»¹.

Очевидно, что в позиции Троцкого можно увидеть определенный универсальный механизм государственной политики не только управления и регулирования культурными процессами как таковыми, но и технологии внесения и утверждения государственных приоритетов в общественное сознание с целью формирования мировоззренческих основ и ориентиров. Будучи как теоретиком, так и практиком большевистской государственности, Троцкий предлагал достаточно широкий арсенал средств регулирования в широком смысле государственной гуманитарно-мировоззренческой политики и практики ее реализации. Впрочем, государственная политика памяти с привлечением профессиональных историков на институциональной основе началась с середины 1930-х гг., уже вне влияния Л.Д. Троцкого и в достаточно жесткой директивной форме. В то же время подход Троцкого к пониманию того, что диктатура в культуре может привести к деструктивным последствиям (а в нашем случае речь идет о диктатуре памяти), оказывается весьма актуальным в современных условиях, когда «историческая память» становится элементом конструирования идентичности – государственной и гражданской.

Советская эпоха была масштабным мировоззренческим экспериментом, где громадные средства были брошены на достижение сверхцели – в рамках так называемой социальной инженерии сконструировать и закрепить для воспроизводства новый тип личности («советский человек») и общность («советский народ как новая историческая общность»). Считалось, что выстроенная на мировоззренческой/идеологической основе социальная идентичность будет базовой, доминирующей, определяющей. В жертву были принесены как минимум две базовые традиционные идентичности – этническая и конфессиональная, а также две другие, не менее корневые – культурная и территориально-поселенческая (земляческая).

Сегодня с очевидностью можно констатировать, что данный советский государственный проект оказался тупиковым, и на свое место вернулись

¹ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 170–172.

традиционные идентификаторы – этнические, конфессиональные, культурные, поселенческие и т.д. Это своего рода историческое предупреждение – государственные проекты/программы должны иметь четкие границы, или коридор возможностей, когда речь идет о воздействии, влиянии на органические процессы, идущие объективно, имеющие свой ритм, логику.

В социально-гуманитарных дисциплинах используется терминологическое понятие – «горизонты памяти», они могут быть короткими и длинными, продолжительными. Пропаганда и идеология всегда имеют в своем арсенале два горизонта «управляемой памяти» – короткий и длинный. И теми и другими можно управлять, а следовательно, и манипулировать. Известный российский демограф Анатолий Вишневский не так давно очень удачно подметил технологии «стирания памяти» – вычеркивание из советской государственной официальной памяти целых народов. Достаточно взять в руки Большую Советскую Энциклопедию (БСЭ), выходящую в первой половине 1950-х гг. Там нет статей «калмыки», «чеченцы», «ингуши», так как на тот момент они относились к категории «депортированных народов» с маркировкой «навечно». Под этим углом зрения чрезвычайно полезным было бы проанализировать БСЭ как историко-культурный источник, причем на предмет не только того, что там представлено, но и в большей даже степени того, что было «стерто», вычеркнуто.

Применительно к советскому историческому прошлому мы имеем дело с феноменом «обрубленной», деформированной, травматичной памяти. На первую половину XX в. в России/СССР пришлась экстремальная полоса войн, революций, массовых репрессий, где трудно выделить хотя бы одно «спокойное» пятилетие. Все это сопровождалось колоссальными по своим масштабам и последствиям социально-демографическими перемещениями, которые сказались на судьбах социальных слоев, этносов, конфессиональных и других общностей. Историки и социологи описывают эти события в рамках трех «М»: мобильность – миграции – маргинальность. При наложении друг на друга они давали кумулятивный эффект, носивший для отечественного социума избыточно катастрофичный характер. Катастрофы эпохи войн, революций и тоталитарного режима – это не только обрушение социальной структуры и иерархии социальных статусов, когда вертикальная мобильность действует одновременно в двух направлениях, нисходящем и восходящем, следствием чего становится нивелирование, «огрубление», упрощение социальной структуры, связей и отношений. «Перепахиванию» подверглись те «точки роста», которые аккумулировали прогрессивный социальный капитал пореформенной России, своего рода «протоклассы» (профессиональные рабочие, предприниматели, интеллигенция). Сюда же попали и традиционные сословия, идентичность которых оказалась окрашена отрицательной политико-идеологической коннотацией (дворянство, священнослужители, крестьянство, казачество). В итоге социально-профессиональные общности оказались переформатированы в рам-

ках советского общества таким образом, что возникла символическая модель «народного общества» из трех составных частей (рабочие – крестьяне – служащие). Сформированные за краткий исторический промежуток времени перечисленные общности оказались в ситуации, когда акцентировалось внимание на идентификационной новизне, а не на преемственности с прошлым.

Отсюда сложился феномен «обрубленной», деформированной памяти, и не только на уровне социальной памяти тех или иных групп, общностей, но, прежде всего, на уровне семьи, поколений. Для громадной массы семей их семейная память ограничивается, как правило, несколькими поколениями, выпавшими на XX век. Глубже – хотя бы в пореформенном периоде России – отыскать, зафиксировать семейные корни крайне трудно. И дело здесь не только в банальной причине – зачастую попросту нет документальных свидетельств, источников, семейных архивов. Самый популярный с точки зрения массового спроса в региональных архивах сегодня источник – это метрические книги дореволюционного периода. Громадный интерес и тяга к поиску своих семейных родословных, т.е. корней, свидетельствует о социальной востребованности, спросе на историческое прошлое. И это – поле реального взаимодействия профессиональных историков с людьми – консультации, экспертные рекомендации, нацеленные на то, чтобы оказать содействие желающим найти нужную персональную информацию. Но это только один из аспектов участия историков в возвращении памяти.

Более сложным является пространство взаимодействия профессиональных историков с представителями консолидированных по разным основаниям общностей. Достаточно ярко проявившимися группами, обращающимися к прошлому в поисках своей идентичности, выступают в современных условиях казачество, конфессиональные и этнические образования и др. К этому следует присоединить и стремление к восстановлению своей «корневой» системы профессиональных, корпоративных групп, начиная от представителей силовых структур и кончая священнослужителями, банкирами и др. В данном случае перед историками встает дилемма «заказа» на историю, когда с точки зрения интересов той или иной общности или корпорации это может быть не столько «правдивая», сколько «славная» версия ее исторического прошлого. Наибольшую активность проявляют представители силовых структур и РПЦ, корпоративные истории которых поддерживаются на институциональном уровне, отсюда возникают периодические коллизии в трактовках событий истории XX в. между «корпоративными» и «гражданскими» исследователями. Необходимо признать, что наиболее толерантные и конструктивные взаимодействия выстроены и поддерживаются между профессиональными историками и носителями этнических и конфессиональных общностей вокруг истории государственных репрессий сталинской эпохи, где потребность в настоящей исторической реконструкции трагиче-

ских событий признается безоговорочной ценностью. Позитивным моментом следует считать то, что такого рода исследовательской и просветительской деятельностью профессиональные историки реализуют одно из своих важнейших предназначений – способствовать восполнению различными общностями недостатка идентичности.

Вместе с тем, как справедливо заметил А.Б. Рогинский в своем известном выступлении на первой Международной конференции по истории сталинизма в 2008 г. «Память о сталинизме», если население страны после 1991 г. испытало недостаток идентичности, то власть, новая элита обратилась к прошлому из-за дефицита собственной легитимности: «Образ счастливого и славного прошлого был нужен для консолидации населения, восстановления непрерывности авторитета государственной власти, укрепления собственной вертикали и т.д.»¹. Государственная политика памяти стала в последующие годы действенным инструментом властных институтов, и здесь Рогинский оказался прозорливо прав в том, что «постепенно и подспудно концепция великой России прирастала советским периодом, в частности, сталинской эпохой... это не результат установки на идеализацию Сталина, а побочное следствие другой задачи – утверждение заведомой правоты государственной власти»².

Вряд ли найдутся возражения против тезиса о громадной роли государственной власти как одного из базовых факторов существования и развития страны, ее граждан. Вопрос заключается в том, где находится грань, перейдя которую политическая власть может подменять интересы граждан своими собственными, корпоративными, выдавать осуществление собственной охранительной политики за государственные интересы и безопасность, где гражданское начало подменяется принципом державности, где государственное величие объявляется высшей ценностью в сравнении с интересами человеческими и общественными.

Здесь мы имеем дело с новым изданием тоталитарного принципа контроля над прошлым в интересах собственной легитимации. Государственная мемориализация решает не до конца решенную в 1990-е гг. задачу увековечения отечественной государственности в форме памятников династического характера (князю Владимиру в Москве, Ивану Грозному в Орле), зондируется почва для возвращения на пьедесталы и в топонимику деятелей советской государственности (И. Сталина, Ф. Дзержинского). В своем недавнем остро полемическом эссе культуролог и историк Виталий Куренной отмечает особенности современной фазы политики памяти: «Эти памятники про пространство, а не про историческое время. Можно выделить три аспекта этой пространственной логики: геополитическую, милитаристски-географическую и эстетическую.

¹ Рогинский А.Б. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 23.

² Там же. С. 27.

Установление памятника князю Владимиру в центре Москвы прочитывается в первую очередь как ответ на сложившуюся ситуацию конфликта с Украиной и изменение конфигурации отношений с Киевом... Изменилась геополитическая ситуация – изменяется и конфигурация пространственного расположения памятников... Пространственная интерпретация истории выходит на первый план и в других громких событиях, связанных с установкой памятников в последнее время. Здесь пространство – по формуле “собирания” или “защиты” земель – выступает уже как основной масштаб деятельности исторического лица, ключевой аргумент признания его военно-исторической роли. ...Вопросы исторической памяти превращаются здесь в вопросы пространственного расположения территориальных границ и оборонительных линий, что и выступает как самодостаточный аргумент с точки зрения инициаторов установки памятника... Подобная редукция истории к пространству означает архаизацию исторического мышления и исторического чувства. Это возвращает нас в досовременный период, где монументы царей и полководцев создавались с одной целью – навечно превознести их великие свершения и покорение новых территорий»¹.

Мы разделяем мнение В. Куренного в том, что современные нам действия по актуализации исторического прошлого в чьих-либо интересах, в том числе путем мемориализации, несут в себе потенциал антиисторизма, поскольку нацелены на то, чтобы время остановилось «здесь и сейчас», создавая барьеры для развития исторического знания, которое по своей природе является не застывшим, а подвижным, изменчивым.

На наш взгляд, освещение исторического процесса (в ракурсах исторического знания, образования и просвещения) должно иметь не одну, а несколько доминант, как минимум три: *государственно-центричную, социоцентричную и лично-центричную*. В историческом образовании и просвещении наблюдается абсолютное доминирование государственно-центричной интерпретации прошлого. В какой-то и весьма специфической мере присутствует так называемый личностный фактор, да и то он выражен в фигурах государственных лидеров и деятелей, военачальников, реже ученых, корифеев культуры. Социумный аспект практически низведен до уровня статистического, демографического измерения. Разнообразие и многообразие социумной жизни находится на периферии: выше уже отмечалось, что государственно-политическая идентичность фактически в XX в. подмяла и деформировала другие базовые основания для идентичности (этнические, конфессиональные, культурные). И возрождение интереса к гражданским аспектам прошлого может и должно найти свое место в деятельности профессиональных историков. Тем более что здесь поле для естественного формирования исторической памяти. Напрашивается также сравнение с природ-

¹ Куренной В. «Это взгляд не историков, а полководцев» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/gazeta/authors/vitalii_kurennoi.shtml

ным явлением – растением, травой, деревом. Продолжая аналогию, заметим, что в случае с феноменом патриотизма мы можем наблюдать разнонаправленность – он может быть органичным, а может быть и искусственным, спускаемым сверху вниз. Но растения и деревья растут снизу вверх, а не наоборот. Попытка же искусственно вмешаться и ускорить эти процессы чаще всего оказывается контрпродуктивной.

Соответственно, если говорить о политике в области формирования исторического самосознания, образования и просвещения, то она может и должна носить взвешенный характер, учитывающий характер и особенности социальной, культурной, этнической и других форм памяти. Памятуя о прозорливом замечании Л. Троцкого, политике пристало опираться здесь на так называемую триаду: *содействие – взаимодействие – воздействие*. Следует четко определять те границы, методы работы в сфере памяти, где используются технологии *содействия* (скажем, поддержка гражданских инициатив); *взаимодействия* (площадки для диалогов, координация различного рода программ, проектов); *воздействия* (сфера правоприменения в отношении проявлений национализма и различного рода фобий). Первые два вектора создают условия для *роста и развития памяти*. Воздействие «сверху» при определенных условиях грозит выродиться в *политику насаждения стандартов памяти*.

У феномена государственной «политики памяти», помимо перечисленных аспектов, есть еще одно из важных измерений, с которым сплошь и рядом сталкиваются в своей деятельности профессиональные историки – это «присвоенное прошлое». В данном случае речь идет о двух взаимосвязанных сторонах информации о прошлом, которая остается по прошествии той или иной эпохи, в нашем случае – сталинской. Одна из них – это *символическая история*, созданная технологиями индоктринации и действиями идеолого-пропагандистских институтов. Она носит заведомо тенденциозный, но в то же время и весьма укорененный характер, поскольку вошла в государственную институциональную политику и практику (символика, праздники, топонимика). И хотя «после Сталина» исчезли наиболее явные упоминания о нем и его окружении, остались существенные, атрибутивные черты тоталитарной эпохи – персонализация и сакрализация Первого лица, идеократический характер власти, господство этатизма, охранительно-мобилизационные технологии воздействия государства на социум и т.д. Вторая из сторон – это собственно *разновидовая информация о прошлом*. Государственные институты сохраняют монополию на информацию, создававшуюся ими самими, монополию на доступ к ней и ее инструментальное использование. Сложился эффект двойного «присвоенного прошлого» – символической истории и документальных и нарративных ресурсов.

Отсюда реальная реконструкция событий и процессов сталинской и, шире, советской эпохи не просто крайне затруднена, но и встречает ряд почти непреодолимых препятствий. При очевидной тенденциозности советской

официальной «картины мира» исследователи сталкиваются сплошь и рядом с явлением столь же глубокой тенденциозности, заданности и даже прямой фальсифицированности самих документальных источников, поскольку циркулировавшая в системе власти информация выполняла присущие ей функции. Классические приемы источниковедческого анализа здесь также бывают трудно применимы, поскольку желательное выявление и сопоставление информации из разных источников, ее перепроверка часто оказываются невыполнимыми; статистические ряды за разные периоды могут быть выстроены по различным основаниям, а потому и несопоставимы; первичная, «низовая» социальная информация чаще всего не сохранялась или намеренно уничтожалась и т.д.

Историки стремятся преодолеть трудности такого рода, работая с доступным для них корпусом источников. Существуют успешные, апробированные технологии, в частности, связанные с реконструкциями механизмов принятия и реализации важных государственно-политических решений. Когда и если в распоряжении историков оказывается комплекс источников, содержащих не только причину и инициацию конкретного постановления, но и его корректировку в ходе практической реализации, то задача научной реконструкции события может быть выполнена. Об этом, в частности, свидетельствует опыт работы над рядом серийных изданий, в которых отражена советская репрессивно-дискриминационная политика в отношении различных групп постреволюционного социума («Архивы Кремля», «Трагедия советской деревни», «История сталинского ГУЛАГА» и др.).

Изучение репрессивной системы в целом дает историкам возможность для исторических реконструкций, поскольку в своем «ядре» она содержит с той или иной степенью полноты и достоверности информацию о технологиях насилия. И хотя гражданские историки (в отличие от корпоративных) ныне все более отсечены от ведомственных архивов, однако за прошедшие после 1991 г. два десятилетия накоплен и обобщен эмпирический материал, дающий ответы на вопросы о функционировании репрессивной системы в СССР («Что и как это было»). Особенно значительные сдвиги произошли в изучении «анатомии Большого Террора»: с выходом серии документальных и аналитических публикаций ныне с достаточной достоверностью установлены масштабы, технология репрессий, состав репрессированных и другие существенные параметры этого феномена. Достаточно высоким следует считать уровень разработки проблемы принудительных миграций, хотя и пока не все депортационные кампании, коих в разном формате насчитывалось в советскую эпоху около 50, изучены с необходимой полнотой, но динамика научных исследований этого сегмента репрессий достаточно позитивна. Безусловно, в репрессивных кампаниях есть еще свои «серые» зоны, которые касаются изучения технологий и последствий тех из них, которые происходили в форме «Указов», и здесь значительная и кропотливая изыскательская работа еще впереди. Столь же «серой» зоной следует считать технологии и

последствия амнистиционных кампаний, приуроченных к различным юбилейным датам и по другим основаниям в 1920 – середине 1950-х гг. Статистика советских государственных репрессий раннесоветской и сталинской эпох с достаточной определенностью выделяла виды наказаний, связанных с лишением свободы, и наказания, связанные с отработкой на производстве без лишения свободы (исправительные работы). Во втором случае историкам известны масштабы наказаний такого рода, но не институциональная и технологическая сторона их практического осуществления.

Существование ряда тематических полей, не вполне разработанных отечественными российскими историками (здесь логично кооперирование с ныне зарубежными, а ранее с исследователями из республик, входивших до 1991 г. в состав СССР), поднимает очень важную проблему профессионального взаимопонимания и необходимости оперировать в одном формате такими категориями, как «геноцид», «террор», «депортации», «сопротивление» и др. Взаимный опыт конструктивной работы куда более важен и ценен, нежели открытие очередных «битв за историю».

Татьяна Щеглова

Принимающий алтайский социум и депортированные армяне*

Принудительные переселения привели к тому, что за предельно короткий промежуток времени территория Алтайского края стала районом этнически пестрого заселения. Если в 1939 г. на весь край приходилось около 15 тыс. ссыльных, то в 1953 г. их число составило уже 138,5 тыс. чел.

Исследователи рассматривают историю насильственных переселений изолированно от социальной истории принимающего социума. Как правило, историописания по этой проблеме сосредоточены на размещении депортированных в местах ссылки, на условиях их оформления и закрепления на новом месте, посприии гражданских и политических прав. Но для адекватного отражения истории депортации недостает источников и материалов о жизни депортированных в сельском, преимущественно русском, сообществе, об отношении местного населения к ним и их – к местным. Привлечение устных источников позволяет не только установить социально-экономическое положение переселенцев, но прежде всего выявить особенности взаимоотношений спецпереселенцев с местным населением, проследить взаимовлияние культур и оценить уровень межэтнического согласия. Именно восприятие происходящего в ракурсе «свои» – «чужие», диалог при анти-тезе «мы» – «они» отличают воспоминания о событиях, связанных с насильственными этническими переселениями на Алтай.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-21-200001.

Восприятие событий той и другой стороной (местное население и вынужденные мигранты), интерпретация людьми происходящего являются важнейшими историческими источниками. Особую ценность им придает важная для понимания исторического прошлого, восприятия настоящего или конструирования будущего этносоциальная и этнополитическая информация, которая выделяет устные источники о депортации в отдельную группу корпуса устных источников в целом.

Благодаря глубокому личному контексту устная история является альтернативой официальной истории. И эта другая, неофициальная история показывает, насколько сложно, а порой и драматично складывались отношения местных и пришлых. «Неказенная» народная память способна «проникнуть» в официальную историю только через призму семейной истории в виде документированных интервью о взаимоотношениях, складывающихся в период насильственных переселений. Однако в ходе интервьюирования очевидцев выяснилось, как трудно пробиться к живой памяти через штампы и клише, сформировавшиеся вокруг этой темы. Определенные сложности создавала и особая деликатность самой проблемы межэтнических взаимодействий.

Прибывшие на Алтай почти 16 тыс. армян были рассредоточены по 37 районам края группами от 500 до 1300 чел. Внутри районов их пытались «рассеять», размещая небольшими группами, что способствовало компактному расселению. Жители многих алтайских сел помнят о ссыльных армянах. Корпус документированных интервью по проблематике принудительных переселений, собранных нами в течение 20 лет, содержит оценки происходящих событий двумя группами – этническими переселенцами и жителями алтайской деревни; восприятие одних другими и наоборот. Их голоса воссоздают состояние, проблемы и результаты межэтнического общения в экстремальных условиях, факторы и условия этносоциальной дифференциации или консолидации, тенденции в развитии общественных настроений. Конечно, особая болезненность темы, как и любой проблемы этнической истории, требует бережного обращения с ней.

В устной истории депортаций центральное место занимает тема самого репрессивного действия, с акцентом на то, что власть сделала виновной всю семью («от мала до велика»). Связано это было с «юридическим новаторством» советской власти – репрессированием по признаку принадлежности к той или иной группе, а главное, внедрением принципа семейственности в репрессивной политике. Для принудительных мигрантов на первый план вышли проблемы выживания семьи и унижений, которым пришлось подвергнуться. Именно экстремальность условий, униженность, страх за себя и детей способствовали формированию канонов устного повествования этнических депортантов. Обычно респонденты из числа высланных рассказывают о депортации как об обособленном историческом событии. Большое влияние на такое восприятие оказала сама государственная политика, кото-

рая поставила депортантов вне общества, исключила их из общих проблем, противопоставляла их другим народам. В отличие от них рассказчики из числа местных вплетают историю депортированных в повседневную жизнь послевоенной алтайской деревни. Такая особенность отражает законы развития памяти, ее избирательность в соответствии с внутренними ощущениями человека. Ощущения депортированных и местных не совпадали. Для депортированных переселение – это травма, обусловленная сменой привычной социокультурной среды и определенного уклада жизни. Вынужденная смена среды обитания влекла за собой и значительные изменения в мироощущении, традиционных формах поведения и общения, способствовала существенным структурным трансформациям в сознании.

Несмотря на определенную настороженность в начальный период ссылки в отношении «переселенцев с Кавказа», интервью показывают, что дальнейшие отношения между местными и пришлыми определялись межличностными контактами в трудовой и бытовой сферах. Они способствовали и единению, и разобщению. Определенное значение в формировании этнокультурного образа новопоселенцев имели особенности обустройства спецпереселенцев и их включение в повседневную деревенскую жизнь. По ходу совместного проживания характер взаимоотношений изменяется, отражая эволюцию настроений и социального поведения. Анализ устных источников показывает, что факторами сплочения этнически разнородной и политически дифференцированной человеческой массы алтайской деревни являлись такие универсальные ценности, как трудолюбие, добросовестность, отношение к труду. В интервью маркируются такие объединяющие социокультурные предпочтения, как «работящие», «работали хорошо», «плохого никому ничего не делали», «честные, добросовестные».

Как показывают устные свидетельства, подселение спецпереселенцев к русским, обеспечение жильем и трудоустройство переселенцев определялись политикой местных властей и уровнем развития местного производства. Официальные способы размещения депортированных были различными: одних селили в зданиях учреждений, для других находили пустые дома, третьих подселяли к местным жителям. Устные свидетельства показывают, что в основном подселяли. В.Г. Кожемякина говорит: «...вместе жили. Армяне на квартирах у русских» (пос. Урожайный Зонального р-на). По свидетельствам информаторов из местных жителей, желания хозяев при подселении не спрашивали: «Я домой прихожу, а у нас семеро ребятишек, да их двое. У нас жили на квартире года два, они в одной комнате, мы в другой... Их привезли, и все... Нас и дома никого не было... их привезли. Сгрузили и сказали, пусть они здесь живут...» (И.Г. Новоскольцев). Информаторы часто говорили, что все «жили вместе», и в то же время подчеркивали, что их землянки, саманки, бараки находились за определенной чертой оседлости русских старожилов. Так, в пос. Урожайном «армяне жили на той стороне лог... Лог, пруд, по той стороне жили все... Армяне жили, молдаване отдель-

но жили... Русские тоже жили. Вместе же не будем жить с ними. Каждая семья к своей кучке – скажем, армяне там...» (М.Д. Кожемякин, Т.А. Чепурных). Многие местные отмечают, что армяне проявляли определенную тягу к этнической консолидации и не стремились стать «своими», раствориться среди русских.

Частым явлением было размещение депортированных в бараках и сараях. В пос. Восход Зонального района все депортированные жили в бараках. А.И. Горбатова рассказывала, что «там, где контора, барак был, где... немцы, армяне жили, – длинный, сделанный». Некоторые депортированные строились сами. Самым распространенным способом сооружения жилья в то время, по рассказам очевидцев, стали землянки из дерна с углублением в землю, саманные, литые и каркасные дома с использованием соломы и глины. Армяне на Алтае, благодаря традициям глинобитного строительства, массово приступили к возведению саманных домов. Т.А. Чепурных рассказывала про армян: «Ну, их почему-то на ту сторону вывезли, они там строились. Они делали дома сами: ямы выкапывали: туда солому, глину топтали. Саманные дома». М.Д. Кожемякин так и говорит: «Армяне это выдумали, такое строительство (саманное). И настоящее строительство. Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят». Важным фактором консолидации стал обмен трудовым опытом обустройства своей жилой среды и ведения домашнего хозяйства.

Взаимоотношения местных жителей и ссыльных строились с учетом этнокультурных факторов, среди которых и та и другая сторона отмечают и сходство, и различия, и непривлекательные, и положительные черты. Главным фактором в выстраивании отношений высланных и местных являлось владение русским языком и близость хозяйственно-культурных традиций. Русский язык становился главным адаптационным фактором. Если младшее и среднее поколение довольно быстро перешли на общение с местными на русском языке, то для старшего поколения это оказалось практически невозможным, что ограничивало круг их общения только рамками семьи или переселенческой группы. Национальный язык, как и некоторые другие этнические константы, оставался этнодифференцирующим фактором.

Незнание и непонимание поведения, семейных и бытовых традиций становились непреодолимой преградой, способствовали формированию негативного образа или приводили к формированию искаженных стереотипов. Так, сформировавшееся представление о сравнительном достатке переселенцев-армян основывалось на незнании их традиций обустройства жилища и традиционной одежды. Например, информаторы из числа местных обычно считали армян, приехавших с коврами, богатыми (по сравнению с местными крестьянами): ковер в алтайской деревне являлся роскошью. Согласно же национальной армянской традиции, ковер – символ благополучия семьи, неотъемлемая часть жилищной культуры, тогда как русское сельское население расценивало его как роскошь. П.Н. Гурова, жительница пос. Восход

Зонального района, рассуждала так: «Бедно немцы приехали – вот как мы тут были, так вот они в таком виде, никакого богатства. А вот у армян были ковры». Сформировавшееся стереотипное поведение о более высоком материальном положении ассоциировалось с одеждой, особенно у бывших горожан. Интервью показывают, что со временем происходила активизация контактов – посещение и участие в свадьбах, поминках и др. и даже, при «дефиците женихов», были случаи смешанных браков (хотя доминировали браки «среди своих»). Все это свидетельствует о происходящей межэтнической консолидации и включении армян в формирующееся поликультурное общество.

Объединить и перемешать народы мог только совместный труд. На Алтае армяне оказались задействованы преимущественно в аграрном производстве, где в послевоенное время катастрофически не хватало мужской рабочей силы. Все местные вспоминают, что с ними на полях «армяне работали». Армяне достаточно легко вливались в трудовые коллективы. Однако со временем, оценив строительные умения и навыки армян, их стали чаще использовать в строительстве производственных и жилых объектов. Отсутствие большой разницы в производственной, бытовой и поведенческой культурах позволяло переселенцам быстрее встроиться в общественные отношения на новом месте.

Шесть лет ссылки в условиях иноэтничной среды не могли не наложить существенный отпечаток на ссыльных армян, главным здесь стало то, что модернизации подверглись традиционные ценности. Тем не менее отмена режима ссылки армян в 1955–1956 гг. привела к массовому выезду их на родину. Принудительно переселенные в 1949 г. армяне не прижились на Алтае.

Гаяне Шагоян

Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы*

В статье сравниваются нарративы устных историй и коммеморативные практики по поводу массовой депортации армян в Сибирь в 1949 г. и геноцида армян в Турции (1915–1923). Метод устной истории, как известно, часто применялся при изучении именно геноцидов, авторитарных режимов. Что, с одной стороны, делается для того, чтобы показать драматическую статистику в человеческом масштабе, а с другой – для восполнения материала по вопросам, где устная история остается единственной альтернативой официальным источникам. И если в европейской историографической традиции открытие нового метода стимулировало сбор устного материала, в Армении накопление устных историй, в частности о геноциде, предшествовало зна-

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта 15 РГ-27.

комству армянских исследователей с методом устной истории. Такая ситуация сложилась в силу того, что геноцид армян не только не признавался его вершителем, Турцией, но любая отсылка к этому вопросу, в силу различных политических причин, оценивалась и в СССР, и во многих западных государствах как проявление национализма¹. В результате вопрос из области официальной историографии мигрировал в ее маргинальные ниши: фольклористику², этнографию, а в США – в журналистику и частные архивы³. Память о геноциде в советские годы была спрессована в рамки семейной истории и развернулась в мощное протестное движение в период хрущевской оттепели, вылившись в многотысячные митинги и демонстрации 24 апреля 1965 г. в 50-летний юбилей этой даты⁴. Позже та же память о геноциде стала мотором консолидации армян вокруг одного из первых позднесоветских национальных движений в поддержку инициативы армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области о ее передаче из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР⁵, а после погромов армянского населения в азербайджанском городе Сумгаит в публичном дискурсе азербайджанцев, которых раньше в неформальной речи называли турками, имея в виду единый язык, полностью стали отождествлять с последними, теперь из-за общности «геноцидальных практик». Доминирование сюжета геноцида во время многотысячных митингов и демонстраций 1988–1989 гг. хорошо проил-

¹ По мнению американского историка Степана Астурияна (**Astourian S.H.** *Armenian Genocide Studies: Development as a Field, Historiographic Appraisal, and the Road Ahead* // Доклад на международной конференции: «Origins of the Armenian Genocide. The Crucial Years», UC Berkeley, 2015), международный научный интерес к геноциду армян появился в 1990-х гг., что было обусловлено распадом СССР и Югославии с последующими этническими чистками и, наконец, геноцидом в Руанде (1994). По этому поводу многие известные авторы обратились к проблеме геноцида, рассматривая наряду с другими и геноцид армян, чем была «легитимизирована» научная дискуссия вопроса. Ср.: **Naimark N.** *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. P. 17–56; **Mann M.** *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 111–179; **Valentino B.A.** *Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the 20th Century*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2004. P. 152–191; **Lie J.** *Modern Peoplehood*. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 2004, *passim*; **Akçam T.** *From Empire to Republic: Turkish Nationalism & the Armenian Genocide*. London and New York: Zed Books, 2004; **Bloxham D.** *The Great Game of Genocide: Imperialism, Nationalism, and the Destruction of the Ottoman Armenians*. Oxford: Oxford University Press, 2005; и др.

² См.: **Svazlyan V.** *The Armenian Genocide. Testimonies of the Eyewitness Survivors*, Yerevan: Gitutyun, 2011. 848 p.; **Свазлян В.** *Геноцид армян и историческая память народа*. Ереван: Гитутюн, 2005. 140 с.

³ Ср., например, фильмотеку Микаэла Акобяна, снявшего 400 видеозаписей устных историй о геноциде, которые были переданы в вашингтонский музей Холокоста; доступны на сайте: <http://www.armenianfilm.org>

⁴ О памяти об этом событии см.: **Lehmann M.** *Apricot Socialism: The National Past, the Soviet Project, and the Imagining of Community in Late Soviet Armenia* // *Slavic Review*. 74. N 1 (Spring 2015). P. 9–31.

⁵ **Dudwick N.** *The Karabakh Movement: An Old Scario Gets Rewritten* // *Armenia Review*. 1989. 42 (3). P. 64; **Abrahamian L.** *Armenian Identity in a Changine World*. Costa Mesa: Mazda Publishers, 2006. P. 76.

люстрировано А. Марутяном в анализе транспарантов Карабахского движения¹. Для сравнения отмечу, что в 1988 г. во время ереванских митингов, связанных с Карабахским движением, из зарегистрированных около 1000 транспарантов отсылка к теме геноцида присутствовала в той или иной форме в 370, тогда как непосредственно тема Карабаха эксплицитно была выражена лишь на 99 плакатах².

Память же о советских репрессиях в Армении, за редким исключением³, слабо артикулируется на открытых площадках. Еще в годы перестройки, когда тема репрессий широко дискутировалась в общесоветской печати, авторы, которым было что печатать про репрессии в Армении, повременили, поскольку эти вопросы казались менее актуальными, чем, например, исследование того же карабахского движения. Например, в семье упомянутого А. Марутяна лежала ценная рукопись – сибирские дневники его матери, которые она вела в ссылке в 1949–1954 гг., но их публикация⁴ последовала лишь после издания книги сына об отражении памяти о геноциде в карабахском движении⁵. Другой автор, в начале 1980-х собиравший истории о репрессиях в стол, вернулся к этой теме⁶ только после того как сдал в печать значительно позже начатую монографию о карабахской войне.

Интересно, что в годы независимости Армении первый документальный фильм по материалам устных историй репрессированных был снят американским армянином Заре Чгнаторяном на деньги Международного армянского благотворительного фонда в 1997–1998 гг. («Враг народа»), видимо, потому что у армянской диаспоры уже был опыт понимания важности фиксации живой памяти по поводу исторических событий, замалчиваемых официальной историографией.

К устным историям о репрессиях в постсоветской Армении обратились не столько историки, которые для исследования обычно предпочитают архивные материалы, сколько антропологи, привыкшие работать с разными форматами интервью⁷. В нашем проекте было собрано около 100 интервью, большая часть которых касается депортации армян 1949 г. Если З. Чгнаторян снимал видеointerview в 1997–1998 гг. и общался непосредственно с теми, кто отбывал срок в ГУЛАГе и ссылке, антропологи записыва-

¹ **Marutyán H.** Iconography of Armenian Identity. Vol. 1: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement. Yerevan: «Gitutyun» Publishing House, 2009. Anthropology of Memory 3. 416 p.

² Ibid. P. 7.

³ Подобные дискуссии обычно разворачиваются вокруг установления новых памятников советским политическим деятелям, названия улиц в их честь и т.п. См., например: **Шагоян Г.А.** Ставить ли памятник Анастасу Микояну? (Опыт «социальной люстрации» в Армении) // Гефтер [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/19479>

⁴ **Алексанян А.** Сибирский дневник 1949–1954 гг. Ереван: Гитутюн, 2007. 408 с.

⁵ **Marutyán H.** Iconography of Armenian Identity.

⁶ **Смбатян Г.** По эту сторону железного занавеса, Ереван: Зангак-97, 2009.

⁷ **Харатян Г., Шагоян Г., Марутян А., Абрамян Л.** Сталинские репрессии в Армении: история, память, повседневность. Ереван: Гитутюн, 2016. 428 с.

ли свои интервью в основном с 2012 г., т.е. говорили либо со вторым поколением, либо с теми, кто был депортирован ребенком или в лучшем случае очень молодым человеком как «член семьи» дашнака или legionера (так называли армянских коллаборационистов – членов Армянского легиона, на деле в качестве таковых были депортированы все, кто во время войны оказался в немецком плену). Рассказы этих людей – семейные истории, которые начинаются не с истории депортации и даже не с года рождения рассказчика, что часто встречается в биографических интервью, а с истории геноцида, с того момента, когда их родители чудом спаслись от резни и перебрались в Восточную Армению, которая вскоре стала советской. Начало такого повествования обусловлено не только тем, что история семьи на новом месте начинается с момента и по причине геноцида, но и потому что депортация многих семей в Сибирь часто объяснялась их бывшим турецким гражданством. Приказ министра государственной безопасности СССР № 00183 о депортации 1949 г. касался в первую очередь бывших турецко- и грекоподданных¹. Поэтому люди, едва избежавшие смерти на своей родине, в Османской Турции, составили больше половины депортируемого контингента, точнее 68 % ссыльных семей только из Армении. Более того, в учетных книгах, по местам их сибирского расселения, они сокращенно указывались как «турки», и именно под такой графой армянам, бежавшим от турок, приходилось регулярно подписываться². В биографии одних и тех же людей, с которыми мы говорили, сошлись три тоталитарных режима, преступления которых и Ханна Арендт, и римский папа Франциск II, поставив в один ряд, назвали преступлением перед человечеством (геноцид армян, фашизм и сталинизм). Причем в случае наших собеседников и геноцид, и плен в фашистских лагерях могли стать причиной для сталинской депортации. Но главные различия этих трех режимов в повествовании одной биографии заключаются в том, что один сюжет рассказывается «языком» другого сюжета, тогда как третий, можно сказать, не имеет установившегося языка описания.

Подробнее остановимся на этих трех сюжетах, по-разному отраженных в биографиях наших собеседников, людей, рожденных и даже постаревших в Советском Союзе. Усвоенный ими метанарратив отсылает прежде всего к Великой Отечественной войне. Текстами и даже интонацией интервьюируемой Ю.Б. описывается геноцид 1915 г. (ср.: «...когда турки вероломно напали на наш маленький народ»³). Нарратив отечественной войны, где понятны «свои» и «враги», а границы между ними обозначаются в этниче-

¹ Сталинские депортации 1928–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Материк, 2005. С. 666–668.

² **Алексаян А.** Сибирский дневник 1949–1954 гг. ... С. 158–159; см. также: **Шагоян Г.** Возвращаясь в «советское сейчас»: дневник–летопись–мемуары Арпеник Алексаян. Сибирский дневник 1949–1954 гг. Ереван: Гитутюн, 2007. 408 с. (Антропология памяти. Вып. 1) // *Ab Imperio*. 2012. № 2. С. 579.

³ Полевые записи Г. Шагоян, Гюмри, 2012.

ских терминах (ср. совпадение в обыденной речи «немцев» и «фашистов» с определением «турок» в качестве «врага»), легко ложится на сюжет геноцида.

Во многих письмах-обращениях к властям депортированные 1949 г. в надежде доказать, что их неверно депортировали¹, часто ссылаются на участие в Великой Отечественной войне членов семьи, что должно было стать лучшим свидетельством их гражданской лояльности. Однако в устных рассказах депортированных, записанных в 2012–2015 гг., таких отсылок больше нет. Участие в войне лишается ореола «священной миссии» и становится текстом, не транслируемым в постпамять, в лучшем случае остается сюжетом военной повседневности из личного опыта рассказчика. Иначе, в постсоветских текстах наших рассказчиков сохраняется риторика военного повествования, при этом сюжеты заменяются новым составляющим – текстом о геноциде, который как новый метанарратив оформляется не только властями, но быстро подхватывается и креативно расширяется обычными гражданами². Рассказ о депортации по сравнению с сюжетами о геноциде и Великой Отечественной войне бросается в глаза своей неканоничностью, отсутствием общих формулировок: от периодизации до единых понятий для «палачей» (ср.: «доносчики», «предатели», «материалисты», в смысле – написавшие материал, донос). Разная степень канонизации этих сюжетов лучше всего отражена на памятнике, посвященном памяти жертв геноцида, ВОВ и сталинских репрессий, установленном в езидском селе Шамирам. Памятник состоит из трех колонн, каждая из которых посвящена одному из указанных событий, где за датами трагедии указаны имена жертв из этого села. Дата геноцида определена как 1915–1924, Великой Отечественной войны – 1941–1945, сталинские репрессии – 1932–1938. В этой локальной периодизации исторических событий, где первая дата совпадает с «официальной» частично, только по дате начала геноцида (1915), вторая совпадает с официальной полностью, а третья, ориентирующаяся по датам смерти односельчан – жертв репрессий, никак не вписывается в имеющиеся исторические нарративы и отражает исключительно локальную перспективу на историю.

В постсоветский период эти три драматических сюжета начинают «состязаться» за право коммеморации и трансляции следующему поколению. И если сюжет о Великой Отечественной войне полностью отходит в область официальных мероприятий, геноцид оформляется как общенациональный нарратив (с обязательным участием как элит, так и обычных граждан), то сталинские репрессии задвигаются в рамки памяти непосредственно группы

¹ Степанян Г. «Полон надежды, что...» – отчаянные поиски справедливости в контексте депортации армян 1949 г. // Lragir.am. 2015 г. 12 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lragir.am/index/arm/0/society/view/124913>

² Ср.: Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти. К 101-летней годовщине армянского геноцида: тема без «исторических уроков»? // Гефтер [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/18335>

пострадавших и их потомков. В этом легко убедиться, сравнив коммеморативные практики на юбилейные даты, например геноцида и депортации 14 июня 1949 г., когда только из Армении было сослано свыше 12 000 чел., не считая депортированных армян из Грузии, Азербайджана, Северного Причерноморья¹. В 2006 г. день выселения – 14 июня – учрежден как «День памяти жертв репрессий». Но ни одна его юбилейная коммеморация (например, 50-летие в 1999 г. или 60-летие в 2009 г.) так и не стала событием, которое бы широко отмечалось. Внушительных размеров мемориал жертвам советских репрессий был построен в 2007 г. С 2009 г. 14 июня, в день «Памяти репрессированных армян», в Мемориале, построенном в форме здания, встречаются жертвы и их потомки. Представители власти, в том числе и президент, участвовали лишь на открытии памятника в декабре 2008 г. Уже со следующего года никто из представителей власти не участвовал больше в коммеморациях 14 июня. Члены организации «Ушаматян», объединяющей жертв репрессий и их потомков, уже несколько лет безуспешно пытаются поднять вопрос о создании музея при Мемориале «Памяти жертв репрессий», который, по их мнению, должен был превратить мемориал из «памятника-однодневки» в функционирующую память, какой при Мемориале жертвам геноцида стал Музей-институт. Именно пример последнего подсказал, что музей рядом с памятником или совмещенный с ним может быть единственно возможным институциональным решением ухода за мемориалом, который пока осуществляется силами этой неправительственной организации. Иначе память о жертвах сталинских репрессий становится проблемой исключительно непосредственных носителей этой травмы, а не памятью национальной², тогда как память о геноциде настолько живуча, что даже коммерциализируется. Так, множество туристических агентств имеют пакет для туристического паломничества по пути турецкой депортации армян из Восточной Анатолии в пустыню Дер-Зор. Похожие коммеморативные туры-паломничества первыми были организованы для евреев по местам некоторых концлагерей. Поезд памяти был организован и для депортированных в Сибирь калмыков, переживающих это событие как геноцид. Их опыт туристического возвращения по местам ссылок безуспешно попыталась повторить группа армян. Обратимся к теории об этнизации памяти Д. Динера³ для того, чтобы понять, почему в некоторых случаях попытки коммерциализировать травматическую память оказываются более успешными,

¹ **Аблажей Н.Н.** Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1: История. С. 116–121.

² Архитектор и инициатор Мемориального комплекса в Ереване «Памяти армянам – жертвам репрессий» Джим Торосян также был сыном арестованного в 1938 г., а затем расстрелянного Петроса Торосяна.

³ **Diner D.** *Beyond the Conceivable. Studies on Germany, Nazism, and the Holocaust.* Berkeley: University of California Press. 2000.

чем в других похожих ситуациях: например, почему армянам, успешно организующим общенациональные и даже коммерческие коммеморативные мероприятия по поводу геноцида, не удастся сделать это по поводу сталинской депортации, тогда как депортация калмыков приблизительно того же периода и в те же места, куда были сосланы армяне, стала национальным метанарративом. Описание травмы в этнических категориях, по мнению Д. Динера, является наиболее действенным механизмом не только распространения травмы на всю группу, но и гарантией ее передачи следующим поколениям¹. Депортация армян 1949 г., если даже в качестве жертвы была намечена в основном одна этническая группа, была оформлена в категориях социальных групп («бывшие дашнаки, греко- и турецкоподданные, легионеры»). Таким образом, нарратив о депортации армян в Сибирь не был этнизирован ни теми, кто давал приказ², ни самими ссыльными, и этот сюжет выпал из «национальных нарративов». Более того, даже в локальных историях армянских общин Сибири (например, Барнаула или Томска), которые теоретически могли депортацию 1949 г. сделать «мифом о рождении»³, этот сюжет занимает очень скромное, почти незаметное место. Но как только некоторые члены этих общин узнали о масштабах депортации и о том, что этот день официально признан в Армении (иначе, национализирован), первой реакцией было провести мероприятие по этому поводу и местом мероприятия, например в Барнауле, выбрать памятник репрессированным, вокруг которого коммеморации регулярно проводит только немецкая община (иногда и калмыцкая), хотя самих барнаульцев – жертв сталинских репрессий здесь насчитывают около 40 тысяч. По мемориальным плитам, установленным от разных общин в парке перед музеем «Мемориал» в Томске, также можно убедиться, что, как правило, они установлены силами депортированных в эти края нацменьшинств. То есть даже самый поверхностный обзор мемориального ландшафта доказывает правоту предположения Д. Динера о том, что именно этнизированная память имеет потенциал трансляции и перерастания в национальный метанарратив. Например, та же барнаульская армянская община находит средства не только для того, чтобы ежегодно отмечать 24 апреля – день памяти жертв геноцида армян, но в 2015 г., в год столетия геноцида, во дворе армянской церкви установила огромный макет ереванского мемориала памяти жертв геноцида. Реплика этого мемориала или различные

¹ **Diner D.** Ibid.; Ср.: **Etkind A.** *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied.* Stanford University Press, 2013; *Memory and Theory in Eastern Europe* / Eds. Blacker U., Etkind A., Fedor J. Palgrave Macmillan, 2013.

² Эта операция в научных кругах стала известна больше как «греческая» после публикации: **Джуха И.Г.** *Греческая операция. История репрессий против греков в СССР.* СПб.: Алетей, 2006.

³ Ср. историю геноцида, которая для западной армянской диаспоры функционирует именно как «миф о начале». См.: **Abrahamian L.** *Armenian Identity in a Changing World,* Costa Mesa, CA, Mazda, 2006. 328 p.; **Петросян А.** *Геноцид и этногония // Историко-филологический журнал.* 2007. № 3. С. 30–37.

варианты его макетов благодаря многочисленным армянским диаспорам рассеяны по всему миру.

Геноцид армян, до того как стал метанарративом и патронируемым властями сюжетом всенародной памяти (ср. помпезные мероприятия по поводу столетней годовщины)¹, в советские годы находил альтернативные пути мемориализации и выливался в форму протестной акции «частной памяти» против государственной политики замалчивания. Так, в некоторых районах Армении, где в годы геноцида компактно были расселены беженцы из Турции, на многих могильных плитах указаны не только имена и годы жизни усопшего, но и место его рождения – поселение в Западной Армении (Восточная Анатолия Турции). Тем самым могильная плита превращалась в «каменный документ» частной памяти, протестующей против официальной памяти (ситуация, напоминающая сюжет фильма А. Вайды «Катынь», где за указание правильного года смерти брата на его могильной плите сестра расплатилась свободой). История депортации 1949 г. также отразилась не только на оставленных в Сибири могильных плитах множества армян, не перенесших тягот депортационного быта, но и в тех случаях, когда спустя годы останки были перевезены на родину, и на могильной плите указаны не только год и даже место смерти, но и дата перезахоронения, создавая тем самым отличный от официального мемориального языка иной ландшафт памяти.

Таким образом, мы видим, что «войны» частной, замалчиваемой памяти против памяти официальной в армянском случае ориентируются на мемориальные практики, выработанные по ходу борьбы за признание геноцида армян, язык описания которого, в свою очередь, ориентируется на имеющиеся клише советского метанарратива Великой Отечественной войны. Сюжеты же депортаций 1949 г. оказываются неконкурентоспособными по отношению к памяти о геноциде, поскольку эти травматические сюжеты советского режима не были этнизированы, и потому остаются памятью в основном социальной группы непосредственных пострадавших с низким потенциалом трансляции этой травмы. Тогда как память о геноциде из маргинальной, задвинутой на задворки семейной, превратилась в память, доминирующую и консолидирующую этническую группу.

¹ Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

- № 1 Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР. 4 апреля 1949 г.
- № 2 Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье. 4 апреля 1949 г.
- № 3 Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении дашнаков, проживающих в Грузинской ССР. 11 апреля 1949 г.
- № 4 Сопроводительная записка министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова зам. председателя Совета министров СССР Л.П. Берии. 26 мая 1949 г.
- № 5 Приказ министра государственной безопасности СССР № 00183 «О выселении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, и дашнаков с семьями с территории ГССР, АрмССР, АзССР и Черноморского побережья». 28 мая 1949 г.
- № 6 Постановление Совета министров СССР № 2214-856сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря». 29 мая 1949 г.
- № 7 Приказ министра внутренних дел СССР № 00525сс «Об обеспечении перевозок и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также побережья Черного моря». 2 июня 1949 г.
- № 8 Инструкция Начальника Конвойных войск МВД СССР В.М. Бочкова и Начальника Отдела спецпоселений МВД В.В. Шияна начальникам эшелона и конвоя по конвоированию выселенцев. 2 июня 1949 г.
- № 9 Памятка начальнику оперативной группы. Июнь 1949 г.
- № 10 Памятка комендантам станций погрузки. Июнь 1949 г.
- № 11 Материалы учетного дела о выселении семьи В.М. Овивяна (заключение МГБ АрмССР, опросный лист, справка-расписка на высылаемую семью, заключение Особого Совещание при МГБ СССР)
- № 12 Расписка начальника конвоя эшелона № 97114 в принятии спецконтингента на ст. Тихорецкая. 18 июня 1949 г.
- № 13 Акт о высадке семьи на ст. Кафан. 14 июня 1949 г.
- № 14 Акт о рождении в пути следования. 18 июня 1949 г.
- № 15 Акт о смерти спецпереселенца в пути следования. 20 июня 1949 г.
- № 16 Телефонограмма о снятии семьи с эшелона. 22 июня 1949 г.

- № 17 Записка министра лесной и бумажной промышленности СССР Г.М. Орлова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову. 18 июня 1949 г.
- № 18 Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного в УМВД по Томской области А.Н. Бровченко. 21 июня 1949 г.
- № 19 Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного в УМВД по Алтайскому краю Д.Ф. Федорову. 21 июня 1949 г.
- № 20 Распоряжение Алтайского крайисполкома № 501сс. 21 июня 1949 г.
- № 21 Распоряжение Алтайского крайисполкома № 512сс. 23 июня 1949 г.
- № 22 Приказ начальника УМВД по Алтайскому краю Д.Ф. Федорова № 0080 об обеспечении приема, расселения и трудоустройства выселенцев. 23 июня 1949 г.
- № 23 Записка начальника УМВД по Краснодарскому краю генерал-майора А.П. Медведева зам. министру внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. 29 июня 1949 г. 29 июня 1949 г.
- № 24 Докладная записка инспектора для особых поручений ОСП МВД СССР майора Самусенко зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. 1 июля 1949 г.
- № 25 Рапорт начальника отдела перевозок МВД СССР генерал-майора Д.В. Аркадьева зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. 2 июля 1949 г.
- № 26 Записка зам. министра внутренних дел Грузинской ССР К.П. Бзиявы зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясному. 8 июля 1949 г.
- № 27 Записка по «ВЧ» министра внутренних дел УССР Т.А. Строкача зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясному. 8 июля 1949 г.
- № 28 Докладная записка министра внутренних дел Азербайджанской ССР генерал-лейтенанта М.Т. Якубова зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. 16 июля 1949 г.
- № 29 Из Отчетного доклада о работе органов МВД Армянской ССР за 2-й квартал 1949 г.
- № 30 Справка зам. начальника 1 отделения ОСП МВД СССР капитана В.М. Акопяна. 8 июля 1949 г.
- № 31 Акт о приеме эшелона № 97107 на ст. Славгород. 28 июня 1949 г.
- № 32 Акт приема эшелона № 97110 на ст. Чесноковка. 30 июня – 1 июля 1949 г.
- № 33 Акт медосмотра эшелона № 97108. 29 июня 1949 г.
- № 34 Из отчета облздрави Томского облисполкома министру здравоохранения РСФСР и председателю Томского облисполкома о санитарном состоянии эшелонов со спецпереселенцами, прибывшими в Томскую область в июне 1949 г. 29 июля 1949 г.
- № 35 Акт о приеме выселенцев Алейским РО МВД от УМВД по Алтайскому краю. 2 июля 1949 г.

- № 36 Акт об учете выселенцев по спецкомендатуре № 58 Краюшкинского района Алтайского края. 7 июля 1949 г.
- № 37 Акт об учете выселенцев в Залесовском районе. 8 июля 1949 г.
- № 38 Сообщение УМВД по Томской области в Томский облисполком о прибытии в районы области спецпереселенцев-турок. 8 июля 1949 г.
- № 39 Докладная записка начальника УМВД Томской области полковника А.Н. Бровченко зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному о приеме и расселении на территории Томской области выселенцев турок. 27 июля 1949 г.
- № 40 Докладная МВД Алтайского края о приеме и расселении в Алтайском крае выселенцев-дашнаков министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С.Н. Круглову. 13 июля 1949 г.
- № 41 Справка о расселении в районах Алтайского края выселенцев «дашнаков» и выселенных из Молдавии. 29 июля 1949 г.
- № 42 Из докладной записки начальника УМВД по Алтайскому краю Шахова в Отдел спецпоселений МВД СССР о приеме и расселении выселенцев дашнаков и из Молдавии. 20 августа 1949 г.
- № 43 Записка зам. министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенанта Н.Н. Селивановского зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясному. 5 августа 1949 г.
- № 44 Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясного министру внутренних дел ГССР Г.Т. Каранадзе. 14 сентября 1949 г.
- № 45 Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР В.С. Рясного министру внутренних дел Армянской ССР Х.И. Григорьяну. 14 сентября 1949 г.
- № 46 Шифротелеграмма зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В.С. Рясного в УМВД по Алтайскому краю. 22 сентября 1949 г.
- № 47 Из Отчетного доклада о работе органов МВД Армянской ССР за 3-й квартал 1949 г.
- № 48 Шифротелеграмма зам. начальника УМВД по Алтайскому краю зам. министра МВД СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. 11 октября 1949 г.
- № 49 Распоряжение Алтайского исполкома № 933с об устранении недостатков по трудовому и бытовому устройству выселенцев в районах края 1 декабря 1949 г.
- № 50 Докладная записка зам. министра МВД СССР В.С. Рясного и зам. начальника 9 управления МГБ СССР В.В. Шияна С.Н. Круглову о необходимости возбудить ходатайство перед Советом министров СССР о распространении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. на лиц, выселенных из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря. 10 февраля 1950 г.
- № 51 Проект Постановления Совета министров ССР. Февраль 1950 г.

- № 52 Сопроводительная записка С.Н. Круглова к проекту постановления Совета министров СССР «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на лиц, выселенных согласно постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. за № 2214-856сс». 3 марта 1950 г.
- № 53 Указ Президиума Верховного Совета «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1949 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» на лиц, выселенных согласно постановлению Совета Министров СССР № 2214-856сс от 29 мая 1949 г.». 6 апреля 1950 г.
- № 54 Приказ министра внутренних дел СССР № 00266 о распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. на выселение с Черноморского побережья. 25 апреля 1950 г.
- № 55 Распоряжение Совета министров № 14133рс о довыселении иранцев, греков, турок и дашнаков из Грузинской ССР. 10 августа 1951 г.
- № 56 Записка Р.А. Руденко, С.Н. Круглова, И.А. Серова и К.П. Горшенина в ЦК КПСС от 9 сентября 1954 г. с предложением поручить армянской Центральной республиканской комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за к.р. преступление, пересмотр дел выселенных в 1949 г. из Армянской ССР в Алтайский край дашнаков и членов их семей. 9 сентября 1954 г.
- № 57 Приказ генерального прокурора Союза, председателя КГБ при Совете министров СССР, министра внутренних дел СССР и министра юстиции СССР о порядке рассмотрения жалоб и заявлений дашнаков и членов их семей, выселенных в 1949 году из Армянской ССР. 21 сентября 1954 г.
- № 58 Проект постановления ЦК КПСС «О пересмотре дел на выселенных в 1949 году из Армянской ССР дашнаков и членов их семей». Сентябрь 1954 г.
- № 59 Распоряжение УМВД по Алтайскому краю № 8сс с бланком справки об освобождении и расписки. 17 марта 1955 г.
- № 60 Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». 17 сентября 1955 г.
- № 61 Указание УМВД по Алтайскому краю № 39сс об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев. 30 ноября 1955 г.
- № 62 Записка Р.А. Руденко, К.П. Горшенина, С.Н. Круглова, К.Ф. Лунева в ЦК КПСС от 3 декабря 1955 г. о результатах рассмотрения записки секретаря ЦК КП Армении С.А. Товмасына о нарушениях закона, до-

пущенных при выселении дашнаков из Армянской ССР в 1949 г. 3 декабря 1955 г.

- № 63 Указание УМВД по Алтайскому краю № 3с об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев. 25 января 1956 г.
- № 64 Распоряжение УМВД по Алтайскому краю № 10с. 22 марта 1956 г.
- № 65 Распоряжение УМВД по Алтайскому краю № 24с об освобождении некоторых категорий спецпоселенцев. 24 мая 1956 г.
- № 66 Постановление Совета министров Армянской ССР № П-314 о порядке исчисления трудового стажа лиц, возвратившихся со спецпоселения в Армянскую ССР. 1 октября 1956 г.
- № 67 Закон Республики Армения о репрессированных лицах. 14 июня 1994 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
РАЗДЕЛ I. Документы	5
РАЗДЕЛ II. Воспоминания	88
<i>Овивян Ваган. Ссылка (Перевод и комментарии С. Фарамазян)</i>	88
<i>Алексян Арпеник. Сибирский дневник (Комментарии А. Марутяна, при участии Э.-Б. Гучиновой)</i>	104
<i>Малаян Рубен. Страшная ночь 14 июня 1949 года... (Публикация подготовлена Н. Аблажей и А. Марутяном)</i>	159
РАЗДЕЛ III. Исследования	173
<i>Аблажей Наталья. Армянская депортационная кампания 1949 года</i>	173
<i>Харатян Грануш. Контингентность и/или этничность: армяне в фо- кусе депортации 1949 года</i>	191
<i>Красильников Сергей. История и память. Потенциал взаимодейст- вия</i>	202
<i>Щеглова Татьяна. Принимающий алтайский социум и депортиро- ванные армяне</i>	212
<i>Шагоян Гаяне. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы</i>	216
ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ	224

Научное издание

ДЕПОРТАЦИЯ АРМЯН
14 июня 1949 года

Сборник документов и материалов

Редактор *Н.С. Астанина*. Художественный редактор *Л.В. Матвеева*.
Художник *Н.А. Ларшина*. Технический редактор *Н.М. Остроумова*.
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*.

Сдано в набор 28.11.16. Подписано в печать 15.12.16. Бумага ВХИ.
Формат 60×90^{1/16}. Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,5.
Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 100 экз. Заказ № 50.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «Наука».
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

1-50 2-50 3-50 4-50 5-50 6-50 7-50 8-50 9-50 10-50

11-50 12-50 13-50 14-50 15-50

1 Заказ № 50

2 Заказ № 50

3 Заказ № 50

4 Заказ № 50

5 Заказ № 50

6 Заказ № 50

7 Заказ № 50

8 Заказ № 50

9 Заказ № 50

10 Заказ № 50

11 Заказ № 50

12 Заказ № 50

13 Заказ № 50

14 Заказ № 50

15 Заказ № 50